

ДЖИН ВУЛФ

МАРИОНЕТКИ

ДЖИН ВУЛФ

Марионетки

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века

ББК 84.7 США
В 65

Перевод с английского

Вулф Д.
В 65 Марионетки. Пер. с англ. — Ангарск:
Амбер, Лтд., 1993 — 384 с.

4703010100-18 без объявления
В И22(03)

ISBN 5-88358-019-X

© Амбер, Лтд.
Пер. Бурцев А. Б.

ДЖИН ВУЛФ

Марионетки

АНГАРСК
«АМБЕР, ЛТД.»
«СИГМА-ПРЕСС»
1993

Литературно-художественное издание

Джин Вулф
МАРИОНЕТКИ

Ответственный за выпуск
Гусейнов И.

Редактор
Бархатов Н.

Корректор
Суворова Н.

Д

**АМОНА
КИНГ —**

**ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА
ТЬМЫ**

КУКОЛЬНЫЙ МАСТЕР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

По улице проехала машина. Узкий луч фары слабо отразился от кирпичной стены, скользнул, словно ощупывая, по черному углу двери и исчез.

Сэм Кортвейн остался неподвижно сидеть на корточках за укрытием, пока шум мотора не затих в ночи. Сердце колотилось немного быстрее, чем в тот момент, когда он поднялся из-за барьера позади мусоросборника и, сгорбившись, скользнул к двери. Он не боялся, но вел себя с осторожностью, усиленной всем предыдущим опытом работы, которой он добывал себе на пропитание. Почти инстинктивно он стал реагировать на любое движение или подозрительный шум. Сэм сжался у стены, недоверчиво оглядывая обе стороны улицы, ощупывая тонкими пальцами дверную ручку.

Сэм Кортвейн замерз.

Погода была прохладной для этого времени года, а полчаса назад внезапный ливень промочил их с Торнхиллом до костей.

Рука Сэма слегка дрожала, пока он ощупывал гладкую дверную ручку и узкую щель автоматического замка с секретом.

— Разобрался? — спросил за спиной Торнхилл. Голос его заметно дрожал, дыхание было прерывистым.

Сэм подавил усмешку. Торнхилл — хороший человек. Это его первое крупное дело, хотя в будущем он мог стать тем, кого Сэму следует опасаться. До сих пор Торнхилл пробивался на сигаретных автоматах и случайных подработках на мойке машин, поэтому не было ничего удивительного в том, что он нервничал.

Сэм еще раз быстро взглянул по сторонам и достал из кармана связку ключей с отмычками. Вокруг никого не было, и Сэм старался выглядеть спокойным.

Три ночи подряд он занимался тем, что зондировал окрестности. Склад был расположен в старой индустриальной части Лондона. Это была почти пустынная местность, где с наступлением темноты мог заблудиться едва ли не каждый. Ближайший полицейский патруль мог добраться сюда не раньше, чем через час. За это время они со своей добычей будут в безопасности.

Торнхилл встревоженно шевельнулся. Его каблуки тихонько щелкнули по кирпичу. Звук этот смешался с едва слышными завываниями ветра.

У Сэма мелькнула мысль, что освещение, ветхость и отбросы повсюду создают чуть ли не зловещую атмосферу, но он отогнал мысль прочь, собрав сердитые морщинки на лбу, встал на колени и включил фонарик. Батарейки были плохие, но тусклого желтого света хватило, чтобы выбрать нужную отмычку. Сэм сунул ее в замок, повернул пару раз направо и налево и, наконец, довольно усмехнулся, когда раздался еле слышный металлический щелчок. Сэм отступил назад и театральным жестом открыл кончиками пальцев дверь.

— Входите, пожалуйста, господин. Открыто.

Торнхилл неестественно засмеялся. Сгорбившись, он прошмыгнул мимо Сэма и исчез в здании.

Сэм в последний раз недоверчиво оглянулся, затем тоже шмыгнул в дверь и запер ее за собой.

Внутри было абсолютно темно и тихо. Взломщик стоял с открытыми глазами, стараясь отделить естественные звуки пустого дома от громкого стука собственного сердца. Откуда-то доносился слабый монотонный скрип ставень или незакрепленного куска кровельного железа, дрожащего на ветру.

Сэм знал эти звуки. Пустой дом не должен молчать. Напротив, каждый дом имеет свой характерный голос.

— О'кей, — сказал он громче, чем было необходимо. — Можешь зажечь свет.

Справа, где стоял Торнхилл, послышался слабый шорох, потом на голый пол упал вытянутый кружок света от карманного фонарика.

Маслянисто поблескивала лужа. Ящики и картонки, в основном разорванные, стояли в ужасном беспорядке, а на земляном полу лежал почти сантиметровой слой пыли.

Сэм удовлетворенно кивнул. До сих пор все сведения осведомителя подтверждались.

— Посвети-ка направо, — пробормотал он. — Где-то там должна быть лестница.

Торнхилл безмолвно повиновался.

Пучок света скользнул по ящикам, пробежал по куче отходов едва ли не метровой высоты и остановился на тонком плетении металлической лестницы. В пыли шел от нее протоптанный след, доказательство того, что, по крайней мере, часть помещения была жилой.

— Ладно, идем.

Торнхилл заколебался.

Сэм повернулся к нему, но едва смог увидеть расплывчатый черный силуэт своего напарника, смутно вырисовывающийся за фонариком.

— Что, — спросил Сэм, — боишься?

Торнхилл издал странный приглушенный звук.

Страх, констатировал Сэм, но в первый раз это естественно.

— Не боюсь, — жалобно произнес Торнхилл, — но...

Сэм ухмыльнулся в темноте.

— Немного тревожно? — спросил он. — Ничего, это пройдет. Кроме того, твой небольшой страх будет чертовски хорошо оплачен. Идем. Посвети мне.

Сэм повернулся и решительно пошел к лестнице, не ожидая Торнхилла. Юноша был еще наполовину ребенок, поэтому нужно соблюдать терпение.

Сэм добрался до лестницы и положил руку на перила, потом взглянул вверх. Света карманного фонарика едва хватало, чтобы осветить лестницу, хотя он терялся где-то на половине ее высоты и верхняя часть виднелась лишь как слабая тень в

темноте. Сэм подождал, пока Торнхилл подойдет к нему, ободряюще ткнул его в бок и быстро стал подниматься по лестнице. Тонкая металлическая конструкция трепетала под его весом, шаги вызывали странное эхо в огромном пустом помещении.

— Ты уверен, что здесь есть что взять? — нервно спросил Торнхилл.

Сэм спокойно покачал головой.

— Ничуть. Я уверен лишь тогда, когда монеты у меня в руках. Но до сих пор все было верно. И зачем Бархану нас обманывать? В конце концов, он получит свои двадцать процентов лишь тогда, когда мы что-нибудь найдем. А если нет, — голос Сэма зазвучал угрожающе, — он заработает кучу неприятностей. Ему об этом известно.

Сэм добрался до верхней площадки и остановился перед гладкой свежешелющенной нестараемой дверью. Замок казался новым и очень прочным, но для такого профессионального взломщика, как Кортвейн, он не представлял серьезного препятствия. Сэм осмотрел дверь, затем повернул ручку и осторожно открыл ее.

Помещение за дверью было таким же темным, как и большой зал внизу.

Сэм недоверчиво всматривался в темноту, затем протянул руку в сторону Торнхилла и раздраженно зашипел, когда тот недостаточно быстро подал ему фонарик.

— Тише! — прошептал Сэм, когда луч фонарика скользнул по стене. — Ни звука! Будь рядом со мной. И вообще ничего не трогай. Где-то здесь должна быть сигнализация.

Он осторожно шагнул в помещение, повернулся и начал обшаривать лучом стены.

Помещение было без окон, едва больше кладовки. Вторая узкая, крепкая на вид железная дверь вела вглубь здания.

Некоторое время Сэм молча оглядывался, затем показал на тонкие, образованные едва различимыми линиями прямоугольники рядом с дверью.

— Там.

Он вернул Торнхиллу фонарик, расстегнул куртку и достал целый набор блестящих инструментов — щипцы, скальпель, моток тонкой серебряной проволоки и измерительный инструмент в черном кожаном футляре. Ощупав пальцами

правый угол, Сэм отыскал и открыл замок. Далее находился довольно новый металлический ящик.

— А вот и она, — удовлетворенно сказал Сэм.

— Глупости, — пробормотал Торнхилл, покачав головой. — Сигнализация, устроенная так, чтобы сигналить, когда кто-то подходит к двери *изнутри*?

— Нет. Обычно подключают наружную сторону двери, но мастер, видимо, не успел. Через неделю здесь будет крепость. К сожалению, слишком поздно, — ухмыльнулся Сэм.

Его палец с чуткостью хирурга скользнул к коммутатору сигнального устройства и разомкнул замок. Затем на свет божий великой неразберихой вылезла страшная путаница проводов, транзисторов и маленьких блестящих пластинок.

— Ты с этим справишься? — спросил Торнхилл.

— Детские игрушки, — оскалился Сэм. — Это не сигнализация, а шутка. С таким же успехом они могли повесить табличку:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Торнхилл осторожно рассмеялся, но под предостерегающим взглядом Сэма мгновенно успокоился. Неподвижно, не издавая ни звука, он ждал целую вечность, пока Сэм отошел от коробки, и лишь потом едва слышно выдохнул:

— Кончил?

— Кончил, — кивнул Сэм. — Только мне еще нужно собрать все это.

Он взял отмычку, закрыл оба запасных выхода и зашарил по стене, пока не нашел выключатель. Под потолком загорелась неприкрытая лампочка, разливая сумеречный свет.

Пока Торнхилл привыкал к свету, его взгляд упал на соседнее помещение.

Оно было забито манекенами. Должно быть, сотни, если не тысячи мужчин, женщин и детей стояли длинными рядами друг за другом или были свалены друг на друга. В одном углу был стеллаж с запасными частями. Отвинчивающиеся руки и ноги, блестящие головы, кисти, застывшие в вечном оцепенении, в движении свободного полета.

Торнхилл содрогнулся. Он увидел зловещую усмешку в глазах Сэма, но волновало его вовсе не это.

Сэм кивнул головой и закрыл дверь.

Был только один узкий проход, который вел через лабиринт манекенов к маленькому застекленному помещению, пристроенному к южной стене зала.

— Там они, наши милочки, — возбужденно сказал Сэм. — Нужно только их взять.

Торнхилл не ответил. Он прислушивался к звукам в помещении. Чувство чего-то недоброго не исчезало, напротив, с каждым мгновением становилось все сильнее. И это чувство сразу подорвало уверенность Торнхилла в том, что блестящие, бледные фигуры в человеческий рост в действительности всего лишь безжизненные, искусственные куклы.

Лампочка под потолком едва давала свет, и все, что находилось позади первого ряда стоящих неподвижно манекенов, казалось, лежало за занавесом из колеблющихся теней и неопределенного, возможно, только воображаемого движения. Лампочка слегка покачивалась, словно ее колебал ветерок. Тени танцевали, раскланивались во все стороны. Казалось, бледные, мертвые руки манекенов ловят их.

Сэм нажал на ручку стеклянной двери конторки. Она была не заперта. Владелец склада всецело полагался на свою недействующую сигнализацию.

Войдя в конторку, Сэм молча указал на низкий сейф в углу.

— Гляди, — торжествующе сказал он, — точно как рассказывал Бархан. Будем надеяться, что он битком набит.

— Набит? — неуверенно спросил Торнхилл.

Он закрыл за собой дверь и прислонился к холодному гладкому стеклу. Внезапно он испытал сумасшедшее чувство, что манекены следят за ним через стекло. Он чувствовал их взгляды, но устоял перед искушением повернуться.

— Как ты думаешь, зачем в этой лавочке деньги? — спросил он не столько из любопытства, сколько из внезапно появившейся потребности что-то сказать, все равно что, лишь бы не молчать.

Сэм встал на колени перед сейфом, некоторое время рассматривал древний замок, потом полез в куртку за набором блестящих инструментов.

— Зачем? — повторил он, не глядя на Торнхилла. — Зачем, ты думаешь, парню велели установить такую дорогую сигнализацию? Эти манекены стоят денег.

— Эти резиновые малютки? — удивился Торнхилл.

Сэм язвительно рассмеялся.

— Три-четыре сотни фунтов стерлингов за штуку, — сказал он. — Этого достаточно?

Торнхилл изумленно повернулся. Толпа неподвижно стоящих кукол оказывала такое же жуткое воздействие, как и прежде, но теперь он посмотрел на них другими глазами. Там, снаружи, стояло целое состояние!

— Предпочитаю, чтобы мне не мешали, — сказал Сэм. — Эта малютка задержит меня не более, чем на десять минут.

Торнхилл послушно кивнул, немного последил за работой Сэма и, вопреки нехорошему предчувствию, вышел из конторки. Он попытался призвать себя к спокойствию, убеждая, что находящиеся здесь фигуры всего лишь неживые куклы, но, казалось, налицо ситуация, в которой обычная логика не помогала выйти из тяжелого положения.

Он пошарил в карманах и нашел сигарету, достал коробок, дрожащими руками зажег спичку. Огонек в мутной полутьме вспыхнул ярко. Торнхилл закурил, поднес спичку ко рту, чтобы задуть, и замер. Что-то в застывшем облике кукол привлекло его внимание, но он не мог бы сказать, что именно. Он подошел поближе.

Маленькое желтое пламя отбрасывало дрожащие световые блики на правильные черты женского лица и наполняло темные глаза призрачной жизнью. Торнхилл вздрогнул. Спичка догорела и обожгла пальцы, но он не заметил этого, а отбросив ее, пошарил в кармане куртки и достал фонарик.

Кукла действительно была исключительно оформлена. Кто бы ни моделировал и раскрашивал это женское лицо, он явно постарался. Торнхилл плохо разбирался в манекенах, но был уверен, что до сих пор не видел столь четко выполненной работы. Он осторожно протянул руку и дотронулся до головы куклы. Белый материал на ощупь был холодным и грубым, но чувствовалось в нем что-то от живого и мягкого. Возможно, это был новый материал, приближающийся по свойствам к человеческой коже. Торнхилл ощупал волосы и определил, что это не обычные, похожие на солому искусственные жгуты, а настоящие человеческие волосы. Его пальцы скользнули по покатым плечам, бегло ощупали выпуклую грудь. Нужно было

немного воображения, чтобы представить себе живую молодую женщину.

Нужно закрыть глаза и...

Торнхилл испугался и стремительно отдернул руку, словно обжегся, потом смущенно улыбнулся. Если бы Сэм увидел его, то наверняка бы поднял на смех. Он поспешно обернулся, сделал пару шагов назад по проходу и увидел Сэма, по-прежнему сидящего на корточках перед сейфом. Десяти минут все-таки не хватило.

Торнхилл затаился сигаретой, выпустил облачко дыма и скукаясь уставился на носки своих ботинок.

Лампочка все еще покачивалась над головой, а стоящие плечом к плечу куклы отбрасывали причудливые тени на запыленный пол. Тут были силуэты голов, широких, массивных плеч, вытянутых рук с согнутыми пальцами, напоминающими когти, которые, казалось, чувствовались уже на горле.

Торнхилл испустил приглушенный вопль. На долю секунды он ощутил мгновенное скользкое движение, отскочил, ударился о другую куклу и сдавленно застонал.

Из конторки слышался шум, в дверях появился Сэм.

— Что случилось? — выдохнул он.

— Я... она... — Торнхилл с трудом подбирал слова и, шаг за шагом, отступал дальше в проход. — Одна из кукол шевельнулась.

Сэм на мгновение оцепенел. На его лице отразилось сначала удивление, потом бешенство и, наконец, открытая насмешка.

— Ага! — сказал он.

— Можешь считать меня чокнутым, — пробормотал Торнхилл, — но я знаю, что видел!

Сэм усмехнулся.

— Если что-то еще разок шевельнется, спроси, не могут ли куклы помочь нам разобраться с сейфом. — Улыбка мгновенно исчезла с его лица. — Взял себя в руки, а? Я буду готов через две минуты. — Он повернулся, хлопнул за собой дверь и тяжело шагнул к сейфу.

Торнхилл посмотрел ему вслед полными страха глазами. Сердце бешено колотилось, в ушах шумела кровь.

Проклятье, он еще не сошел с ума!

Торнхилл сжал кулаки, закрыл глаза и мысленно сосчитал до десяти. Не существовало чувства, которое сделало бы его еще более неуверенным, чем он был.

Торнхилл еще раз бросил взгляд на конторку, где стоял на коленях перед сейфом Сэм, потом решительно повернулся и пошел вглубь зала. Он уже раз потерял над собой контроль, не оказал сопротивление страху, и теперь бежал, как испуганный ребенок.

Мимо бесконечного ряда голых кукол он направился в дальнюю часть зала. Возле полок, набитых отдельными частями манекенов, стоял накрытый клеенкой стол, на котором лежала наполовину готовая кукла. Она лежала в причудливой позе на согнутых членах, словно только что напряглась, а до этого покоилась, вытянувшись. Руки лежали вдоль тела, глаза были закрыты, словно существо-манекен спало.

Торнхилл нерешительно подошел. Им снова овладело нехорошее чувство, но любопытство оказалось сильнее. Представшая перед глазами картина заставила его содрогнуться.

Это была женщина, вернее, в будущем эта фигура должна была стать женщиной. Ее правая сторона, которую он увидел вначале, была почти готова, но левая половина тела еще не обрабатывалась. Она представляла собой угловатую, необделанную пластиковую заготовку, которая лишь смутно напоминала человеческое тело. Туловище выглядело грязным от проступающей коричневой краски с белыми пятнами. Неоконченная рука висела, как беспомощно скрюченная лапа.

В груди Торнхилла что-то сжалось, когда его взгляд упал на лицо куклы.

Правая сторона была миловидным женским личиком с темно-коричневым глазом и половиной чувственного рта.

Левая представляла собой отвратительную гримасу — угловатая, с неправильными формами и коричневыми комками, с неровной дырой для глаза и половиной губ, искаженных в жуткой злорадной усмешке. Если бы женское лицо было наполовину залито кислотой или обгорело, а потом зажило отвратительными шрамами, то и тогда картина выглядела бы менее ужасной, чем та, что предстала взгляду Торнхилла.

В другом конце помещения раздался резкий крик.

Торнхилл оцепенел.

Крик повторился. На этот раз он показался каким-то нечеловеческим.

Звякнуло стекло, потом что-то с грохотом упало.

— Торнхилл! Торнхилл, помоги! — Это был голос Сэма.

Наконец, Торнхилл очнулся от оцепенения, повернулся, одним движением выскочил в дверь и рванулся вперед.

Снова раздался резкий, нечеловеческий крик, прерванный глухим шумом борьбы, потом опять зазвенело стекло.

Торнхилл опрометчиво бросился вперед и наткнулся на куклу. Он запутался в неподвижных манекенах и попытался торопливо высвободиться, но одежда каким-то образом застряла между пальцами или когтями жутких кукол. Наконец, Торнхилл с силой вырвался, отшвырнув две-три фигуры, стоящие на пути, и в слепой ярости ударил кулаком в искусственное лицо, потом неуверенно двинулся дальше, но снова наткнулся на манекен. Торнхилла охватила паника. Острая боль пронзила запястье. Манекен опрокинулся навзничь и при этом повалил еще штук пять ближайших фигур. Ударившись об пол, манекен треснул, его голова покатилась по полу и остановилась метрах в трех, улыбаясь. Нарисованные глаза вылупились на Торнхилла в бессильном бешенстве.

Молодой взломщик с трудом оторвался от ужасного взгляда и, пошатываясь, пошел дальше. Крики Сэма и шум борьбы стихли, но неожиданно наступившая тишина показалась Торнхиллу еще страшней, чем шум. Он осмотрелся широко раскрытыми от страха глазами, потом направился к стеклянной перегородке в конце зала. Инстинктивно он сделал большой крюк, обойдя куклу с отломанной головой.

Когда он приблизился к бюро, под ногами хрустнуло стекло. Торнхилл остановился, стиснул кулаки и с трудом выдохнул. Что-то не давало ему войти в конторку.

Возникло чувство, что он найдет там нечто ужасное и невообразимое. Но он овладел собой и, шаг за шагом, начал продвигаться дальше.

— Сэм?!

Его голос призрачно прозвучал в просторном зале. Торнхилл испугался собственного крика. Но ответа не последовало.

Торнхилл протянул руку к двери, помедлил и, наконец, решительно нажал ручку. Когда дверь распахнулась, выпало разбитое стекло. Осколки упали на пол и разлетелись вдре-

безги. Длинный осколок поранил Торнхиллу руку, оставив на коже кровавую царапину, но он этого даже не заметил. Как прикованный, Торнхилл уставился на Сэма.

Сэм все еще стоял на коленях перед сейфом, дверца которого была открыта, демонстрируя толстые пачки денег, находящиеся внутри.

Рядом с Сэмом стояла кукла. Она была обнаженной и незаконченной, как и остальные, но отличалась от тех, которых Торнхилл видел снаружи. Она стояла, наклонившись вперед, с опущенной головой и злорадной улыбкой на нарисованных губах. Ее руки были протянуты и смертельными стальными зажимами лежали на горле Сэма.

2

Майк нажал нижнюю кнопку распределительного щитка, подождал, пока лифт закроется, и с преувеличенно деланным стоном застыл напротив облицованной деревом двери.

— Готово, — буркнул он. — Окончательно.

— Да? — Дамона нахмурила брови. — Как я должна понимать ваши слова, великий маэстро?

Майк коротко усмехнулся, но тут же вновь сделался серьезным.

— Во всех отношениях, любимая, — сказал он. — Во всех отношениях. Переговоры начнутся, поскольку ты или я необходимы для этого.

Он проговорил это с нажимом, но Дамона сделала вид, будто ничего не заметила, и Майк после едва уловимой паузы продолжал:

— Кроме того, у меня расшатались нервы. И расшатываются еще больше, когда я вижу, что ты так думаешь.

Дамона вздохнула.

Лифт остановился на первом этаже.

Дамона выглядела королевой, когда быстрыми шагами пересекла вестибюль.

Лишь когда они перешли заполненную машинами Кинд-стрит и сели в свой плоский красный «порше», Майк снова заговорил.

— В последнее время ты появляешься весьма редко, — укоризненно сказал он, — если вспомнить, что фирма принадлежит тебе.

Дамона усмехнулась, откинулась на мягкое сидение и машинально нащупала предохранительный ремень.

— Возможно, — согласилась она, — но я должна добиваться своего. У меня сейчас слишком много забот.

Она слегка рассердилась, особенно после того, как Майк сказал:

— Ты считаешь важным все, кроме меня?

Но в то же время Дамона чувствовала свою вину. В сущности, Майк был прав. Это тоже имело значение. А он уже в течение месяца выполнял за нее все основные функции по управлению Кинг-концерном, и эта задача явно истощила его силы. Он выглядел бледным и утомленным, под глазами лежали черные круги, а руки нервно подрагивали на руле.

— Я серьезно обдумываю этот вопрос, — через некоторое время сказала Дамона. — Не должны ли мы отдать управление концерном в чьи-нибудь руки. По крайней мере, на некоторое время.

— Отдать?

— Я могу сказать — передать полномочия, если тебе нравится это слово. Романо Тоцци готов к этому. Так должно быть лучше для всех.

Майк выругался, дал газ и заставил «порше» проскользнуть в последний момент на желтый свет.

— А мы запираемся в Кинг-крепости и ждем следующего ледникового периода, не так ли? — насмешливо спросил он.

Дамона раздраженно покачала головой.

— Едва ли. Но мы, наконец, должны что-то предпринять против Зангара и его банды. Я очень жалею, что сидела и ждала его следующего удара. Парень становится опасней день ото дня.

— Ты думаешь?

— Я знаю это, — сказала Дамона. — Затишье в последнее время...

— Затишье? — переспросил Майк.

— Это затишье, — кивнула Дамона, — мне не нравится. Я считаю, что он готовит решительный удар. По-настоящему сильный удар. А все, что он делал до этого, служило только для того, чтобы держать нас в напряжении и отвлекать внимание.

Майк задумчиво кивнул.

— Я уже вижу перед собой крупные заголовки, — пробормотал он. — «Крылатый гангстер захватил Лондон!» «Ангел-убийца овладел Букингемским дворцом и похитил королеву!»

Дамона вздохнула.

— Я ошибаюсь, — спросила она, — или ты не принимаешь меня всерьез?

— Да нет же. Ты действительно думаешь, будто я хотел тебя разыграть? — усмехнулся Майк. — Как ты смотришь на то, чтобы продолжить обсуждение этой проблемы за бутылкой хорошего вина и обедом у Луиджи?

— Согласна, но прежде мне бы хотелось еще раз съездить в город.

— Сейчас?

— Да. Поищи где-нибудь стоянку и приготовь свою чековую книжку. Я хочу устроить оргию покупок.

— С моей чековой книжкой?

— Конечно, — невозмутимо ответила Дамона. — Неужели ты думаешь о моей? Для чего я плачу тебе еженедельно зарплату, если не смогу таким образом возвращать свои деньги назад?

Майк хотел возразить, но решил, что не стоит, и только пожал плечами, сбросил газ и стал высматривать стоянку.

Солнце скрылось за облаками.

Они остановились, и Майк, совсем как в старые добрые времена, поспешно обошел машину и открыл перед Дамоной дверцу.

Внезапный порыв холодного ветра заставил их вздрогнуть, и они поспешили найти защиту за барьером теплого воздуха большого универмага.

Посетителей в магазине было немного. Это был магазин повышенной категории цен, а экономический кризис, под гнетом которого изнемогала страна, прошел мимо подобных магазинов бесследно.

Дамона шагнула к двухметровой доске с планом универмага, где красными метками были указаны отделы и показаны направления движения эскалаторов.

— Туда, наверх, мой любимый.

Майк закатил глаза в притворном ужасе.

— Нет, — выдохнул он, — только не это. Ты действительно хочешь закупить драгоценностей для своего удовлетворения?

Ничего не ответив, Дамона поднялась наверх и, провоцируя Майка, сделала круговое движение рукой.

— На все это у меня обычно не хватает времени. А для чего ты зарабатываешь столько денег, если я не могу их тратить?

— Эта шутка не понравилась мне с самого начала, — проворчал Майк, но послушно последовал за Дамоной.

Дамона остановилась в конце лестницы и повернула направо, куда указывала большая, необычно нарисованная стрелка. Там находились отделы часов и украшений, но она не пошла туда, а направилась в другой отдел.

— О, нет! — простонал Майк. — Только не меха! Нет, Дамона...

— Но зима на носу, — запротестовала Дамона.

— Сюда зайдешь потом.

Дамона не обратила внимания на замечание Майка, как будто ничего не слышала.

— Скоро зима, — продолжала настаивать она, — а мне аб-со-лют-но нечего надеть. — Она показала на группу укутанных в дорогие меховые пальто и куртки манекенов. — Смотри-ка, какое прелестное нутриевое пальтецо. Ты не восхищен им?

— Нутрия? — проворчал Майк. — Ее цену пишут с тремя нулями, а может быть, даже и с четырьмя. Но ведь это крыса! Ты же не хочешь носить крысиную шкуру?

Дамона долго обдумывала это, затем кивнула.

— Да, ты прав. Оцелот выглядит лучше.

Она хотела сказать что-то еще, но повернулась и подошла к другому манекену.

— Этот кролик, — сказал Майк, — тоже красивый. И совсем не дорогой.

Дамона покачала головой.

— Меня не интересует куртка, — сказала она, внезапно став совершенно серьезной. — Но посмотри-ка на куклу.

Майк посмотрел, но не смог найти в ней ничего особенного.

Это был манекен, очень точно изготовленная кукла, которая, вероятно, немало стоила, но этого и следовало ожидать в магазине повышенной категории.

— Не вижу ничего особенного.

— Не видишь? — Дамона осторожно протянула руку и дотронулась кончиками пальцев до искусственного лица. — Теплое, — сказала она.

— А?

— Она теплая. Я бы сказала, что у нее температура человеческого тела, — повторила Дамона.

— Не совсем, — раздался голос позади них. — Если быть точным — тридцать градусов Цельсия.

Дамона вздрогнула и повернулась, немного испуганная, сознавая свою вину.

Позади них стоял лысый коротышка.

Дамона рассмотрела через край темных золотых очков его лицо.

— Мисс Кинг, если не ошибаюсь?

Дамона машинально кивнула.

— Меня зовут Хирлет Джефферсон Т. Хирлет, мисс Кинг. Извините, если помешал, но я заметил ваш интерес к нашему новому манекену.

— Это... э-э... ничего, — смущенно пролепетала Дамона. — Но откуда вы знаете мое имя?

Хирлет рассмеялся.

Дамона отметила про себя, что у него странная манера смеяться. Холодно. Да, холодно и как-то фальшиво. Чувствовалось, что это было профессиональным искривлением лица, натренированного за десятилетия и, вероятно, ставшего единственным в своем роде.

— Но помилуйте, мисс Кинг. Я руковожу работой этого магазина вот уже двадцать лет, и знание определенных слоев общества является моей задачей.

— Вы имеете в виду потенциальных покупателей? — грубо спросил Майк.

Дамона бросила на него предостерегающий взгляд, но Майк не обратил на него внимания. Ему не понравился этот Хирлет.

Любой управляющий магазина воспринял бы грубость Майка, как хамство, однако же Хирлет принял это, как само собой разумеющееся.

— Вы интересуетесь куклой? — спросил он еще раз.

— Интересуемся — слишком громко сказано, — уклонилась от ответа Дамона. — Она только привлекла наше внимание.

— Это меня радует, — произнес Хирлет, прошел мимо Дамоны, коснулся рукой куклы и провел почти нежным движением по лицу, словно лаская поверхность манекена. — Она наша гордость, настоящая гордость. Мы — первый магазин в Лондоне, который имеет их. Они чудесны, вы не находите?

Дамона кивнула.

— Как вы их делаете? Из кожи?

Она хотела определить это на ощупь, но не поняла.

Хирлет кивнул. В его глазах сверкнула гордость владельца.

— Новый вид пластика, — объяснил он. — А тайна разгадывается легко и просто: незаметным кабелем фигура подключена к электрической сети и обогревается.

— А зачем это нужно? — спросил Майк, сделав определенные выводы из реакции на лице Хирлета. Казалось, он был виновен в кощунстве или чем-то подобном.

— Конечно, это не имеет никакой практической пользы, — оскорбленно ответил Хирлет, — но они красиво выглядят. С расстояния пяти шагов вы не отличите этот манекен от живого человека. Он живой, мистер Гюнтер, он действительно живой.

Не соглашаясь, Майк покрутил головой и потрогал лицо куклы. Против желания он вынужден был признать, что лицо околдовало его. Манекен не был очень красивым, но это компенсировалось его правдоподобием.

— Это удивительно, — кивнул Майк. — Но, вероятно, и очень дорого?

— Если бы, — ответил Хирлет. — Вы бы удивились, если бы я назвал цену. Едва ли выше двадцати процентов по сравнению с обычной куклой. И они становятся еще дешевле, если за их счет мы больше продаем.

— Откуда они у вас? — спросила Дамона.

Интонация ее голоса привлекла внимание Майка.

Взгляд Дамоны был неподвижен и устремлен на куклу. Девушка выглядела напряженной и нервной, хотя явно старалась сделать вид, что ничего не случилось.

— Очень сожалею, мисс Кинг, — рассмеялся Хирлет, — но этого вам, к сожалению, сказать не могу.

— Бойтесь, что мы откроем конкурирующее предприятие? — язвительно спросил Майк.

Хирлет нервно поправил очки.

— Конечно, нет, мистер Гюнтер, — поспешно сказал он. — Мне нужно посоветоваться с моим поставщиком. Я обещал, что буду держать его адрес в тайне. Но если вы действительно так сильно интересуетесь, я могу попросить их заключить с вами контракт. Уверен, что он даст о себе знать.

Майк хотел махнуть на это рукой, но Дамона оказалась быстрее.

— Сделайте это, мистер Хирлет, — сказала она, не отрывая взгляда от фигуры. — Это было бы очень мило с вашей стороны.

Хирлет рассмеялся, только теперь с типично английской невозмутимостью.

— Это доставит мне удовольствие. Вы остаетесь в Лондоне?

— До конца недели.

Дамона с явным усилием оторвалась от куклы, еще раз поблагодарила Хирлета и быстро пошла к эскалатору.

Майк снова обменялся с Хирлетом взглядом, молча пожал плечами и поспешил за Дамоной.

— Что с тобой случилось? — спросил он Дамону после того, как догнал. — Сначала ты не могла оторваться от этого коротышки, а теперь попросту убегаешь.

Дамона отмахнулась раздраженным жестом.

— Потом.

Она ступила на эскалатор, положила руку на перила и побежала по рифленому железу ступенек, словно не могла больше ждать и находиться в этом магазине.

Нарушила она молчание лишь тогда, когда они сели в автомобиль.

— Эта кукла... — пробормотала она. — Я должна все выяснить... Мы не едем в отель.

— А куда прикажете?

— Еще раз в центральное управление концерна. У нас есть частный детектив, который время от времени работает на нас, верно?

Майк кивнул.

— И что?

— Он должен выяснить, откуда берутся эти куклы.

— А что потом? — нетерпеливо спросил Майк. — Ты интересуешься для дела?

Дамона серьезно покачала головой.

— Эта кукла, — с ударением сказала она, — не обычный манекен. Она живая!

3

Торнхилл проснулся с гудящей головой и противным привкусом во рту. В первый момент было трудно вернуться к действительности. Ему снился кошмар. Он знал, что это кошмар, и некоторое время не мог понять, существовал ли этот кошмар наяву или всего лишь приснился. Торнхилл вспомнил каких-то неприглядных типов, отбрасывающих противные длинные тени и оставлявших после себя неприятное ощущение, но похоже, именно они были во сне.

Торнхилл встал, небрежно умылся над умывальником рядом с дверью и торопливо оделся. Он замерз. Через открытое окно в комнату вползал холод, но хозяйка упорно не хотела включать отопление. Торнхилл надел полувер, достал из пачки сигарету и стал обдумывать план незаметного исчезновения из дома.

Плата за квартиру была просрочена уже на три дня, а миссис Менерс не принимала шуток на этот счет. Он надеялся, что после вчерашнего ограбления удастся прожить без забот пару недель.

Мысли снова вернулись к складу на окраине Лондона, и нечто вроде страха коснулось его души. Кошмар и действительность смешались, и в какой-то момент он уже не знал,

что произошло на самом деле, а что он себе вообразил. И не хотел этого знать.

Просто чудо, что полиция еще не появилась здесь, мелькнула мысль, но он старался не думать о полиции.

Торнхилл подошел к окну, взглянул на убогую улицу внизу и зажег спичку.

Сэм Кортвейн мертв. В это можно было поверить и не сомневаться. Торнхилл вовсе не хотел знать, как тот убит. В страшной панике он кинулся из здания. Страх все еще сидел в нем. Стоило закрыть глаза, как в памяти вставала картина вчерашнего ограбления.

Торнхилл еле слышно вздохнул. Наверное, он никогда не сможет забыть это.

Немного постояв у окна, он повернулся, натянул куртку и шагнул к двери, осторожно нашарил ручку, внимательно осмотрел коридор и только после этого покинул комнату.

В доме стояла тишина. Был полдень и, кроме Торнхилла, никого не было. Он еще раз внимательно осмотрелся, замкнул дверь и начал тихонько спускаться по лестнице, но ему не повезло.

Покрытая коркой грязи стеклянная дверь в прихожей оказалась приоткрытой, и когда Торнхилл коснулся ногой последней ступеньки, навстречу ему вышла краснощёкая, закутанная в грязный халат миссис Менерс. На ее лице лежала печать воинственности.

Вероятно, подумал Торнхилл, старая карга все время подслушивала под дверь, чтобы подкараулить меня.

— Мистер Торнхилл, — начала она своим резким, неприятным голосом, — как хорошо, что я вас встретила.

Торнхилл принужденно рассмеялся.

— Доброе утро, миссис Менерс. Прекрасный сегодня денек, не правда ли?

— Вы находите? Я думаю, мы с вами должны кое-что обсудить.

— Охотно, — кивнул Торнхилл, — только не сейчас. Простите, я должен идти...

— Это займет всего пять минут, — хозяйка сердито сверкнула глазами и быстрым движением преградила дорогу, приглашающе указав на открытую дверь своей квартиры.

Торнхилл беззвучно вздохнул и покорился своей судьбе. Он вошел в крохотную кухню, подождал, пока миссис Менерс последует за ним, и демонстративно посмотрел на часы.

— Сегодня третье, — начала миссис Менерс.

— Я знаю, — печально кивнул Торнхилл.

— И некоторые жильцы снова просрочивают.

— Я знаю, миссис Менерс, — пробормотал Торнхилл. — Я было собрался... по пути... для того...

— Ерунда, — прервала его миссис Менерс. — Они живут у меня уже полгода и не заплатили ни разу с того времени. Пора нам поговорить.

Она села на стул и подождала, пока Торнхилл займет место по другую сторону стола.

— Все это, — еле слышно начал Торнхилл, — мне тоже очень неприятно. Но мои дела в последнее время идут все хуже и хуже. Хотя, думаю, в скором времени все изменится...

— Какие дела? — неожиданно спросила миссис Менерс. — Не считайте меня глупее, чем я есть, мистер Торнхилл. Я старуха, но у меня есть глаза и голова на плечах. Вы не работаете, а если что-то и делаете... Мне не хочется знать, чем вы занимаетесь. Я сдала вам по-настоящему дешевую комнату, но я не принадлежу к благотворительному обществу. Если ничего не изменится, я буду вынуждена вас выселить.

Торнхилл молча кивнул. Он и так собирался покинуть этот город через некоторое время. Будет большая суматоха, если обнаружат труп Кортвейна, а ни для кого не секрет, что они с Сэмом очень близко сошлись в последние недели.

— Собственно, что с вами случилось? — спросила после паузы миссис Менерс. — Вы молоды, здоровы и выглядите так, что можете хорошо подзаработать. Не хотите же вы сказать, что такой полный сил молодой человек не может найти себе работу? — Она покачала головой, встала и подошла к плите, чтобы принести две чашки кофе.

Торнхилл начал отказываться, но миссис Менерс молча поставила перед ним чашку и подарила ему такой ехидный взгляд, что он не рискнул спорить.

— Я давно обдумывала, как должна с вами поступить, — продолжала она. — По-видимому, самым простым было бы

спустить вас с лестницы, но может быть, я смогла бы вам помочь.

Торнхилл проглотил вместе с кофе колкое замечание, вертевшееся у него за языке. Если бы старая карга знала, как ему противны ее повадки! Но он взял себя в руки и сделал вид, будто бы с интересом слушает.

— Знаете, мистер Торнхилл, у меня есть свояк, который держит маленькую автомастерскую. Я могла бы поговорить с ним. Работа тяжелая, но вы бы хорошо зарабатывали и... — Она насторожилась, подалась вперед и указала на руку Торнхила. — Что вы сделали со своей рукой, мистер Торнхилл?

Торнхилл проследил за ее взглядом и, увидев свою руку, произвольно вздрогнул.

Его правая рука была серой.

Он зажмурился, изумленно поднял руку и для проверки пошевелил пальцами. Рука вела себя нормально, он мог ею двигать. Но она была серая, как пластик, а ногти выглядели, точно нарисованные.

— Я... Поэтому я и хотел срочно пойти к врачу, — пробормотал Торнхилл.

Миссис Менерс окинула его недоверчивым взглядом и снова опустила на стул. Дружелюбие исчезло с ее лица.

— Будем надеяться, ничего заразного, — сказала она. — Я бы не хотела иметь в своем доме инфекционного больного, мистер Торнхилл.

Торнхилл покачал головой и инстинктивно спрятал руку под стол.

— Это не страшно, — быстро сказал он.

— Не страшно? — Миссис Менерс встала и торопливо пошла к двери. — Но выглядит не так уж безобидно, мистер Торнхилл.

Торнхилл тоже поднялся.

— Это не заразная болезнь, миссис Менерс. Я... я работал с химикатами. Врач уже справляется с этим.

— Надеюсь, мистер Торнхилл, — холодно сказала миссис Менерс. — Я не хочу, чтобы в моем доме...

— Вы правы, миссис Менерс, но вам не нужно ни о чем волноваться, — перебил ее Торнхилл. — Через пару дней все будет в порядке.

— Лучше я пока обожду со свояком.

Торнхилл облегченно вздохнул.

— Хорошо, миссис Менерс. Я скажу, когда моя рука придет в полный порядок. А вопрос с квартирной оплатой я сегодня же вечером урегулирую.

Он попрощался коротким кивком, покинул квартиру и через мгновение оказался на улице.

Мысли теснились в страшном беспорядке. Он быстро прошел по улице, завернул в подворотню и лишь там рискнул вытащить руку из кармана.

Сердце болезненно екнуло, когда он внимательно рассмотрел ее. В мутном полумраке подворотни кожа слегка блеснула. Торнхилл засучил рукав, отвернул манжет рубашки и занялся осмотром.

Серый оттенок протянулся вверх, как облегающая перчатка, вплоть до локтя. Кожа не изменилась — каждая мельчайшая подробность, каждый волосок был таким же, как и всегда. Только цвет стал другим.

С колотящимся сердцем Торнхилл поднял другую руку и осмотрел пальцы. На ощупь они были холодные и гладкие, холоднее, чем должны быть.

«Пластик», подумал Торнхилл.

Эта мысль не особенно испугала его, так как он находился в каком-то шоковом состоянии. Он чувствовал только легкое беспокойство.

Кожа на ощупь напоминала искусственную. Кожа куклы...

4

Зазвенел телефон. Дамона взглянула на него, но Майк быстро махнул рукой, бросил журнал, который пролистывал без всякого интереса, и гибким движением поднялся.

Звякнув во второй раз, когда Майк поднимал трубку, телефон умолк. Майк ответил парой слов, затем кого-то поблагодарил и положил трубку.

— Ну? — спросила Дамона.

— Херкмент, — объяснил Майк, — детектив, которого я приставил к Хирлету.

— Что он выяснил? — насторожилась Дамона.

— Ничего неожиданного, — сказал Майк, садясь. — Хирлет руководит магазином двадцать пять лет и за все это время ни в чем не провинился.

— Это меня не интересует. Откуда берутся куклы?

— Ни малейшей зацепки, — признался Майк. — Херкмент разговаривал с большинством служащих магазина, но никто не знает о происхождении кукол. — Он опять взял журнал, но, помедлив секунду, бросил. — Скажи-ка, — осторожно начал он, — ты уверена, что не ошиблась? Мне кажется, Хирлет не зря гордится своими манекенами, они ведь так совершенны.

Дамона решительно покачала головой.

— Я знаю, я чувствую, что это была не кукла. Во всяком случае, не обычная кукла. — Бессознательным движением она схватила черное «ведьмино сердце», висевшее на серебряной цепочке на шее, и стала играть сверкающим камнем. — Можешь мне не верить, но я чувствую, что где-то и как-то в игре замешана магия.

Она задумалась, затем быстро встала и подошла к телефону.

— Кому ты звонишь? — спросил Майк, когда она уже набрала номер.

— Бену, — ответила Дамона.

— А зачем?

Дамона пожала плечами.

— Я сама точно не знаю, — призналась она. — Это лишь смутная идея. Может, он что-нибудь слышал...

Она отвлеклась, когда ей ответил Скотланд-ярд. За несколько секунд она соединилась с отделом по расследованию убийств, потом подождала около пяти минут, пока к телефону позвали Бена Мюррея.

— О, Дамона! — радость в голосе Мюррея была неподдельной. — Как прекрасно, что ты позвонила! Ты где? В Лондоне?

Дамона машинально кивнула.

— В отеле, — подтвердила она. — Майк тоже здесь. Надеюсь, мы не помешали тебе в каком-нибудь важном деле?

— Ничего подобного, — весело ответил Мюррей. — Что может быть важнее, чем ты?

— Спасибо за комплимент, — рассмеялась Дамона.

— Не стоит благодарности. Что я могу для тебя сделать?

Дамона секунду помедлила.

— Собственно, у меня только один вопрос, — сказала она, наконец. — И наверно, довольно глупый.

— Ты всегда приходишь ко мне с глупыми вопросами, — возразил Мюррей. — Я уже привык к этому.

— Речь идет о куклах, — начала Дамона.

— О куклах? Что за куклы?

— Это трудно объяснить, — вздохнула Дамона. — Собственно, я только хочу узнать, не появлялось ли в Лондоне что-нибудь важное, что касалось бы этой темы?

Мюррей немного помолчал. Дамона живо представила озадаченное выражение на его лице. Если бы дружба между ними не была столь тесной, она не отважилась бы задать такой вопрос.

— Странно, что ты, как нарочно, спрашиваешь об этом, — сказал Мюррей через некоторое время. — Как ты узнала?

— Значит, — поспешно сказала Дамона, — что-то случилось?

— Не то, чтобы случилось, — ответил Мюррей. — Было тут одно дело. Сегодня утром в порту мы нашли покойника. Но может быть, было бы лучше, если бы мы с тобой встретились и поговорили об этом?

— Не играй в загадки, — пробормотала Дамона. — Что произошло?

— В общем-то, ничего. Я только удивился, что ты так неожиданно спросила о куклах. У трупа в руке был палец...

— У меня их по пяти на каждой руке, — возразила Дамона.

Мюррей тихонько рассмеялся.

— У него был оторванный палец в руке, такой, какой можно найти у манекена. Что тебе дают эти расспросы?

— Может, нам действительно лучше встретиться? У тебя есть время?

— Нет, — ответил Мюррей, — хотя ты можешь прийти, скажем, через час.

— Порядок, и большое спасибо.

Дамона повесила трубку, повернулась и задумчиво оперлась на телефонный столик.

— Ну? — тут же задал вопрос Майк. — Он что-нибудь знает?

— Возможно, — пожала плечами Дамона. — Может, из этого ничего не выйдет. Поглядим. Я встречу с ним через час.

Она быстро прошла в спальню и стала копаться в своем чемодане.

— Что ты там ищешь? — крикнул Майк через открытую дверь.

— Теплую куртку. Я не хочу простудиться при такой дрянной погоде.

— Но у тебя еще целый час.

Дамона вытащила из чемодана кожаную куртку, секунду помедлила и, прежде чем надеть ее, пристегнула наплечную кобуру.

— Я еще раз хотела бы заехать к Хирлету, — сказала она.
— Поедешь со мной?

Сбитый с толку Майк только поморгал.

— Зачем?

— Мне кажется, этот хороший человек сказал нам не все, что знает. Кроме того...

Зазвонил телефон, и Дамона отвлеклась от разговора.

Майк встал и поднял трубку.

— Да?

Секунду он помолчал, потом удивленно посмотрел на Дамону и протянул ей трубку.

— Хирлет, — прошептал он, прикрывая трубку рукой. — Опять ты скажешь, что не можешь читать мысли?

Дамона пожала плечами, взяла трубку и ответила:

— Мисс Кинг.

— Это Хирлет. Надеюсь, вы вспомнили?..

— Разумеется, мистер Хирлет, — быстро сказала Дамона.
— Мы встретились с вами сегодня в полдень в вашем магазине.

— Правильно, — подтвердил Хирлет. — Вы еще проявили большой интерес к нашим новым куклам, верно? Надеюсь, что не помешал вам, когда так запросто позвонил, но за это время я связался с поставщиком. Он будет рад, если вы сможете посетить его и осмотреть предприятие.

Дамона чуть-чуть помолчала. Что-то беспокоило ее в словах Хирлета, но она не могла понять, что именно. Возможно, это была чрезмерная осторожность с ее стороны из-за происшедших за последние недели событий.

— Охотно, — ответила она через несколько секунд. — Когда вам будет удобно?

— Может, сегодня вечером? — предложил Хирлет. — Предприятие расположено в Лондоне, не очень далеко от Сити. Я мог бы заехать на машине за вами и мистером Гюнтером, конечно, тоже. Вас устраивает, скажем, в восемь?

Дамона секунду подумала, ведь у нее уже была договоренность с Беном, а часы показывали шесть.

— В девять было бы лучше, — сказала она, наконец.

— Хорошо, тогда в девять. Я буду ждать вас и мистера Гюнтера в холле отеля.

Он сразу же положил трубку, а Дамона изумленно посмотрела на Майка.

— Он пригласил нас на осмотр, — буркнула она.

— Осмотр?

— Осмотр предприятия, на котором изготавливают куклы, — объяснила Дамона.

Едва ли она могла ожидать этого.

— Ну, и?.. — спросил Майк. — Что в этом особенного? Дамона мрачно пожала плечами.

— Ничего. Только я нахожу странным тот факт, что он так внезапно с этим заспешил после того, как ни разу не назвал фамилию своего поставщика.

— Может быть, старина почувствовал прибыль? — предположил Майк. — Некоторые имеют все-таки ошибочный взгляд, что Кинг-концерн ворочает большими деньгами. Или он таким образом хочет все же спихнуть свою поддельную крысиную шкуру?

Дамона коротко рассмеялась, хотя сейчас юмор Майка не особенно соответствовал обстановке.

С тех пор, как она, зайдя в магазин, увидела эти фигуры, у нее появилось нехорошее ощущение, и ощущение это каким-то образом было связано с Хирлетом.

Она вздохнула, сняла куртку и опустилась на кушетку рядом с Майком.

— Может, ты прав...

— В чем? Я считаю, что всегда в принципе прав, но к чему относится конкретное утверждение?

— К твоему замечанию, что, возможно, Хирлет почувствовал прибыль, — ответила Дамона, не понимая присутствие грубых интонаций в голосе Майка. — Может быть, он или тот, кто изготавливает куклы, надеется, что мы вступим в его дело.

— Почему ты решила, что речь идет об одном человеке? — спросил Майк, наморщив лоб. — Обычно такими делами занимается фирма.

Но Дамона просто знала, что права она, а не Майк.

— Это одиночка, — категорически заявила она. — Одинокий мужчина.

Майк долго молчал.

— Значит, ты в этом уверена, — наконец, пробормотал он.

Дамона безмолвно кивнула. Она хотела еще что-то сказать, но внезапно пересохло горло. Ей почудилось, что где-то на улице собирается опасность, безмолвная угроза, которая относится не только к ней лично, но и ко всему городу. Она ощутила это остатками своего колдовского чувства, но не могла определить и выявить опасность.

— Что с тобой? — спросил Майк явно озабоченным тоном.

Дамона открыла глаза и попыталась рассмеяться.

— Ничего, — сказала она, но это прозвучало неубедительно. — Это... ничего. Почему ты спросил?

— Ты белая, как мел, — серьезно ответил Майк. — Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

Дамона кивнула, но, как в наказание за ложь, ее тело пронзила мгновенная боль, которая тут же исчезла, хотя и отразилась болезненным выражением на лице.

— Ты уверена, что хочешь встретиться с Хирлетом? И с Беном? — спросил Майк.

— Конечно, — резко ответила Дамона. — Я была бы тебе благодарна, если бы ты перестал вести себя, как насадка.

Она быстро встала и шагнула к окну. Некоторое время она пристально смотрела на безжизненную, пустую улицу, потом услышала, как Майк шевельнулся на кушетке и зажег новую сигарету. Происходящее выходило за рамки стандартной ситуации, и они оба знали это.

В последнее время между ними происходили мелкие стычки, правда, все обходилось без крупной ссоры. Но мелкие трения говорили о том, что они перестали быть той мечтательной парой, которой, быть может, были вначале, хотя для всех окружающих оставались прежними.

Дамона закрыла глаза и на секунду прижалась лбом к холодному стеклу.

Это было слишком, даже чересчур. Человек не может из года в год бороться, бороться и бороться, подвергаться все новым и новым опасностям, чтобы однажды не сломаться. А ведь она была просто человеком, хотя и с большими талантами.

Дамона повернулась, бросила на Майка приглашающий взгляд и направилась к двери.

— Идем. Я не хочу заставлять Бена ждать.

5

Резкая музыка пианино и гул многочисленных голосов сливались с дребезжанием стекла и грубым, то взрывающимся, то опадающим смехом. Это были типичные звуки пивной. Они вырвались навстречу Торнхиллу, когда тот отодвинул занавес и вошел в зал.

Пивную хорошо посещали, особенно в это время суток. Перед стойкой толпились угловатые верзилы. Все места, без исключения, были заняты.

Торнхилл на секунду остановился в дверях, поискал знакомые лица и, наконец, двинулся к стойке.

Он заказал пиво, бросил на засаленную стойку пару монет и осторожно проскользнул со стаканом через зал.

Воздух был пропитан холодным сигаретным дымом и алкоголем.

Торнхилл отхлебнул пиво, оперся о стену и недоверчиво скользнул взглядом по собравшейся толпе.

Тут было много людей, которых он знал. Не очень хорошо, но по крайней мере, достаточно, чтобы быть уверенным, что здесь нет чужаков. Не было только человека, которого он искал.

Он зажег сигарету, переложил стакан в левую руку и незаметно посмотрел на свои пальцы. В красном сумеречном освещении пивной нельзя было обнаружить болезненный оттенок кожи. Пока никто не трогает руку, она не бросается в глаза.

После того, как прошел первый испуг, Торнхилл стал испытывать беспокойство, но в то же время попытался обдумать свое положение трезво и объективно. Может, заключил он, действительно был контакт с химикатами? Он вспомнил стол в комнате, на котором лежала кукла. Возможно, он, не заметив того, коснулся какого-то химического препарата. Торнхилл решил, что подождет еще некоторое время, а потом, если болезненный оттенок останется, пойдет к врачу. Но прежде он закончит другое дело.

Торнхилл опорожнил стакан, осторожно, но решительно протолкался к стойке и хлопнул об нее стаканом.

Бармен взглянул на него, наморщил лоб и заметно вздрогнул, но тут же, взяв себя в руки, занялся своим делом. Улыбнувшись, он придвинулся тучным телом к стакану.

— Еще одну, мистер?..

Торнхилл смущенно моргнул.

— Что за вздор, Марк. Я...

Бармен остановил его быстрым предупреждающим взглядом и наклонился вперед.

— Должен тебе кое-что сказать, — прошептал он в то время, как, казалось, был занят тем, что вытирал стойку грязной тряпкой, — но не здесь. Пройди через пару минут во внутреннюю комнату, только незаметно.

— Зачем? — так же тихо спросил Торнхилл.

— Повернись, но не сразу, — шепнул Марк. — Рядом с дверью сидит ищейка. Длинноволосый тип в джинсах. Я сейчас уйду, а ты немного подожди.

Он поставил перед Торнхиллом новый стакан, сгреб деньги и повернулся к другим посетителям.

Торнхилл неторопливо взял пиво, сделал большой глоток и подчеркнуто безразлично повернулся. Он сразу увидел мужчину, которого описал Марк. Тот сидел за маленьким столиком рядом с дверью, потягивая кока-колу и ковыряясь сигаретой в переполненной пепельнице. Сидел он здесь, по-видимому, уже давно и до некоторой степени производил впечатление

человека, который ужасно скучает. Вот только глаза его были живыми. Он замечает каждую мелочь.

Торнхилл заставил себя насильно улыбнуться и зажег новую сигарету. Дым был горьким и невкусным, но он докурил сигарету до конца, допил пиво и медленно потащился к узкой двери в дальнем конце зала.

Марк уже ждал его, полный нетерпения.

— Он что-нибудь заметил? — выдохнул Марк, едва Торнхилл закрыл за собой дверь.

— Кто? Полицейский?

Марк кивнул.

— У меня будут большие неприятности, если обнаружат, что я предупредил тебя.

Торнхилл сердито дернул головой.

— Что вообще случилось? — прошептал он. — Какого черта этот парень хочет от меня?

— Я бы тоже хотел это знать. Часа два назад сюда пришла целая банда полицейских. Они допрашивали меня о тебе, о Сэме... Сэм мертв?

Торнхилл вздрогнул, будто получил удар током. Совершенно неожиданно перед его глазами встала невыносимая картина прошлого вечера. Только большим усилием воли ему удалось избавиться от этого наваждения.

— Да, — пробормотал он. — Поэтому я здесь. Я... Я ищу Бархана. Ты видел его сегодня?

Марк вздрогнул при упоминании имени Бархана, не сильно, но все-таки достаточно заметно.

— Сегодня перед обедом, — признался он после явного промедления. — Странно, что ты про него спросил.

— Почему?

— Он спрашивал про тебя. Хотел узнать, где ты живешь.

— И что ты ему сказал?

— Ни звука. Ни ему, ни ищейкам. Но что все же случилось на самом деле? Вчера вечером что-нибудь сорвалось?

Торнхилл разразился истерическим смехом.

— Сорвалось? Можно сказать и так. Как ты думаешь, почему я ищу Бархана? Если он не расскажет мне об этом складе, то пожалеет, что родился на свет. Сэм был чертовски хорошим товарищем, ты же знаешь.

Марк хотел что-то сказать, но не успел.

Кто-то коротко и сильно стукнул в дверь, потом ручка опустилась, и дверь распахнулась от мощного толчка.

Торнхилл повернулся на каблуках и уставился на человека, грубо ворвавшегося в комнату.

Это был длинноволосый тип в джинсах, про которого говорил Марк.

«Полицейский!» — мелькнуло у Торнхилла в голове.

Вошедший закрыл ногой дверь и, скрестив руки на груди, остановился в небрежной позе. Взгляд его темных внимательных глаз несколько раз перебежал от Торнхилла к Марку и обратно.

— Мистер Торнхилл, если не ошибаюсь? — спокойно спросил он.

Торнхилл невольно кивнул и тут же мысленно обругал себя за эту откровенность. Полицейский его не знал, и он мог бы легко оправдаться, назвавшись другим именем. Но он упустил свой шанс.

— Что вы хотите? — дрожащим голосом спросил Марк. — Это частное помещение. Посетителям здесь не...

— Я не посетитель, и вам это известно, — оборвал его полицейский, потом снова обратился к Торнхиллу. — Мистер Торнхилл, вам нечего беспокоиться. У меня только пара вопросов.

— Почему я должен отвечать на вопросы первого встречного? — заупрямился Торнхилл, окинул полицейского злобым взглядом и отошел в сторону.

Полицейский вздохнул, покачал головой и полез во внутренний карман куртки.

Торнхилл только этого и ждал. Без подготовки он прыгнул вперед и ударил правой в подбородок, почти на две головы ниже его и более худого человека.

Но он недооценил выучку противника. Тот отступил в сторону, блокировал удар Торнхилла и ударил в ответ коротко и сильно. Получился особый хрустящий звук, когда кулак полицейского врезался в грудную клетку Торнхилла.

После удара полицейский отступил назад, в растерянности уставившись на свой кулак. Суставы пальцев были разбиты и окровавлены, а рука распухла прямо на глазах.

Торнхилл был удивлен не меньше, чем полицейский. Он ничего не почувствовал от удара, но не сразу воспользовался

своим преимуществом. Наконец, он прыгнул вперед, схватил противника за отвороты куртки и сунул кулаком ему в лицо.

Раздался глухой стук. Тело в руках Торнхилла обмякло.

Через секунду в маленькой комнате наступила почти неестественная тишина.

Торнхилл медленно приходил в себя, глядя на безжизненное тело в своих руках. Спустя некоторое время он начал сознавать, что убил человека.

— Но это же... — тяжело выдохнул он. — Он же... Он мертв, Марк, он мертв!

Внезапно Торнхилла охватил ледящий, мучительный страх. Он отскочил, позволив телу упасть. Он отступал до тех пор, пока не наткнулся спиной на противоположную стену.

— Он мертв? — недоверчиво прошептали его губы.

Хозяин принужденно кивнул. В мутном освещении его лицо казалось неестественно белым, нижняя губа тряслась.

— Ты убил его, — пролепетал Марк. В его глазах читался неподдельный ужас.

— Но это же невозможно! — застонал Торнхилл. — Я же... я ударил только раз. Нельзя же убить человека с одного удара!

— Выходит, можно, Торнхилл, — сдавленным голосом сказал Марк. — Можно...

Взгляд Торнхилла отчаянно блуждал между безжизненной фигурой перед дверью и жирной тушей хозяина. Туда и обратно. Лишь огромным усилием ему удалось отбросить мучительное чувство и кое-как пустить мысли в нужном направлении.

— Ты должен помочь мне, Марк! — выдавил он. — Мы... Мы должны спрятать его...

Марк фальшиво рассмеялся.

— Ты спятил, — уверенным и твердым голосом ответил он. — Ты убил ищейку, Торнхилл. Ты действительно думаешь, что я так устал от этой жизни, чтобы самому лезть в петлю? Я же первый после тебя на очереди!

Торнхилл хотел было взорваться, но понял, что бармен прав. Просить у него в такой момент помощи, значит, подстрекать его к самоубийству.

— Ладно, — прохрипел он. — Но дай мне, по крайней мере, час, прежде чем вызовешь ищейек.

— Десять минут, — сказал Марк, — и то скрепя сердце. — Он, наконец, оторвался от созерцания трупa, секунду пристально смотрел на Торнхилла, потом мотнул головой на узкую, полузаваленную ящиками и картонками дверь за своей спиной.

— Можешь выйти тут, но торопись. Через четверть часа здесь будет полно полицейских.

Торнхилл шагнул к двери и еще раз остановился.

— Мне нужны деньги.

— Деньги?

— Да! Всего несколько футов на билет. Пожалуйста, Марк!

Какое-то время бармен обдумывал эту просьбу, потом кивнул с явным неудовольствием, полез в карман передника, достал пачку плотно свернутых банкнот и торопливо отсчитал двадцать фунтов.

Торнхилл схватил деньги, благодарно кивнул и без лишних слов направился к двери.

Холодный, пахнувший дождем ветер ударил ему в лицо, когда он вышел на убогий задний дворик, но он почти не замечал этого. Не оборачиваясь, он повернул направо, проскользнул в низкую подворотню и вскоре выскочил на улицу.

Он подсчитал, что в запасе у него около часа, прежде чем полиция начнет преследование, но не сомневался, что погоня будет беспощадной.

Лондонская полиция известна своей сноровитостью, а когда погибал полицейский, это было хуже всего. Ведь это считалось худшим преступлением в Лондоне.

Торнхиллу приходилось напрягать все силы, всю волю, чтобы в панике не побежать по улице. Разум все еще сопротивлялся мысли, что он убил человека. Он ведь не хотел этого!..

Но ему никто не поверит.

Торнхилл заставил себя идти дальше, но все время ловил себя на том, что оборачивается, как затравленный зверь. Если он поспешит, то сможет за полчаса добраться до Паддингтонского вокзала и сесть в ближайший поезд. Но полиция, скорее всего, проверит поезд в пути. Торнхилл ясно понимал, что с двадцатью фунтами в кармане далеко не уйдешь.

Он реалистично рассматривал свое положение и видел, что спасения нет. Если Марк будет держать язык за зубами и не

выдаст его адрес, полиции понадобится около часа, чтобы получить о нем все сведения и наводнить город розыскными фотографиями.

У Торнхилла мелькнула мысль, что самым лучшим в его положении было бы сдать ближайшему «бобби», который попадется на дороге.

Но кто ему поверит?

Он убил человека единственным ударом.

Торнхилл остановился, поднес руку к глазам и медленно повернул. Серый оттенок не пропал, а наоборот, казалось, усилился. Кожа сейчас больше чем когда-либо напоминала искусственный материал.

«Кожа куклы?» — подумал он с внезапным страхом.

И сразу же в голову пришла мысль, что он не почувствовал удара полицейского. Торнхилл торопливо огляделся, остановился между двумя припаркованными грузовиками и дрожащими руками расстегнул рубашку.

На груди кожа тоже начала меняться, но ее цвет еще не стал совсем серым. Было только пятно, большое раздробленное пятно, покрывавшее грудь, как блекло-серая сыпь. Проведя по ней пальцами, Торнхилл почувствовал неестественное холодное онемение.

Где-то вдалеке завывала полицейская сирена. Звук быстро удалялся, но напомнил Торнхиллу об его положении. Поэтому он торопливо заправил рубашку в брюки, суетливо огляделся по сторонам и пошел дальше той же дорогой.

6

Доктор Теракис покачал головой и тяжело опустился в кресло из хромированных трубок, затем провел рукой по лицу. Жест выглядел усталым, а темные круги под глазами и складки возле губ еще больше усиливали это впечатление. Некоторое время он пристально смотрел перед собой, потом молча улыбнулся Бену Мюррею и, охнув, наклонился над столом, чтобы выудить из пепельницы сигарету.

— Вам тоже?

Мюррей безмолвно отказался от предложения, но дал доктору прикурить и терпеливо подождал, пока тот сделает пару глубоких затяжек.

— Это редчайший случай, который попался в моей сорокалетней практике, — начал, наконец, Теракис. — А ведь я повидал очень многое. — Он пососал сигарету и выпустил плотное, голубое облачко дыма. — Где вы нашли этого человека?

— В порту, — ответил Мюррей, — неподалеку отсюда, но убит он был не там. Кто-то притащил его в порт.

— Причина смерти, как вы сказали, удушение.

Мюррей секунду помедлил.

— Во всяком случае, таково мнение ваших коллег, — осторожно сказал он.

Между бровями Теракиса появилась вертикальная складка.

— В этом они тоже правы. Мужчина был задушен. Среди прочего.

— Среди прочего? — удивленно переспросил Мюррей.

Теракис коротко рассмеялся и потушил едва раскуренную сигарету.

— На чьей бы совести ни был этот парень, — медленно произнес он, — тот, кто убил его, должен обладать силой Кинг Конга. Я редко видел гортань, которая была бы так основательно вдавлена. Но я не только поэтому попросил вас прийти.

— Ну, и?.. — спросил Мюррей, любопытство которого уже достигло границ терпения.

— Ваша задача найти убийцу, — продолжал Теракис. — Тут я не собираюсь вмешиваться, но попрошу сообщить мне, как только вы его задержите. Кстати, когда вы намерены его задержать?

Мюррей довольно долго молчал.

— Вы, наверное, удивлены моим любопытством к этому делу, — рассмеялся Теракис. — Сейчас я вам все объясню. Дело в том, что коллеги по патологическому отделу советовались со мной по этому случаю. Они не знали, с чего начать, и обратились ко мне за помощью. И слава богу...

Мюррей по-прежнему молчал. Это была его первая встреча с самим Фемистоклом Теракисом, хотя он, конечно, много слышал о нем.

Теракис был чем-то вроде пожарной команды лондонских врачей-криминалистов. Он обладал немыслимым чутьем и отменной выдержкой. Свою кафедру в лондонском Торнж-институте он занимал исключительно для соблюдения формы. Большую часть времени он занимался исследованиями неясных смертельных случаев, убийств, методы совершения которых были максимально замаскированы.

Некоторое время Теракис смотрел перед собой, затем встал и подошел к столу.

— Рассмотрите-ка повнимательней эту картинку, инспектор, — попросил он.

Мюррей послушно подошел к нему.

Теракис положил на стол желтую пластиковую папку и раскрыл. Появилось несколько увеличенных черно-белых фотографий.

— Кортвейн, — кивнул Мюррей. Он видел труп этого человека сегодня утром.

Вылезшие из орбит, остекленевшие глаза, выражение ужаса, застывшее на лице, словно перед смертью он увидел нечто такое, что было страшнее, чем смерть.

Мюррей невольно содрогнулся. Он повидал уже много смертей, очень много, но так и не смог привыкнуть к ним, хотя внешне имел толстую кожу, которую приобрел в дополнение к своей профессии.

Теракис отложил первую фотографию и взял вторую.

— А теперь, пожалуйста, взгляните на это.

Мюррей повиновался, но не увидел ничего необычного.

Второй снимок был увеличенным фрагментом первого — часть шеи Кортвейна, на которой отчетливо выделялись темные пятна удушения.

— Обычные следы на первый взгляд, не правда ли?

— Вы преподносите все это очень увлекательно, доктор, — нетерпеливо сказал Мюррей.

Теракис усмехнулся.

— Это на самом деле увлекательно, — сказал он. — Подождите. И благодарите случайность, а также наблюдательность юного ассистента за то, что мы вообще обратили на это внимание. Рассмотрите внимательно эти снимки. — Он взял в руки третью карточку. Это был тот же снимок, только цветной. — Вглядитесь в отпечатки руки и обратите внимание на цвет кожи. Вероятно, вы что-то заметите.

Мюррей проклял в душе многословие доктора, но сделал то, что предложил ему Теракис.

Это было неприятное зрелище. Пальцы убийцы оставили глубокие, налитые кровью следы на шее Кортвейна. Мюррей, даже не будучи врачом, понимал, какую чудовищную силу должны иметь руки, лежавшие на шее Кортвейна.

Нечеловеческую силу, внезапно подумал он, но ничего не сказал.

Теракис был ученым — человеком, который не верит в духов, демонов или оккультные силы. Поэтому через некоторое время Мюррей произнес:

— Извините, доктор, но я не вижу ничего особенного.

— Если вы приглядитесь, то увидите маленькие серые точки на теле, — сказал Теракис со снисходительной улыбкой. — А точнее, на следах удушения. Эти точки и являются тем, что позволило мне пригласить вас сюда.

Мюррей смущенно взгляделся в фотографии.

— Но каким образом?..

Теракис перебил его торопливым движением головы.

— Я все объясню, инспектор. Ваш врач заметил эти точки и основательно исследовал их, хотя официальный осмотр трупа был уже закончен. То, что он обнаружил... — Теракис сделал драматическую паузу и взял из папки следующую фотографию, но держал ее так, чтобы Мюррей ничего не видел. — Пластик!

— Пластик?! — глупо переспросил Мюррей.

— Валакрон, чтобы быть точным, — кивнул Теракис.

— Валакрон? — изумился Мюррей. — Скажите, доктор, не та ли это штука, из которой делают обычные манекены?

— Среди прочего, — кивнул Теракис. — При трупе нашли часть такой куклы, не так ли?

— Правильно... — Мюррей секунду помедлил. — Эта штука может продвинуть нас. По крайней мере, поможет определить истинные границы происшествия.

— Боюсь, что все не так просто, инспектор. Знаете, ваша мысль вполне естественна, если говорить о частицах пластика, которые были вдавлены в тело, но, к сожалению, дело обстоит по-другому.

— Как именно?

Вместо ответа Теракис повернул фотографию, которую держал в руках, чтобы Мюррей мог рассмотреть ее.

— Этот снимок сделан с помощью электронного микроскопа, — пояснил он. — То есть, мы можем, а вернее сказать, не можем понять, что же обнаружили. Но это доказательство.

— Ага, — сказал Мюррей, на этот раз оставаясь серьезным.

— Что мы здесь видим? — спросил Теракис, сопровождая вопрос подчеркивающим жестом. — Это обычная человеческая клетка, клетка кожи Кортвейна. А теперь посмотрите на клетку рядом с ней. Вы что-нибудь заметили?

Мюррей сосредоточенно склонился над фотографией.

— Нет, — сказал он через некоторое время. — Не вижу никакого отличия. Они выглядят совершенно одинаково.

— Верно, — сказал Теракис. — Они похожи, как только могут быть похожи две клетки. И несмотря на это, имеется различие, которое, честно сказать, заставляет меня начать сомневаться в своем рассудке. Левая клетка, как было сказано, совсем обычная. И та, рядом с ней, тоже выглядит абсолютно нормальной... — После точно выверенной паузы он закончил: — Только вся она из валакрона!

Прошло некоторое время, прежде чем Мюррей осмыслил сказанное.

— Вы... думаете, что... — Он остолбенел.

— Я думаю, — кивнул Теракис, — что тело Кортвейна частично превратилось в искусственный материал. Его кожа там, где соприкасалась с руками убийцы, превратилась в валакрон. Я знаю, что по науке это невозможно, что я прямым путем иду в сумасшедший дом, поскольку рассказываю подобные истории, но это именно так. — Теракис вложил фотографии обратно в папку, вздохнул и присел на край письменного стола. — Теперь вы понимаете, почему я спрашиваю о сроках задержания убийцы?

Мюррей с усилием кивнул.

— Еще бы, доктор, еще бы. Если то, что вы мне здесь рассказали и показали, правда, то...

— Это при известных обстоятельствах означает опасность, размеры которой мы пока не в силах осмыслить, — закончил Теракис. — Под это, конечно, еще надо подводить какие-либо теории, но то, что сказано сегодня... — Он содрогнулся. — Кто-то расхаживает по городу и одним прикосновением может превратить человеческое тело в пластик.

— Вы думаете, что изменение пошло бы дальше, если бы Кортвейн не умер?

— Да, — кивнул Теракис. — Видите ли, инспектор, человеческое тело живет дольше, даже если наступила клиническая смерть. Кожа, например, жила еще час, и по распределению трансформировавшихся клеток можно проследить процесс развития.

— Но ведь он умер! — удивился Мюррей. — Мне кажется, если жизненно важные органы поражены...

Теракис явно медлил с ответом.

— Клетка, в определенном смысле, тоже жизненно важный орган, — уклончиво сказал он. — А клетка живет дольше. Теперь вы понимаете, почему я придаю такое значение сроку поиска убийцы?

Мюррей безмолвно кивнул. Разумеется, он понял. Может быть, даже больше, чем думал Теракис. Образ человека, который неузнанным гуляет по городу и одним прикосновением может превращать других в... куклы, заставил его содрогнуться.

— У вас уже есть что-нибудь? — прервал его размышления Теракис.

— Ни единого следа, но... Дамона! — вспомнил Мюррей.

— Гм?.. — Теракис наморщил лоб.

— Я должен сейчас же позвонить, — торопливо сказал Мюррей. — Возможно, у нас все-таки есть след!

Теракис молча указал на телефон и отошел в сторону, чтобы дать Мюррею место.

Мюррей поспешил к телефону, набрал номер и подождал, пока на другом конце снимут трубку.

— Мисс Кинг? — прокричал он. — Быстро позовите ее!

— А кто эта мисс Кинг? — поинтересовался Теракис.

Мюррей прикрыл трубку ладонью.

— Одна моя знакомая. Боюсь, что она в опасности. Я объясню вам позже.. — Он замолчал, некоторое время слушал, затем его лицо напряженно вытянулось. — Что значит — ее нет? — грубо сказал он. — Если ее нет в номере, так разыщите. Это очень важно! — Он снова подождал пару секунд, в бешенстве бросил трубку и повернулся. — Пойдемте, доктор! Мы сейчас же должны идти. По дороге я все расскажу. Потом можете считать меня сумасшедшим.

Теракис последовал за ним к двери, снимая на ходу рабочий халат.

— Почему я буду считать вас сумасшедшим, инспектор? — спросил он.

Мюррей невесело улыбнулся, рванул дверь и выскочил в коридор.

— Доктор! Прежде чем вы все узнаете, ответьте на один вопрос: вы верите в духов?

7

Дамона включила стеклоочиститель, положила руки на руль и, расслабившись, откинулась на спинку.

Дождь глухо и монотонно барабанил по крыше машины, превращая дорогу в серое, матово поблескивающее покрытие, в котором отражались идущие впереди автомобили. Тихий зуммер и музыка из работающего радиоприемника убаюкивали.

— Ты действительно считаешь, что необходимо пойти с Хирлетом? — спросил Майк.

Дамона повернула голову, задумчиво посмотрела на него и убрала руки с руля.

— Ревнуешь? — спросила она. — Или внезапно испугался за меня?

— Ни то, ни другое, — сухо ответил Майк. — Но в конце концов, ты сама сказала, что у тебя нехорошее предчувствие.

— Тебе не нравится Хирлет, верно? — вместо прямого ответа спросила Дамона.

Майк сердито наморщил лоб.

— Какое это имеет отношение к делу? Верно, я не особенно полюбил Хирлета, но это действительно не играет ни-

какой роли. Ты знаешь лучше меня, что твои предчувствия всегда имеют под собой реальную подоплеку.

— Именно поэтому меня и тянет к нему.

— А Бен? — горячился Майк. — Ты уже забыла, что он сказал? Этот труп в порту...

— Случайность, — небрежно сказала Дамона. — Если бы он был как-то связан с этим, Бен велел бы нам об этом передать. Ты не знаешь Бена. Он заботливее матери.

— По крайней мере, мы должны сообщить Бену о нашей поездке, — продолжал настаивать Майк.

— Попробуем, — ответила Дамона, явно недовольная его настойчивостью.

Она отвернулась, пристально посмотрела через улицу и закрыла глаза. Она не сказала Майку всей правды и не хотела говорить, но придется.

Через некоторое время Дамона заметила идущего по улице Хирлета. Холодный дождь ударил в лицо, когда она высунулась из машины и свистнула совсем не по-женски, чтобы привлечь внимание Хирлета.

Хирлет остановился, сконфуженно обернулся, затем кивнул, узнав Дамону, и заспешил через улицу маленькими сменяющими шажками.

— Мисс Кинг, — радостно сказал он. — Надеюсь, вам не пришлось долго ждать?

— Не больше пяти минут, — ответила Дамона. — Вы один? Хирлет кивнул.

— Мой... партнер ждет вас и мистера Гюнтера. Я предпочел бы, чтобы вы пересели в мой автомобиль — это проще, чем если вы поедете за нами. Само собой, мой шофер потом отвезет вас в отель.

Дамона отказалась движением головы.

— Вы очень любезны, мистер Хирлет, но мы лучше поедem сзади.

Хирлет ни на секунду не растерялся.

— Дорога скользкая, и вы можете потерять нас, — возразил он.

— Не думаю, — ответила Дамона. — Оставим это. Кроме того, — быстро симпровизировала она, — нам нужно заехать еще в одно место. Так что поезжайте вперед, а мы — за вами.

Хирлет помедлил, потом без слов пожал плечами и, пожившись, пошел к своей машине, стоявшей немного в стороне.

Дамона положила руки на руль «порше», подняла стекло и откинула со лба слипшуюся прядь волос. Потом завела мотор и поехала за машиной Хирлета, двинувшейся по улице.

8

Боль пришла неожиданно. Удар между лопатками, пронзивший, как гром с ясного неба, заставил Торнхилла с криком упасть на колени. Десять-пятнадцать секунд он с криками катался по сырой земле, скрученный болью, не в силах о чем-либо думать.

Потом боль так же внезапно прошла. Ужасные толчки между лопатками исчезли, и снова не осталось ничего, кроме глухой парализующей тяжести, как будто невидимый великан давил руками ему на спину.

Несколько секунд Торнхилл лежал неподвижно в ожидании того, что светящаяся, мерцающая точка перед глазами исчезнет.

Он застонал. Собственный голос прозвучал чужим — тяжелый хрип, словно гортань была теперь не в состоянии издавать человеческие звуки. Руки дрожали, когда он с трудом приподнялся, встал на колени, покачался, а затем, переведя дыхание, сел на корточки. Через некоторое время он осторожно встал. Кружилась голова. Торнхилл неуверенно шагнул, облокотился на стену и снова чуть не упал. Он чувствовал себя ребенком, едва научившимся ходить. Сил хватало лишь на то, чтобы просто стоять, оперевшись на стену. Вспышка боли, казалось,

израсходовала все резервы его жизненных сил. Он с трудом поднял руку, словно она весила около центнера, и ощупал то место на спине, где вспыхнула боль. Он не дотянулся до него и в то же время почувствовал что-то незнакомое.

Торнхилл опять застонал, постоял еще несколько секунд, прислонившись к стене, затем, шатаясь, пошел дальше. Сердце бешено колотилось. Собственно, ему следовало замерзнуть — дождь промочил до костей и в ботинках при каждом шаге хлюпала вода, — но он не чувствовал ни тепла, ни холода. Тело было словно чужим, все ощущения как бы убывали, становясь все слабее и слабее. Но при этом он не терял контроля над мускулами.

Торнхилл снова остановился, обессиленно прислонился к стене и огляделся вокруг полными слез глазами.

Он находился неподалеку от цели. Склад располагался шестью улицами дальше, не более, чем в десяти минутах ходьбы, но вряд ли он сможет столько пройти.

Тело везде приняло серый пластиковый оттенок, и Торнхилл все сильнее начинал чувствовать себя чужим в собственном теле. Кожа стала холодной и гладкой, как у мертвеца, дождевая вода стекала по ней, словно кожа действительно была из пластика, а не живой тканью.

Торнхилл оттолкнулся от стены и с трудом пошел дальше. Шаги издавали странный звенящий звук.

9

Настроение Майка падало по мере того, как они углублялись во все более убогие улочки.

Они скоро оставили главную магистраль и повернули на восток от Сити с его пульсирующей жизнью, углубляясь в городские районы, которых не найти ни на картах, ни в туристических проспектах.

Дома здесь стояли низкие и дряхлые. Это была старая индустриальная часть города, в которой никто не жил, и лишь ночной сторож мог удивленно увидеть два роскошных автомобиля во время обхода своей территории.

— Некоторым образом, этот район подходит для Хирлета, — проворчал Майк. — Во всяком случае, лучше, чем его сверх-аристократический магазин.

Дамона вздохнула.

— Сделай, пожалуйста, одолжение — не высказывайся так ясно. В конце концов, этот человек ничего плохого тебе не сделал.

— Это еще не основание для того, чтобы быть с ним приветливым, — сказал Майк. — Чем бы это кончилось, если бы я любил каждого, кто не сделал мне ничего плохого? Тогда я был бы все время занят.

Дамона окончательно сдалась. Конечно, Майк в итоге успокоился бы, в этом она была уверена, но сейчас не имело никакого смысла с ним дискутировать.

Она сосредоточилась на том, чтобы не потерять из вида идущий впереди «форд». Постепенно она начала понимать Хирлета: улица была почти темной и невероятно извилистой, настоящий лабиринт, в котором никто никогда не разобрался бы, отстань от сопровождающего.

Еще минут пять они продолжали ехать на восток, пока машина Хирлета не свернула на боковую улочку и остановилась перед высоким кирпичным зданием без окон.

Дамона остановила свою машину позади машины Хирлета, недоверчиво огляделась и подавила охватившую ее дрожь. В некотором смысле, заброшенные дома и улицы всегда почему-то кажутся жуткими, но здесь это впечатление еще более усиливалось.

Она вышла из машины, против обыкновения тщательно заперла дверцу и медленно перешла на сторону Хирлета, который тем временем тоже вылез и, сунув руку в карман пальто, что-то лихорадочно искал там.

— Вы должны меня извинить — это необжитый район. Но мой партнер основал дело совсем недавно и не смог найти ничего лучшего. Однако, в скором времени все изменится, — добавил он с коротким смешком.

— Ага, — буркнул Майк.

Хирлет на секунду растерялся, но ничего не сказал. Он молча повернулся и пошел к узкой, изъеденной ржавчиной нескороаемой двери, ведущей в здание. Щелкнул замок, дверь распахнулась. Через некоторое время под потолком вспыхнула целая батарея неоновых ламп.

— Это все ваше ателье? — с сомнением спросила Дамона, войдя в здание.

Хирлет нервно усмехнулся.

— Конечно, нет, — быстро сказал он. — Я уже говорил, что мы не смогли найти подходящего помещения. Насколько мне известно, это здание используется под склад. Наша комната выше.

— Под склад? — Майк поднял левую бровь и осмотрелся, почесав сморщенный нос. — Для мусорщиков?

Если Хирлет и обиделся, то не подал виду. Не трата лишних слов, он повел Дамону и Майка через настоящий лабиринт из нагроможденных друг на друга коробок, бочек и всевозможных контейнеров к узкой винтовой лестнице, ведущей наверх.

Майк недоверчиво осмотрел ржавую металлическую конструкцию.

— А вы уверены, что она нас выдержит? — спросил он.

— Очень остроумно, — с натянутой улыбкой ответил Хирлет. — У вас есть чувство юмора, мистер Гюнтер. Это мне по вкусу.

Он выудил из кармана связку ключей, выбрал нужный и поспешил перед ними вверх по лестнице. Металлическая конструкция тряслась под его ногами.

Майк вздохнул, бросил на Дамону почти умоляющий взгляд и последовал за Хирлетом.

Когда они поднялись на верхнюю площадку, Хирлет все еще возился с замком.

— Еще чуть-чуть, и мы войдем, — проворчал он, заметив насмешливый взгляд Майка.

— Не очень-то надеюсь на это, — съязвил Майк, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Дамоны. — Мы пришли только из чистого любопытства, не более.

Наконец, Хирлету удалось открыть дверь. За нею располагалась маленькая комнатуха, которая, казалось, могла вместить не более трех человек.

— Я благодарен вам, мистер Гюнтер, — проговорил Хирлет, качая головой. — Деловая связь с Кинг-концерном пришла бы очень кстати, но я, вообще-то, не думал об этом, когда устраивал встречу. Мне лишь хотелось оказать любезность мисс Кинг.

Он открыл следующую дверь, включил свет и с театральным жестом отступил в сторону, пропуская гостей вперед.

Перед ними открылось помещение метров тридцать длиной и двадцать шириной, заполненное манекенами. Вплотную, ряд за рядом, стояли фигуры в человеческий рост, немые и словно бы застывшие во время движения.

Дамона подумала об оргии, которая могла бы произойти в этом помещении, если бы фигуры ожили. Казалось, эта безмолвная армия лишь ждет приказа своего командира.

Майк, видимо, тоже находился под впечатлением этого внушительного зрелища. Ироническая усмешка исчезла с его лица, уступив место сначала удивлению, потом отразившемуся на лице чувству опасности.

— Они... производят сильное впечатление, — еле слышно пробормотал он. — Должен признаться, вы меня поразили, мистер Хирлет.

Хирлет высокомерно рассмеялся, как уверенный в своих силах делец.

— Я думаю, вы еще и не такое скажете. То, что вы здесь видите, самые обыкновенные фигуры, а специальные модели, виденные вами у меня в магазине, стоят отдельно и их очень мало.

— Вашего партнера еще нет? — спросила Дамона после короткого осмотра.

Хирлет указал на маленькую стеклянную перегородку у противоположной стены.

— Он может прийти в любой момент. Подождем его в бюро, но прежде вы можете осмотреть все, что захотите.

Короткая злорадная усмешка мелькнула на его лице, когда он произносил эти слова, но Дамона еще полностью находилась под впечатлением открывшегося ей фантастического зрелища и не заметила ее.

— Охотно, — сказала она. — Должна признать, меня околдовало это зрелище.

— Вы можете спокойно осмотреть все. Для вас и мистера Гюнтера здесь не существует никаких тайн. — Хирлет помедлил, взглянул на часы и нетерпеливо наморщил лоб. — Извините, я должен покинуть вас на одну минуту, надо позвонить. Насколько я знаю своего партнера, он должен был прийти, но, очевидно, начисто забыл об этом. Художник! — Он вздохнул. — Но к нему, пожалуй, можно привыкнуть.

Майк подождал, пока Хирлет войдет в бюро, и прошептал Дамоне:

— Что ты об этом думаешь?

— Поразительно, — ответила Дамона. — Здесь стоит целое состояние, Майк.

— И?..

— Ему стоит продать лишь штук пятьдесят, чтобы позволить себе приличное помещение, — размышляла вслух Да-

мона. — Я спрашиваю себя: почему он здесь? Подобное окружение не способствует деловым связям.

— Кроме того, обрати внимание на его спокойствие, — заметил Майк.

Дамона задумчиво посмотрела на него.

— Пошли, немного осмотримся.

Они не спеша двинулись по узкому проходу между куклами.

Здесь были всевозможные модели — мужчины, женщины, дети, старики — и каждая выглядела очень естественно. Если бы они имели одежду, их можно было бы принять за живых людей.

Интерес Дамоны к человеку, создавшему эти фигуры, возрастал с каждой минутой, но одновременно с интересом росла и тревога. Дамона чувствовала себя все хуже и хуже. Внезапно у нее появилось какое-то новое ощущение.

Дамона остановилась, инстинктивно нащупала руку Майка и осмотрелась вокруг недоверчиво, если не испуганно.

Свет в помещении был таким слабым, что хорошо виднелся лишь первый ряд кукол. Позади начиналась область нереальных теней, танцующих во всех направлениях. Море немых, матово поблескивающих голов. Из этого мрака теней время от времени высывалась то рука, то наполовину сжатая кисть, и от этого тени казались живыми.

Внезапно Майк коротко и сильно сжал ее руку и удивленным жестом показал на фигуру, стоявшую в конце ряда, немного в стороне от других.

— Посмотри-ка туда!

Дамона проследила за его жестом и тоже вздрогнула.

— Хирлет!

Она быстро подошла, остановилась в полуметре от фигуры и изумленно ощупала ее. Кукла так походила на менеджера универмага, что долю секунды Дамона сомневалась в своих ощущениях. Каждая мельчайшая подробность, каждая линия кожи, даже самый маленький волосок ничем не отличались от настоящего Хирлета. Дамона пораженно подняла руку и ощупала лицо куклы. Оно было холодное и шершавое. Ее снова пронзило особое, неопишемое словами чувство, которое она уже ощутила в магазине Хирлета.

— Фантастично, а?

Дамона отпрянула и испуганно обернулась. Она не заметила, как Хирлет вернулся и остановился позади нее.

— Собственно, этим я и хотел удивить вас, — улыбнувшись, сказал он. — Но, как я вижу, вы и так ее уже нашли. Это наша особая гордость. — Он шагнул к фигуре и жестом владельца положил руку ей на плечо. — Должен признаться, мне пришлось инвестировать кучу денег и все искусство убеждения, чтобы можно было изготовить эту модель, хотя вышеназванное не оправдывает себя.

Дамона растерянно кивнула.

Странный, чуть ли не фантастический блеск появился в глазах Хирлета. Его голос ошутимо задрожал.

— Когда придет ваш партнер? — спросила Дамона.

— Через пару минут. Он уже в пути. Я же говорил вам, что он немного эксцентричен. Художник! — Хирлет засмеялся, отступил от куклы и указал на узкую дверь в стене. — Наша лучшая модель стоит в соседнем помещении. Может, используем время ожидания и посмотрим пока на нее?

Внезапно Дамоне не захотелось больше видеть кукол. Кукла-Хирлет ее больше испугала, чем поразила, и, как она заметила, это чувство с каждой минутой становилось все острее.

Но Хирлет не дал ей время для размышлений. Он взял ее за руку, повернулся и с поразительной силой потянул за собой.

На двери висел огромный замок. Хирлет церемонно отпер его, шмыгнул через порог и некоторое время возился в темноте. Вскоре под потолком зажглась слабенькая темно-красная лампочка.

— Можете войти.

Дамона нехотя вошла в комнату. Зрелище, представившееся перед ее взором, было еще фантастичнее, чем в зале. В маленькой запыленной каморке стояло или сидело множество фигур. В противоположность тем, что находились в зале, эти были одеты в костюмы и платья, один носил форму лондонского бобби, а щеголь с длинными волосами был даже в форме военно-воздушных сил.

Хирлет триумфально улыбнулся, увидев выражение лица Дамоны.

— Наша самая большая гордость. — Он сделал широкий жест. — Каждая из этих фигур изготовлена по живому образцу. Они уникальны.

Дамона медленно подошла. Внутри у нее, казалось, гремели набатные колокола. Она чувствовала, что Майк испытывает примерно то же. Не нужно обладать сверхъестественным восприятием колдуньи, чтобы определить, что здесь дело нечисто.

— Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы хвастаться своей продукцией, — продолжал Хирлет.

— Что? — растерянно спросил Майк.

Хирлет рассмеялся, но этот смех не походил на прежний. Это был злой, страшный и грубый смех охотника, который заманил свою жертву в ловушку и готовит последний выстрел.

— Мы расширим свою коллекцию двумя следующими экземплярами, — продолжал он. — Мисс Дамона Кинг и мистер Майк Гюнтер, если быть точным.

Несколько секунд Майк стоял молча, потеряв дар речи от изумления.

— Не думаю, что соглашусь с вами, — сказал он, наконец.

Хирлет пренебрежительно пожал плечами.

— Кто спрашивает вашего согласия, — равнодушно произнес он.

Майк побледнел, сделал шаг к Хирлету и поднял руку, но тут же остановился, словно налетел на стену. В руке Хирлета появился маленький пистолет.

— На вашем месте я бы не стал совершать такой ошибки, мистер Гюнтер, — спокойно сказал менеджер. — Хотя вы моложе меня и наверняка быстрее и сильнее, я сомневаюсь, что вам удастся увернуться от пули.

— Что это значит? — выдохнул Майк. — Если это шутка...

— Никаких шуток, мистер Гюнтер. Вы мне нужны. И мисс Кинг тоже.

— Послушайте, Хирлет, — быстро проговорила Дамона, — мы могли бы договориться, если вы хотите изготовить с нас модели, но спокойно, как цивилизованные люди.

— Я спокоен, — сказал Хирлет. — И было бы разумным, если бы вы не делали глупости и выполняли то, что я вам скажу. — Он быстро отступил на два шага от Майка и махнул пистолетом. — Назад, к стене!

Дамона и Майк повиновались.

— По крайней мере, объясните нам, что все это значит, — потребовала Дамона. — Если вы хотите убить нас, то могли бы сделать это проще.

— Убить? — Хирлет резко рассмеялся. — Помилуйте, мисс Кинг, — я же не варвар. Кроме того, вы мне нужны.

— Для чего?

— Это вам еще рано знать. Ваша жизнь, во всяком случае, не находится под угрозой, если я могу этим вас успокоить. А сейчас...

Майк без подготовки прыгнул вперед.

Хирлет с проклятием повернулся и сделал два выстрела, но пули просвистели далеко от Майка.

Майк шагнул вправо и пригнулся, чтобы уйти от третьей пули, потом прыгнул к дорогой кукле, схватил ее и изо всех сил швырнул в Хирлета... Во всяком случае, намеревался это сделать.

Кукла обрела жизнь в тот момент, когда Майк коснулся ее, вздрогнула, шевельнулась и обвила руками верхнюю часть туловища Майка.

10

Дом расплывался перед глазами. Боль не возвращалась, но с каждой минутой увеличивалась слабость. Тело, казалось, весило целую тонну.

Торнхилл, пошатываясь, с усилием перешел улицу, провел руками по лицу, пытаясь снять с глаз колеблющуюся пелену.

Несмотря ни на что, ему удалось найти склад. Перед дверью стояли две машины — тяжелый американский «форд» и ярко-красный лакированный «порше», выглядевший в этом районе, словно алмаз в мусорном ведре.

Торнхилл через силу подошел к машине и провел рукой по капоту. Он был еще теплым.

Постояв некоторое время, чтобы набраться сил для следующего броска, он оттолкнулся от машины и нетвердо шагнул к двери.

Дверь оказалась незапертой. В складе горело освещение, а в пыли на полу виднелись свежие следы, ведущие к винтовой лестнице.

Торнхилл еще раз собрался с силами и, шатаясь, пошел к лестнице. Он слишком долго шел, чтобы сейчас повернуть назад. Что бы он ни встретил там, наверху, это была его ответственность за то, что случилось с Сэмом.

Торнхилл добрался до лестницы, тяжело оперся о перила и с трудом шагнул на ступеньки. Металлические ступеньки были сырые и скользкие, а ему было чрезвычайно трудно координировать свои движения. Он поскользнулся, схватился в поисках опоры за перила и упустил их. В следующее мгновение он со сдавленным криком упал назад, прогрохотал по ступенькам и ударился о бетонный пол.

Ожидаемой боли не последовало. Торнхилл почувствовал всю силу удара, но воспринял его лишь как сопротивление. Тело потеряло способность ощущать боль. Несколько секунд он оцепенело лежал, потом с трудом перевернулся на живот и попытался встать. Руки подломились под весом тела, словно он их перегрузил.

Торнхилл второй раз упал на пол. Что-то выпало из рукава куртки, откатилось в сторону и остановилось.

Торнхилл застонал. Помещение поплыло перед глазами, разбилось на куски, превратилось в сумасшедший калейдоскоп из красок и бессмысленных образов, и очень медленно стало проясняться.

Торнхилл еще раз попытался подняться, но снова упал и ударился лицом. Что-то случилось с глазами. На какое-то мгновение он ослеп, а когда зрение вернулось к нему, исчезло ощущение цвета — окружающий мир стал черно-белым.

Но Торнхилл отметил это лишь попутно. Его взгляд, как загипнотизированный, был направлен на серый искривленный предмет, лежавший на полу в нескольких сантиметрах от его лица.

Это была человеческая рука.

Медленно, словно пришлось собрать всю силу воли, чтобы сделать движение, он поднял вверх правую руку.

Торнхилл уже знал, что увидит, но несмотря на это, зрелище поразило его, как удар молнии. Там, на полу, лежала рука, его собственная рука, отломившаяся при ударе о стальную ступеньку.

11

Бен Мюррей уверенно сел за руль патрульной машины и излишне громко захлопнул дверцу.

— Слишком поздно, — раздраженно сказал он. — Они уехали полчаса назад.

Он яростно покачал головой, нервно провел рукой по мокрым волосам и поморщился, когда капли воды упали за шиворот.

Дождь усилился, несколько шагов от дверей отеля до машины хватило, чтобы промокнуть.

— Мисс Кинг? — спросил Теракис.

— Она и Майк. Один из служащих отеля видел, как они уезжали.

— Но разве они не оставили никаких сведений о себе?

— Нет. Кроме того, они кого-то ждали на улице.

Теракис секунду подумал.

— Может быть, это совершенно безопасно, — попытался он успокоить Мюррея. — Мы же не имеем доказательств, что предчувствия мисс Кинг, как вы это называете, действительно связаны с нашим делом.

Мюррей невесело рассмеялся.

— Я рассказал вам о мисс Кинг?

— Да, вы это сделали, — усмехнулся Теракис. — Дамона Кинг — колдунья...

— Я могу на вас обидеться, если вы мне не верите.

— О, напротив, я вам верю, инспектор. С сегодняшнего дня я верю во все: люди на Марсе, вампиры, преобразование клетки. Почему бы не ведьма? — Теракис снова улыбнулся и без всякого перехода стал серьезным. — Но я принадлежу к людям, которые верят только тому, что смогли доказать, — продолжал он. — В своей профессии я узнал очень много удивительного. Может, я и не верю в ведьм, но считаю вполне возможным, что имеются люди с определенным талантом предчувствия.

— Ну, конечно, имеются, — вздохнул Мюррей. — Если Дамона сказала, что у нее предчувствие, причем нехорошее, окончится это, по меньшей мере, умеренной катастрофой.

— Даже несмотря на то, что мы не имеем никаких оснований считать, что так оно и есть на этот раз?

Мюррей кивнул, потянулся к зажиганию, но убрал руку, так как на приборной панели замигала лампочка. Он наклонился и взял трубку автотелефона. Минуты три он молча слушал, потом положил трубку и снова схватился за ключ зажигания.

— Боюсь, вам придется и дальше сопровождать меня, — сказал он, завел мотор и стал ждать просвета в потоке машин. — Один патрульный считает, что видел Торнхилла. Я прикажу ближайшей патрульной машине отвезти вас в институт.

— Торнхилла?

Мюррею удалось ловко вклинить в непрерывный поток. Его пальцы нервно играли на руле.

— Эта фамилия вам ничего не говорит, — буркнул он. — Он, вероятно, присутствовал при убийстве Кортвейна. По крайней мере, он знает достаточно для того, чтобы охотнее совершить убийство, чем ответить на наши вопросы.

Теракис внезапно насторожился.

— Вы думаете, он много знает об этом убийстве?

— Надеюсь на это. Но не радуйтесь слишком рано, доктор. Вы знаете старую индустриальную часть Лондона?

Теракис безмолвно покачал головой и поспешно схватился за ремень безопасности, когда Мюррей высмотрел просвет

через пять-шесть автомобилей и вышел из колонны, визжа покрышками. Яростный концерт гудков сопровождал этот маневр.

— Старый город — настоящий лабиринт, — объяснил Мюррей. — Чистейшая крысиная нора. Я не совсем уверен, что мы схватим Торнхилла. Там дюжины пустующих домов. Места достаточно для целой армии. Но мы все же проведем там осмотр. В конце концов, полицейские тоже иногда имеют право на мелкое счастье.

Некоторое время Теракис пристально смотрел в боковое стекло, но, казалось, совсем не замечал проплывающую улицу.

— Возможно, — прошептал он, наконец, — вы желаете счастья не только себе, инспектор, но и всему городу. Я боюсь, что она могла чертовски хорошо воспользоваться этим.

12

На долю секунды Дамона была парализована страхом и потеряла способность что-либо делать, кроме как наблюдать фантастическую сцену.

Кукла ожила, когда Майк коснулся ее, словно в момент физического контакта человека с манекеном проскочила невидимая искра, которая разбудила безжизненную до того фигуру к необычному существованию.

Она медленно повернулась, отстранила руки Майка и положила их себе на грудь в гротескном объятии.

Майк вскрикнул, когда его сжала необычная тварь, отчаянно вывернулся из захвата и в слепом страхе ударил чудовище в лицо. С тем же успехом он мог бы ударить бетонный блок. Кукла-чудовище, казалось, совсем не заметила удара.

Дамона, наконец, очнулась от оцепенения, повернулась, собралась и бросилась с вытянутыми руками на Хирлета.

Тот заметил опасность на долю секунды позже, чем следовало, и попытался применить оружие, но Дамона налетела на него, прежде чем он успел исполнить свое намерение. Вцепившись друг в друга, они повалились на пол. Дамона отчаянно схватила запястье Хирлета, вывернула, заставив своего про-

тивника выпустить пистолет. Но она недооценила этого торговца.

Хирлет не думал сдаваться. Внезапно он выгнулся, отбросил Дамону и фантастически быстрым движением снова оказался на ногах. Его кулак без предупреждения рванулся вперед и вскользь прошел по виску Дамоны, отшвырнув ее на метр.

Дамона упала на спину, несколько секунд лежала оглушенная, но инстинктивно подняла руки над головой, когда над ней навис Хирлет. С другого конца помещения до нее доносились звуки борьбы, говорящие о том, что Майк еще не сдался.

Хирлет грубо рванул ее верх за отворот куртки и ударил по лицу.

Дамона плечом отбила удар, но вскрикнула от боли. Ей показалось, что ее ударили металлическим прутком.

Хирлет резко засмеялся и снова толкнул ее на пол.

Лежа на спине, Дамона согнула колени и выбросила вперед, когда Хирлет бросился на нее.

Раздался глухой скрипящий звук. Хирлет хрюкнул больше от изумления, чем от боли, отступил на полшага, но тут же опять перешел в наступление, в то время как Дамона еще не совсем поднялась на ноги.

Его левая рука рванулась вперед и сжала запястье Дамоны. Одновременно ногой он обвил бедро Дамоны, а правой рукой отогнул назад верхнюю часть ее тела.

Дамона задыхалась от боли. Она всегда считала себя сильной и хорошо тренированной, но не могла ничего противопоставить этому маленькому, невзрачному человечку.

Хирлет медленно отжимал верхнюю часть ее туловища все дальше вниз, одновременно ногой блокируя бедро.

Боль была почти непереносимой. Дамона свободной рукой отчаянно пыталась попасть в глаза Хирлета, царапала ему лицо, но силы все убывали. Особенно больно было спине. Искаженное злобой лицо Хирлета начало постепенно исчезать. Казалось, Хирлет не собирался убивать ее, но в этом и не было необходимости — Дамона вот-вот должна была потерять сознание. Последним усилием она приподнялась, сорвала висевший на шее «ведьмин камень» и ударила им в лицо Хирлета.

Черное сердце на мгновение вспыхнуло призрачным внутренним огнем, но ожидаемого действия не последовало. «Ведьмино сердце», тайное оружие, магические свойства которого уже не раз спасали Дамону в различных ситуациях, на этот раз отказало.

Хирлет блеюще рассмеялся и нажал сильнее. Боль в спине Дамоны увеличилась до безумия, рука Хирлета зажала ей лицо, перекрывая доступ воздуха...

Раздался выстрел. Пуля рванула назад голову Хирлета. Хватка его рук ослабла.

Дамона упала на пол и несколько секунд лежала, полуоглушенная.

Хирлет покачнулся, но устоял.

Дамона недоверчиво уставилась на отверстие между его глазами. Края отверстия были расколоты, сеть тонких разветвленных трещин протянулась через лоб и лицо.

Только теперь Дамона поняла, что перед ней не Хирлет, а кукла. Все время она боролась с куклой, не заметив этого.

Майк выстрелил еще раз.

Пуля угодила в другую сторону головы куклы и прямо-таки разорвала ее. Хирлет качнулся, секунду постоял без движения, потом медленно пошел с полусогнутыми руками на Дамону.

Девушка резко вскрикнула. Вид безглавого торса, медленно приближающегося к ней, точно неуклюжий робот из псевдонаучного фильма, превышал границы того, что она могла вынести. Она поползла назад от ужасного призрака, оперлась о дверь и с усилием поднялась.

Монстр приближался. Его согнутая рука находилась уже в полуметре от лица Дамоны, когда Майк крикнул:

— Ложись!

Дамона упала на пол. Над ней в третий раз щелкнули когти Хирлета-куклы, а Майк нажал спусковой крючок.

Пуля разбила ногу куклы. Мгновение она стояла неподвижно, потом медленно наклонилась в сторону и тяжело ударилась об пол. Но таинственная сила, поддерживающая жизнь в чудовище, еще не совсем иссякла. Кукла поворочалась, приподнялась на колени и поползла к Дамоне.

Дамона вскрикнула и заметалась. Это было чудовищно до безумия. Медленно, чертовски медленно, но настойчиво,

сантиметр за сантиметром, подползали к ее ногам руки Хирлета.

— Дамона! — срывающимся голосом закричал Майк. — Стреляй же, наконец!

Дамона в отчаянии взглянула на запасной выход, но чудовище загнало ее в угол. Казалось, оно заранее чувствует каждое ее движение.

Дамона вздрогнула, трясущимися руками полезла в куртку и выхватила пистолет. Страх был так силен, что только сейчас она вспомнила об оружии.

Она метнулась в сторону, ударила ногой по двери, нажала курок и не отпускала до тех пор, пока не опустошила магазин. Выстрелы прогремели в маленькой камерке.

Дамона выронила оружие, перевела дыхание и опустилась без сил на пол. Сатанинская кукла разлетелась на куски.

— Ты в порядке?

Майк заботливо склонился над ней, подхватил и бережно поставил на ноги.

— Ничего, уже все, — пробормотала она, долго стояла без движения, потом дрожащими руками перезарядила пистолет.

— Этого было в обрез, — сказал Майк. — На мой вкус, слишком мало. — Он внимательно осмотрел комнату, бросил недоверчивый взгляд через открытую дверь и снова повернулся к Дамоне. — Выглядит так, словно кто-то имеет что-то против нас.

Дамона попыталась рассмеяться, но это ей не очень удалось. Ее взгляд скользнул мимо Майка и на несколько секунд остановился на поверженной фигуре, с которой боролся Майк.

— Чистая удача, — сказал Майк, проследив за ее взглядом. — Она так ударилась об пол, что разбилась на куски, иначе я вряд ли смог бы помочь тебе.

Он еще раз взглянул на разбитый торс, оставшийся от куклы-Хирлета.

Они знали, что опасность еще не миновала. Никто не забыл о второй кукле, стоящей в холле, и нескольких сотнях других, которые, быть может, только и ждут, чтобы они вышли из комнаты.

Майк осторожно подкрался к двери, выглянул и полуобернулся.

— Кажется, все спокойно.

— Это только так кажется. Мы должны попробовать выйти здесь, — Дамона указала на деревянную стену и выкрашенный в синий свет стеклянный потолок.

Майк молча отошел от двери. У него тоже не было особого желания идти через холл.

Они обшарили каждый квадратный сантиметр стены, но второго выхода не было. За прогнившим деревом скрывалась каменная кладка.

— Остается потолок.

— Будем надеяться, он выдержит нас, — вздохнул Майк.

Он запрокинул голову, секунду подумал и решительным движением вспрыгнул на стол. Кончики его пальцев находились в нескольких сантиметрах от стеклянного потолка.

— Стул, — попросил он.

Дамона быстро смахнула со стула стопу пыльных конспектов и подала его Майку.

Он поставил стул перед собой, проверил устойчивость и влез. На этот раз он достал до стеклянного потолка и, помедлив пару секунд, вытащил пистолет и треснул им по стеклу.

Стекло лопнуло от первого же удара. Град больших и маленьких осколков посыпался вниз, за ними хлынул поток ледяного, смешанного с дождем ночного воздуха.

Майк отряхнулся, выбрал из волос несколько осколков и начал выбивать из рамы оставшееся стекло.

Дамона все время нервно оглядывалась на дверь, каждое мгновение ожидая увидеть в дверном проеме очередное чудовище, но оставалась при этом спокойной.

Очистив раму, Майк убрал пистолет и подтянулся на руках на тонкую металлическую конструкцию. Потолок задрожал, когда он влез на крышу, в расположенном рядом окне появилась длинная трещина, но конструкция выдержала.

— Подожди секунду, — сказал Майк. — Боюсь, что весь дом развалится, если мы его переоценим.

Он встал, расставил руки, как канатоходец, и осторожно поставил ногу на соседнее скрещение рамы. Потолок снова задрожал.

Дамона подождала еще немного и тоже влезла на стул. Когда она уже взобралась на него, в дверях появилась грозная фигура.

Дамона вздрогнула, оцепенело уставившись на чудовищную куклу. Сердце замерло от страха, и она рванула свой «люггер».

Кукла остановилась, посмотрела слепыми глазами и, медленно подняв руку, целеустремленно направилась к Дамоне. Позади нее появилась еще одна фигура, потом еще и еще. Все они молча протиснулись в комнату.

Дамона тщательно прицелилась и дважды выстрелила. Пули точно попали в цель и отбросили первую куклу назад. В дверях образовалась неразбериха из тел и конечностей, когда кукла упала на своих собратьев.

Дамона подпрыгнула, ухватила за раму и рывком подтянулась на крышу.

Ледяной воздух набросился на нее, как невидимый яростный зверь с миллионом острых зубов. Дождь усилился. Капли впивались в лицо, словно иголки, а холод почти мгновенно сковал руки и ноги. Острая боль пронзила спину. Дамона попыталась не обращать на нее внимания, немного проползла на коленях, потом встала на ноги.

— Они пришли! — хрипло сказала она.

Майк кивнул, лицо его помрачнело. Конечно, он слышал оба выстрела. Нетрудно было догадаться, в кого стреляла Дамона. Движением головы он показал на конек крыши.

— Мы должны перелезть через него. На этой стороне нет спуска. Может, он с той?

Дамона озабоченно осмотрелась.

Разбитое стекло зияло на полого наклоненной, синевато поблескивающей крыше темным, бездонным кратером. К счастью, наклон крыши был едва ощутим, но и так представлялось опасным для жизни балансировать на хрупкой металлической конструкции.

В отверстии показалась узкая белая рука, за ней вторая. Потом возникла голова.

Дамона вздрогнула, поспешно отвернулась и, балансируя, пошла как можно быстрее к конку крыши. Когда она достигла его, кукла окончательно вылезла на крышу. Высокая и бледная, она стояла у отверстия, пристально глядя слепыми глазами в сторону Дамоны и Майка. Искусственная кожа матово поблескивала. В лунном свете кукла походила на покойника.

— Пошли дальше, — поторопил Дамону Майк. — Где-то должна быть лестница.

Они начали спускаться по другую сторону крыши. Слабая решетчатая конструкция под ногами была сырой от дождя, а потому скользкой, и не раз Дамона с Майком с трудом удерживались от падения. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они добрались до конца крыши и встали перед выглядевшей бездонной пропастью.

— Проклятье! — свирепо выругался Майк. — Ничего нет! Но ведь должна быть лестница! Есть же инструкции!

Дамона против воли рассмеялась.

— Может, подашь жалобу на архитектора, когда выберемся отсюда? Или на домовладельца?

Майк засопел.

— Могла бы выбрать более подходящий момент для шуток. Лучше подумай, как нам спуститься.

Дамона осторожно повернулась и несколько секунд всматривалась в конек крыши.

— Спроси их, — удивительно спокойно сказала она.

Майк проследил за ее взглядом и опять громко выругался.

Конек поднимался черной, совершенно прямой линией на фоне покрытого облаками ночного неба. А над ним появилось с полдюжины тускло поблескивающих кукол. Их движения производили впечатления заржавевших механизмов, но это не могло скрыть, что движутся они с фантастической быстротой и изумительной осторожностью.

Вытащив пистолет, Майк пристально поглядел в темный, лежащий почти на двадцать метров ниже внутренний двор и поспешно отступил с края крыши.

— Ну, хорошо, — зло прошипел он. — В таком случае, как раз посередине.

Он положил ствол «люгтера» на предплечье и тщательно прицелился.

Выстрел хлестнул по стеклу. Переднюю фигуру словно ударил невидимый кулак, она отлетела назад. Шум расколотого стекла последовал за звуком глухого удара.

Дамона и Майк побежали.

Куклы чуть ли не мгновенно отреагировали на их движение и устремились туда, где они должны были достигнуть конца крыши.

Майк выстрелил еще раз. Следующее чудовище упало вниз и пролетело сквозь стеклянный потолок. Остальные невозмутимо приближались. Форсированным маршем на крыше появлялись все новые и новые монстры.

Дамона выстрелила в ближайшего и, тяжело вздохнув, остановилась.

— Это безумие. Им надо только подождать, пока у нас закончатся патроны, и тогда они возьмут нас.

Майк яростно кивнул.

— Знаю! У тебя есть идея получше?

— Нам нужно спуститься. Где-то должен быть выход.

Фронт чудовищ приближался, но время еще было.

— Если спустимся, у нас появится шанс.

— С десяти метров на бетон?

Дамона не ответила.

Майк так же, как и она, знал, что у них не осталось выбора, но это не значило, что ему нравится предложение.

Дамона молча повернулась, осторожно опустилась на колени и ударила рукояткой «люгтера» по стеклу. Стекло звякнуло и разлетелось. Под ними оказался склад. Дамона была права в своих расчетах — они находились над противоположным концом помещения метрах в пяти от двери. Совершенно случайно она услышала шорох и подняла голову.

Одна из кукол приблизилась на опасное расстояние. Ее вытянутые руки находились метрах в четырех от Дамоны, но Дамона не стала стрелять, так как боеприпасы были на исходе.

Прежде чем Майк успел высказать свое мнение по поводу прыжка вниз, Дамона перемахнула через край дыры и разжала руки.

Падение показалось бесконечным. Дамона видела несущийся навстречу бетонный пол и напрягла мышцы в ожидании удара, но все равно не смогла погасить силу падения. Она упала, вскочила на ноги благодаря длительным тренировкам, но сила инерции бросила ее вперед. Несколько секунд Дамона лежала без движения. Глухая боль билась в теле, а когда она подняла голову, перед глазами все поплыло. Но головокружение тут же прошло. Дамона поднялась на колени и ощупала тело. С облегчением она отметила, что отделалась хорошо, если не считать нескольких царапин и легкой контузии.

— С тобой все в порядке? — донесся сверху голос Майка.

Дамона села, кивнула и попыталась забыть о сверлящей боли в спине.

— Да, остальное пройдет, — еле слышно ответила она.

Позади что-то звякнуло, потом с крыши прыгнул Майк. Он приземлился на руки и на ноги и завалился на бок, попытался подняться, но тут же откинулся назад со сдавленным криком.

Дамона вскочила.

— Что? — испуганно спросила она.

— Нога, — поморщился Майк. — Кажется, я ее вывихнул.

Он протянул Дамоне руки и попытался встать. Это удалось, но перекошенное болью лицо явно говорило, что отделился он не так легко, как Дамона.

Майк оперся на ее плечо и заковылял к выходу.

Дверь была заперта.

И в тот момент, когда Дамона отчаянно затрясла ручку, позади нее ожили куклы.

Услышав шум, Дамона с резким криком обернулась.

Одна из кукол в переднем ряду зашевелилась. Ее рука медленно поднялась, опустилась и снова поднялась вверх. В глазах полыхнуло жуткое сияние. Она шевельнулась, медленно повернула голову справа налево и пожала плечами, как человек, пробуждающийся после долгого и глубокого сна.

И это происходило не с одной куклой. Глухой скрежет и шелест, как невидимая волна, пробежал по залу, когда куклы начали пробуждаться к демонической жизни.

— Назад! — крикнул Майк.

Он грубо рванул Дамону за плечо, когда к ней потянулись руки кукол, выхватил «люгтер» и выстрелил в ближайшее создание.

Сила удара пули отшвырнула куклу, в падении она опрокинула еще с полдюжины собратьев.

Майк повернулся, прицелился в замок и трижды выстрелил. Пули с рикошетом отлетели от металла. Где-то разлетелось стекло. Дверь распахнулась, когда Майк бросился на нее.

— Быстрее!

Они устремились в маленькую прихожую.

Помещение было пустым. Майк стал яростно озираться в поисках чего-нибудь, чем можно было бы забаррикадировать

дверь, через которую они вошли, но ничего не нашел. Тогда он бросился к другой двери.

— Открыто! Мне еще никогда не везло так, как сейчас!

Дверь, через которую они попали сюда, уже трещала под мощными ударами чудовищ, и Дамона чувствовала, что сможет сдерживать их натиск еще лишь несколько мгновений.

Майк распахнул дверь, вышел на узкую галерею и нетерпеливо махнул рукой.

— Быстрее!

Дамона еще мгновение сдерживала натиск, потом сделала отчаянный прыжок назад.

Чудовищный удар потряс дверь. Словно сорванная ураганом, она распахнулась и ударилась в стену. В двери показалась гигантская бледная фигура.

Майк бесцеремонно рванул Дамону наружу, выпустил последние две пули и повернулся. Его лицо блестело от пота, он вздрагивал каждый раз, как наступал на поврежденную ногу, но, несмотря на это, начал быстро спускаться по узкой винтовой лестнице.

Дамона последовала за ним. На бегу она обернулась, выстрелила через плечо и увидела, как одна из гигантских кукол упала и разбилась вдребезги о твердые железные ступеньки.

Но это была капля в море. За каждой фигурой, которую они уничтожали, вставляли десятки новых.

Майк остановился так резко, что Дамона налетела на него и чуть не свалилась с лестницы.

— Что случилось? — спросила она, с трудом переводя дыхание.

Майк молча указал вниз.

У подножия лестницы стояла еще одна кукла. В противоположность тем, в холле, она была одета в потертый костюм и выглядела более худой. Там, где должна была находиться ее правая рука, не было ничего, кроме раздробленных осколков и сыпавшейся серой порошкообразной массы. На лице застыло мучительное, полное бесконечного страдания выражение.

Над ними застучали тяжелые шаги.

Дамона бросила взгляд вверх.

По лестнице спускались, неуклюже пошатываясь, семь-восемь огромных бледных фигур. А позади них появлялись новые.

Дамона повернулась, подняла пистолет, прицелилась в голову куклы, стоящей внизу, но не выстрелила.

— Что случилось? — спросил Майк. — Ты хочешь пустить здесь корни?

Дамона медленно покачала головой.

— Это не кукла, — тихо сказала она.

Она прошла мимо Майка, спустилась на пару ступенек и остановилась в двух метрах от ужасной фигуры.

Человек-кукла представлял собою кошмарное зрелище.

— Кто вы? — спросила Дамона.

Человек застонал. Это был глухой, хриплый звук, не имеющий ничего человеческого.

По спине Дамоны пробежал озноб.

— Торнхилл, — простонал он.

Голос его был едва различим. Он пошатнулся, неуверенно схватился за перила и удержался лишь благодаря нечеловеческому усилию.

— Прочь! — выдохнул он. — Уходите!

Дамона испуганно оглянулась.

Куклы приближались, но их неуклюжие тела казались слишком тяжелыми, чтобы справиться с лестницей.

— Уничтожить! — бормотал Торнхилл. — Нужно уничтожить... всех кукол!

Он опустился на колени, затем поднялся и посмотрел мимо Дамоны на приближающихся монстров.

— Они убили Сэма, — выдавил он. — Нужно... разбить...

Что-то вроде судороги пробежало по его телу. Он вскрикнул, обернулся и поразительным прыжком пролетел мимо Дамоны и Майка. Сделав еще пять-шесть шагов, он в слепой ярости столкнулся с куклами. Раздался глухой, хрустящий звук, когда он треснул рукой в грудь передней куклы. Она покачнулась, упала навзничь и разбилась о ступеньки. Торнхилл метнулся дальше и снес следующие две фигуры. Затем его схватили большие руки. Торнхилл вскрикнул и попытался вырваться из хватки чудовища. Несколько секунд они молча боролись, затем потеряли равновесие, перевалились через перила и полетели вниз.

Дамона испуганно отвела взгляд, не было времени долго обдумывать случившееся.

Майк схватил ее за руки и потащил к выходу, а куклы продолжали вылезать на лестницу.

Внезапно Дамона остановилась и вырвалась из рук Майка.

— Подожди, — тяжело сказала она. — Мы не можем уйти!

— Ты сошла с ума! — прошипел Майк.

— Мы должны уничтожить этих чудовищ!

— А как, позволю себе спросить?

Дамона бегло оглядела широкое, заполненное коробками, картонками и бочками помещение. Решительным движением она протянула Майку свое оружие и опустилась на колени рядом с полуразорванной коробкой.

— Дай зажигалку.

Майк нервно взглянул на лестницу, где что-то гроыхнуло, и торопливо протянул ей зажигалку.

Дамона еще больше разорвала коробку и выудила оттуда горсточку сухих древесных стружек.

Они загорелись почти мгновенно. Маленькое лохматое желтое пламя рванулось вверх и через секунду выросло в потрескивающий костер, который быстро охватил сухое дерево и картон соседних коробок.

Дамона отскочила назад.

Стало жарко. Через несколько секунд все помещение было охвачено огнем.

— Скорее! — поторопил ее Майк.

Дамона подняла глаза и заметила, что первые куклы добрались до подножия лестницы.

Майк выстрелил, передняя кукла упала, но он не мог заметно задержать продвижение адской армии.

Куклы двигались вперед упрямо, как машины, приближаясь к огненному барьеру. Так же невозмутимо они вступили в огонь.

Дамона увидела, как одна из кукол сразу же вспыхнула, но несмотря на это, продолжала двигаться дальше.

В дальнем конце помещения что-то взорвалось. Вырос яркий столб огня, окутавший винтовую лестницу и превративший ее в кипящий ад. Огонь погас так же быстро, как и возник, но его короткого раскаленного дыхания было достаточно, чтобы находящиеся на лестнице куклы превратились в пылающие факелы.

Дамона с трудом оторвалась от этого ужасного зрелища и прижалась к стене рядом с дверью. Майк уже покинул помещение и с перекошенным от боли лицом сидел на корточках на улице, но Дамона не спешила последовать за ним.

Уже больше половины склада было в огне. Все ярче разгоралось пламя, охватывая все новые и новые штабеля материала. На огненном фоне куклы выглядели темными, расплывчатыми призраками. Лестница превратилась в гигантский костер. Горящие куклы оседали на ступеньки. Жидкий материал капал из их плавящихся тел на пол, а пламя уже лизало открытую дверь на верхней площадке лестницы.

Дамона прижималась к стене возле двери. Она хотела убедиться, что ни одному чудовищу не удалось избежать уничтожения.

— Выходи же, наконец! — торопил ее Майк дрожащим от усталости голосом. — Нужно убираться, прежде чем весь склад взлетит на воздух!

Словно бы в подтверждение его слов, в дальнем конце склада взорвался целый ряд бочек.

Волна жара горячей лапой ударила Дамону в спину и выгнала из здания. Покачнувшись, она шагнула на улицу и со стоном захлопнула за собой дверь, металл которой уже стал теплым. Дамона закрыла глаза, прислонилась к двери и с облегчением вздохнула. Что-то царапалось и скреблось за дверью. Дамоне пришлось подавить желание броситься от двери, и она еще сильнее налегла на нее. Через некоторое время царапание прекратилось.

Майк с трудом поднялся и, опираясь о стену, проковылял к «порше». Дамона торопливо последовала за ним. Дрожащими пальцами она вставила ключ зажигания. Двигатель завелся с третьей попытки. Дамона включила свет, дала газ и погнала визжащий колесами «порше» мимо «форда» Хирлета.

На углу она увидела телефонную будку. Было необходимо позвонить в Скотланд-Ярд Бену Мюррею и в пожарную команду, прежде чем огонь перекинется на соседние здания и охватит весь район.

Внезапно перед ними появилась машина, которая просигналила и в последний момент уступила дорогу.

В зеркальце заднего обзора Дамона увидела, как резко вспыхнули стоп-сигналы.

— Бен!

— Что? — спросил сбитый с толку Майк. — Что с Беном?

— Это его машина!

Она затормозила, подвела «порше» к краю дороги и стала нетерпеливо наблюдать в зеркальце, как разворачивается и возвращается машина Мюррея.

Майк обернулся назад.

— Ты уверена?

— Абсолютно! Ржавую зелень я узнаю всегда.

Дамона открыла дверцу и вышла из машины. Майк хотел последовать за ней, но она удержала его движением руки.

— Подумай о своей ноге.

Машина Мюррея остановилась позади «порше». Мюррей опустил боковое стекло, когда Дамона подошла к нему.

— Дамона, что случилось?

Она неестественно рассмеялась. Впервые с того момента, как она выбежала из ужасной конторки, ей пришло в голову, что она оборвана и выглядит ужасно.

— Очень многое, — сказала Дамона. — Я объясню позже. Вызови, пожалуйста, пожарную команду.

— Пожарную команду?

— Боюсь, я действовала как поджигательница, — призналась Дамона. — Вызывай, если не хочешь, чтобы сгорело полгорода.

Мюррей заморгал, сбитый с толку, но сделал то, что просила Дамона.

— Так, — произнес он, положив трубку. — А теперь я был бы тебе благодарен, если бы ты объяснила, что произошло. Я полчаса гоняю по району в тревоге за тебя, а ты играешь со спичками!

— Не совсем так, — поправила его Дамона. — Скорее уж с куклами.

13

Окутывавшая район ночная тишина была нарушена ревом сирены. Пожарная машина промчалась мимо них через семь-восемь минут с момента вызова, а с запада приближался вой сирены следующей. Казалось, половина пожарных команд Лондона была на пути сюда. На другой стороне улицы появилось оцепление, которое Мюррей предусмотрительно приказал вызывать. С каждой минутой появлялось все больше и больше любопытных.

Склад пылал, как гигантский костер. Пламя вырывалось на тридцать-сорок метров выше крыши. На асфальте перед раскаленной дверью лежала куча расплавленного шлака — остатки кукол, которым удалось выскользнуть из огненного ада. Но им удалось пройти лишь несколько метров.

Мюррей покачал головой, несколько секунд пристально смотрел на пламя, потом с горестным видом взглянул на Дамону.

— Знаешь, ты единственный человек, которому я верю в этой сумасшедшей истории, — сказал он.

Это были первые слова, произнесенные им с того момента, когда Дамона закончила свой рассказ.

— Хотелось бы мне, чтобы все это оказалось неправдой, — проворчала Дамона. — Но, к сожалению, это произошло, и я боялась и боюсь, что многое еще может произойти.

Мюррей с сомнением посмотрел на ярко полыхающий склад.

— Тут негде выйти, если ты думаешь об этом, — убеждающе сказал он. — У этого здания только один выход.

— Я не об этом. Есть еще несколько кукол.

Мюррей заметно вздрогнул.

— По крайней мере, три, — спокойно продолжала Дамона. — Мы с Майком видели их в магазине Хирлета, если, конечно, он не спрятал еще несколько.

— Пожалуйста, не говори, что нам необходимо ехать туда, — подал голос Майк.

Он вытянулся на заднем сидении машины Мюррея и положил на него вывихнутую ногу. Вопреки настояния Мюррея и Дамоны, Майк упорно отказывался ехать в больницу на патрульной машине, хотя явно испытывал боль.

Дамона полуобернулась и серьезно взглянула на него.

— Мы волей-неволей должны что-то предпринять...

— Один вопрос, — вмешался Теракис. До сих пор он не произнес ни единого слова, а только молча слушал.

— Да?

— Вы сказали, что боролись с куклой?

— Неплохо боролась, — невесело улыбнулась Дамона. — Малютка едва не переломила меня пополам. Спина будет болеть еще неделю.

— Она вас касалась? — Голос врача звучал озабоченно. — Я имею в виду, она где-нибудь касалась вашей кожи?

— Конечно, — сказала Дамона, — и немало.

Лицо Теракиса помрачнело.

— Где? — спросил он.

— Где? — Дамона удивленно посмотрела на него. — Да везде, на руках, на лице. Почему вы спрашиваете?

Теракис медлил с ответом. Он обменялся с Мюрреем озадаченным взглядом, повернулся и включил внутреннее освещение.

Дамона раздраженно отпрянула, когда он коснулся ее лица.

— Что это значит?

— Пожалуйста, не мешай ему, — тихо сказал Мюррей.
— Он знает, что делает.

— Надеюсь на это, — пробурчала Дамона.

Теракис заметно помрачнел, ощупав лицо Дамоны. Через некоторое время он откинулся на спинку сидения, взглянул на Мюррея и едва заметно кивнул.

— Вы уверены? — мрачно спросил Мюррей.

— Полностью уверенным я могу быть только после тщательного исследования, но боюсь, здесь то же самое, что и у Кортвейна.

Мюррей побледнел, в его глазах появилось испуганное, недоверчивое выражение.

— Может, кто-нибудь из вас будет так добр и скажет, что все это значит? — раздраженно спросила Дамона. — У меня чума или совершенно новая болезнь?

— Да, это хуже чумы, — наконец, выдавил из себя Мюррей, не глядя на Дамону. — Ты рассказала мне о Торнхилле... — Мюррей замолчал, опустил глаза, сжал кулаки и тяжело вздохнул. — У Теракиса есть одна теория, — тихо продолжал он. — И я боюсь, сейчас она подтверждается.

— И что же? — спросила Дамона. — Что гласит эта теория?

— Попросту говоря, — ответил вместо Мюррея Теракис, — с вами случилось то же самое, что и с Торнхиллом. — Он тут же поспешно добавил: — Конечно, если мы не найдем противоядия.

Дамона оцепенела. В растерянности она взглянула на Мюррея, потом на Теракиса.

— Вы считаете, что...

— Может, вы сами еще не видите, — спокойно сказал Теракис, — но на вашем лице уже есть серые пятнышки. Боюсь, что клетки вашего тела уже начали трансформацию.

В машине наступила угнетенная тишина.

Значение слов Теракиса начало медленно доходить до Дамоны. Она подняла руки, дотронулась кончиками пальцев до своего лица и снова пристально взглянула на врача.

— Я превращусь в куклу? — пробормотала она. — Так же, как и Торнхилл?

Теракис кивнул.

— Боюсь, что так. — Он избежал взгляда Дамоны, уставился на свои ногти и продолжал изменившимся голосом: —

Конечно, я не могу сказать ничего определенного, прежде чем основательно не обследую вас и мистера Гюнтера. Было бы лучше, если бы сейчас же проехали в институт. Может быть, появится возможность остановить превращение.

Дамона не ответила. Странно, но она не чувствовала особого страха. Она приняла к сведению слова Теракиса. Случившееся было слишком простым для того, чтобы сразу все переработать. Реакция должна наступить позже. Если для нее будет это «позже».

— Сколько у меня времени? — спросила она.

— Не знаю, — пожал плечами Теракис. — Двадцать четыре, может быть, тридцать шесть часов, если исходить из того, сколько это продолжалось у Торнхилла. Но это лишь предположение. У меня не было возможности исследовать его тело.

— Двадцать четыре часа, — пробормотала Дамона. — Этого чертовски мало.

— Но может хватить.

Дамона выпрямилась, попыталась рассмеяться и кивнула на запад.

— Поехали.

— В институт?

— Нет, к Хирлету.

Мюррей решительно покачал головой.

— О нем позабочусь я. А вы с Майком поедете с доктором Теракисом.

— Именно этого мы и не сделаем, — возразила Дамона и повернулась к Теракису. — Ваши способности общеизвестны, но я боюсь, у вас слишком мало времени. Мы должны поймать Хирлета. Вероятно, он единственный, кто знает, как можно обратить процесс или, по крайней мере, остановить.

Секунду Теракис обдумывал ее слова. На его лице отражалась напряженная работа мысли, а руки производили мелкие бессознательные движения.

— Боюсь, вы правы. Эксперименты займут слишком много времени.

— Едем к Хирлету! — велела Дамона.

Мюррей все еще медлил.

— Ладно, — наконец, недовольно проворчал он. — Но неужели ты думаешь, что он сидит в своем магазине и ждет, пока мы его задержим?

— Я не уверена, но...

— Прежде всего нам нужны те три манекена, о которых рассказывала мисс Кинг. — вмешался Теракис. — Если мы даже не задержим Хирлета, фигуры могут нам помочь.

— Хорошо, я вызову подкрепление — одного пожара вполне достаточно, — сказал Мюррей.

Он завел двигатель, тронул машину с места и взял телефонную трубку.

Мгновением позже они с ревущей сиреной мчались в направлении Сити.

14

Улица перед магазином кишела полицейскими. Дополнительные силы блокировали все возможные пути бегства, даже с другой стороны здания доносились звуки сирены, а в воздухе над магазином завис полицейский вертолет с мигающими сигнальными огнями.

— Отлично, — одобрительно кивнул Майк.

Они вышли из машины и быстро пошли к главному входу магазина.

— Похоже на то, что мне придется изменить большую часть своих представлений о работе полиции, — на ходу сказал Майк.

Мюррей окинул его мрачным взглядом, но ничего не ответил. Через некоторое время он сказал:

— Будем лучше надеяться на то, что еще не слишком поздно.

Плотный полицейский кордон блокировал главный вход.

Мюррей достал удостоверение, отодвинул одного из полицейских, который недостаточно быстро отошел в сторону, затем прогнал его с дороги грубыми замечаниями. Затем он подошел к массивной металлической сетке, загромождающей

путь, и двойной стеклянной двери, несколько секунд тряс ее, потом сердито повернулся.

— Кто-нибудь догадался вызвать слесаря? — прошипел он.

— Есть швейцар, — ответил один из полицейских. — Он может появиться в любой момент.

Мюррей проглотил колкое замечание, вертевшееся на языке, и еще раз безуспешно потряс металлическую сетку.

— Спокойнее, Бен, — сказала Дамона. — Если Хирлет действительно внутри, ему никуда не деться. От пяти минут ожидания уже ничего не изменится.

— Но ведь уходит твое время, Дамона, — проворчал Мюррей. Он хотел улыбнуться и что-то добавить, но передумал.

Дамона решительно перешла улицу, прислонилась к витрине и пристально посмотрела через нее в магазин. Казалось, ее взгляд пронизывает насквозь все предметы внутри. В душе у нее бушевала целая гамма чувств.

Превращение...

Это слово слетело с губ Теракиса так безобидно... Но перед глазами Дамоны все еще стояла ужасная картина наполовину превращенного Торнхилла, тело которого начало изменяться после короткого соприкосновения с атакующей сатанинской куклой. Мысленным взором Дамона увидела его лицо, покрытое пятнами. Это же ожидало ее через двадцать четыре или тридцать шесть часов. Такое было хуже смерти.

В бессильной ярости Дамона сжала кулаки, повернулась и пошла к Майку и Теракису, а Мюррей остался нервничать.

В его машине запищало радио. Мюррей поспешил туда и рванул трубку, затем несколько секунд слушал. Лицо его померачнело еще больше.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Спасибо, оставайтесь там. — Он в бешенстве швырнул трубку и раздраженным взглядом окинул окружающих.

— Что случилось? — спросил Майк.

— То, чего я опасался, — ответил Мюррей. — Хирлет обвел нас вокруг пальца. Он точно знал, что мы едем сюда.

— И?..

— Что — «и»? — яростно прорычал Мюррей. — Мы, конечно, послали машину на его квартиру. Они успели увидеть, как он исчез на вертолете. — Он повернулся к одному

из полицейских. — Быстрее освободите улицу и передайте пилоту, что он должен приземлиться.

— Здесь? — удивленно спросил полицейский.

— Нет, во дворе Букингемского дворца. Я что, неясно выразился?

Полицейский слегка побледнел, поспешно козырнул и пошел выполнять приказание.

— Вы останетесь здесь, Теракис, — продолжал Мюррей. — Мисс Кинг описала вам три манекена. Думаю, вы их узнаете.

— Наверняка, — кивнул Теракис.

— Хорошо, но прежде всего позаботьтесь о том, чтобы их никто не трогал. Мы попытаемся задержать Хирлета. Но если это не удастся, куклы станут нашей последней надеждой.

Полицейские освободили улицу и приготовили место для посадки вертолета. Рев вертолетных двигателей стал громче. Машина сдвинулась, несколько секунд висела в воздухе, потом опустилась.

Дамона втянула голову в плечи, когда вертолет опустился на улицу и воздушный вихрь ударил ей в лицо.

Открылась стеклянная дверца кабины.

Мюррей подбежал к вертолету, за ним последовали Дамона и Майк.

Когда Мюррей уже забрался в кабину, они хотели подняться за ним, но пилот замахал руками.

— Извините, сэр, — прокричал он сквозь шум винтов, — но я не могу взять на борт больше трех человек!

Мюррей обиженно надул губы, но не стал возражать. Он сам видел, какая маленькая кабина. Даже троим здесь было тесновато.

— Майк мог бы остаться, — предложила Дамона. — Может, Теракис обрадуется, если ему помогут. Вполне возможно, ему пригодится помощь.

Она не стала ждать одобрения, а быстро вошла в кабину и заняла место рядом с пилотом.

Мюррей пожал плечами и что-то сказал, но его слова потонули в шуме винтов.

По машине пробежала легкая дрожь, взревел мотор.

Пилот закрыл дверцу, подождал, пока Майк отойдет подальше, потом двинул вперед дроссельный рычаг. Дамона уви-

дела, как люди на улице отступили от маленького тайфуна, вызванного работающими винтами. Машина оторвалась от земли и медленно поднялась вверх.

— Вы знаете, в каком направлении улетел Хирлет? — спросила Дамона, повернувшись к пилоту.

Тот коротко кивнул.

— У него нет никаких шансов, — оптимистически заявил он. — Он на радарном экране у воздушной инспекции. Дурацкая идея — бежать на вертолете! Даже если этот тип ускользнет от нас, его перехватят воздушные силы, как только он покинет городскую черту.

— Какое направление он выбрал? — спросил Мюррей.

— Север, если потом не изменил курс. — Пилот замолчал и на несколько секунд весь ушел во внимание, слушая пискающий голос, раздавшийся в наушниках. — Северо-запад, — поправился он. — Направление указывает на Арлингтон.

— Арлингтон? — Дамона наморщила лоб. — Там нет опорного пункта воздушных сил?

— Да, но это скорее всего случайность.

Дамона позволила себе усомниться. Ей вспомнилась кукла в форме военно-воздушных сил. По мнению Дамоны, до сих пор было слишком уж много случайностей, но она предпочла умолчать об этом.

Между тем вертолет поднялся высоко над крышами Лондона и широкой дугой повернул на северо-запад. Город съежился до игрушечных размеров, а машины стали маленькими неподвижными точками.

— Сколько нужно времени, чтобы догнать его? — спросила Дамона.

— Понятия не имею, — пожал плечами пилот. — Я не знаю, что у него за машина. До сих пор он летел относительно медленно, но это не должно означать, что он не может быстрее. Арлингтон уже приведен в боевую готовность. Если он настолько глуп, чтобы убегать в эту область, то мы его возьмем.

Вертолет поднялся еще выше и развил большую скорость, когда пилот выжал до упора дроссельный рычаг.

15

Майк Гюнтер направил луч карманного фонарика на три манекена.

— Это они, — тихо сказал он.

Голос его дрожал от волнения. Воспоминание о том, как быстро эти безобидные куклы могут превратиться в монстров, было еще свежо.

Теракис хотел подойти к куклам, но Майк жестом остановил его.

— Вспомните собственные слова, доктор, — предостерегающе сказал он. — Нас совсем ни к чему, чтобы вы заразились.

Майк обошел группу манекенов, освещая их фонариком. Даже при слабом освещении было видно, как впечатляюще похожи они на живых людей.

Теракис нетерпеливо шагнул ближе, тщательно избегая прикосновения к куклам.

— Фантастично! — пробормотал он. — Никогда не видел такой совершенной работы. Можно подумать, что это живые люди!

— Может, они когда-то и были ими.

Теракис вздрогнул, посмотрел на Майка и вновь обратил внимание на манекены. Казалось, ему, с научным складом ума, трудно принять этот факт.

— На стойке позади вас лежат перчатки, — сказал Майк. — Наденьте их, прежде чем возьметесь за малюток.

Теракис надел перчатки. Они были номера на три больше, но доктор, казалось, совсем не заметил этого. Он подошел к куклам и осторожно ощупал их лица.

— Словно настоящая кожа, — пробормотал он. — Чувствуется даже сквозь перчатки...

— Тише, — прошипел вдруг Майк. — Здесь кто-то есть. Теракис испуганно замолчал.

Майк отступил назад, напряженно вглядываясь прищуренными глазами в темноту, и посветил фонариком.

Они вошли сюда одни. Ни Майк, ни Теракис не хотели рисковать — смерти Кортвейна и Торнхилла было вполне достаточно.

На границе светового круга что-то двигалось. Майк поднял фонарик повыше и нащупал рукоятку «люгтера».

Но это был всего лишь полицейский, который вошел сюда, проигнорировав предупреждение.

Майк облегченно вздохнул.

— Ну, и напугали же вы меня, — пробормотал он.

Полицейский коротко рассмеялся.

— Простите, — сказал он. — Но я думал, что мог бы быть вам полезен.

— Возможно, — кивнул Майк.

Полицейский медленно подходил к ним.

— Найдите домоправителя и попросите его включить здесь свет, потом вызовите грузовую машину. Мы должны увезти отсюда эти куклы.

Полицейский подошел еще ближе и остановился перед манекенами. Он внимательно поглядел сначала на них, потом на Майка.

— Не трогать! — раздался голос Теракиса, когда полицейский протянул руку к куклам.

Но полицейский словно не расслышал этого предупреждения. Он засмеялся, положил руку на плечо передней куклы и быстро нажал.

В этот момент Майку пришло в голову, что он уже видел этого полицейского... на складе. Значит, это тоже кукла-монстр. Майк с хриплым криком прыгнул вперед и оттолкнул мнимого «бобби» от кукол, но было слишком поздно.

В глазах трех кукол зажегся одинаковый сатанинский огонь.

Майк яростно отшвырнул от себя полицейского, повернулся и выхватил «люггер». Пистолет коротко тьякнул, одна из фигур развалилась на части. Потом что-то ударило его по затылку, и Майк внезапно почувствовал, что падает в черную, бездонную шахту...

16

Вертолет с бешеной скоростью мчался на северо-запад. Под ними промелькнула городская граница Лондона. Через некоторое время они миновали Хичуэй и уже с полчаса внизу тянулась плоская, временами болотистая местность.

— Сколько еще? — нетерпеливо спросил Мюррей. — Вы хотите дождаться, пока он будет в Шотландии?

Пилот повернулся, одарил Мюррея насмешливой улыбкой и показал на маленькую желтую точку далеко впереди.

— Это он. Через полчаса мы его догоним.

Дамона, на лбу которой собрались морщины, подалась вперед и пристально вгляделась прищуренными глазами через изогнутое переднее стекло. Для нее маленькая точка ничем не отличалась от бесчисленных звезд, время от времени проблескивающих из-за слоя облаков. Или у пилота было лучше зрение, или многолетний опыт помог ему определить другой вертолет.

— Достаточно вызова в Арлингтон и пришлют истребитель, который вынудит его сесть, — предложил пилот.

Мюррей поспешно покачал головой.

— Ни в коем случае! Он нам нужен живым. Вы сможете заставить его сесть сами?

Пилот кивнул.

— Это будет не первая пташка, которую я убедил приземлиться, — оптимистически заявил он. — Я думаю, мы...

Дамона озадаченно подняла глаза, когда пилот замолчал посреди фразы и внимательно посмотрел на маленькую светлую точку впереди. На его лице появилось напряженное ожидание.

— Что такое? — спросила Дамона.

— Не знаю. Я могу ошибиться, но похоже, что он поворачивает. — Пилот пару раз щелкнул переключателями на приборной доске, потом связался с инспекцией ближайшей воздушной базы. — Он изменил курс. Поворот на сто восемьдесят градусов. Он мчится прямо навстречу нам.

Дамоне тоже показалось, что светящаяся точка приблизилась, но она не была уверена в этом.

Глухой треск пропеллеров над головой изменился, когда пилот увеличил наклон единственного крыла, и машина стала медленно терять высоту.

— Он идет к нам и вверх, — пробормотал Мюррей. — Ничего не понимаю...

Пилот не ответил, но на его лице лежала печать явной тревоги, руки судорожно сжимали рычаги управления. Он повел машину еще ниже и сделал плавный поворот.

Второй вертолет очевидно следил за их движением, потому что совершил ответный маневр и снова лег на встречный курс.

— Парень, должно быть, сошел с ума, — с трудом проговорил Мюррей. — Не думает ли он запугать нас этим?

Остальное произошло быстро.

Маленькая белая искра перед ними превратилась в ярко сверкающий конус прожектора. Что-то большое и массивное внезапно бросилось на них, потом промчалось мимо на расстоянии едва ли двадцати метров. Воздушная струя более крупной и тяжелой машины ударила хрупкий полицейский вертолет, словно гигантский невидимый молот.

Разрушающий удар пришелся по кабине. Звякнуло стекло, погас весь сектор приборного освещения. Вертолет закрутился, как игрушка, и одновременно снизился. Земля под ногами завертелась, исполняя неистовый танец, потом скользнула вправо. Машина провалилась, легла на бок и мгновение нахо-

дилась в вертикальном положении, но тут же пилоту удалось справиться с ней.

Однако, опасность еще не миновала.

Позади них внезапно появилась огромная тень, выросла с устрашающей быстротой и снова легла на встречный курс.

Пилот, ругаясь, рванул рычаги и заставил машину провалиться метров на тридцать-сорок.

— Ради бога, сделайте же хоть что-нибудь! — закричал Мюррей.

— Я это и пытаюсь. Но взгляните-ка повнимательнее на малютку.

Дамона удивилась спокойствию, с которым говорил пилот. Он в буквальном смысле слова боролся за свою жизнь, но голос звучал бесстрастно, как у автомата.

— Этот парень с самого начала водил нас за нос, — пробормотал он. — Он мог бы играючи оставить нас позади. Это «Сикорски» — военная машина.

Мюррей молчал несколько секунд.

— Это значит, что он вооружен?

— До зубов. Он оказался настоящим противником, инспектор.

В данный момент Мюррей был не особенно восприимчив к мрачному юмору пилота. Он раздраженно взглянул на него, поспешно отвернулся и осмотрел небо.

Второй вертолет явно отставал, но они уже знали, какой скоростью обладает эта машина.

Над ними что-то ярко сверкнуло. Очередь трассирующих пуль пронеслась сквозь ночь менее, чем в десятке метров от кабины.

— Приземляйтесь, — с трудом проговорил Мюррей. — Ради всего святого, вниз!

Пилот сдержанно оглянулся и покачал головой, потом положил машину на бок. В небе снова сверкнуло, опять рой светящихся пуль пронесся мимо.

— Если мы приземлимся, он нас накроет. Внизу открытое поле. Мы должны отделаться от него. Держитесь крепче!

У Дамоны и Мюррея не было времени, чтобы выполнить это требование. Оба реактивных двигателя вертолета взревели. Машина заложила петлю, снова поднялась чувствительным рывком и по короткой спирали понеслась на большой

вертолет. На какой-то момент показалось, будто пилот хочет протаранить «Сикорски» в лоб. Лишь в последний момент он рванул машину в сторону, достаточно близко, чтобы они могли узнать маскировочную окраску и опознавательные знаки военного вертолета.

Тот попытался повторить их маневр, но его машина была менее поворотлива.

Однако, этот рискованный маневр дал им весьма короткую передышку.

Преследователь снизил скорость, заложил вокруг них отчаянную дугу, рассекая воздух, как гигантская стрекоза. Изпод носа кабины блеснуло ярко-оранжевым.

Что-то ударило в корпус полицейской машины. Плексигласовое стекло на стороне Дамоны превратилось в растрескавшуюся сетку из бесчисленного количества мелких трещин.

Пилот выругался и заставил машину провалиться вниз.

Второй залп прорезал воздух там, где они только что находились.

— Летает он чертовски здорово, — озабоченно сказала Дамона.

— Верно, но не умеет стрелять, иначе мы давно были бы сбиты.

Спокойствие в голосе пилота звучало теперь не так правдоподобно, как минуту назад. Они получили одно попадание, а это наверняка было больше, чем могла выдержать маленькая полицейская машина.

— Вызовите Арлингтон, — потребовал Мюррей. — Они должны вызвать помощь!

— Слишком поздно. Пока те прибудут сюда, он давно нас собьет. Мы должны приземлиться.

— Но только что вы говорили...

— Я знаю, что говорю, инспектор, — холодно остановил его пилот. — Только что у нас не было дыры в баке. Держитесь — резко идем вниз.

Земля прыгнула им навстречу. Вертолет, как камень, стремительно падал вниз, немного приостановившись лишь в последний момент, и скорее упал, чем приземлился, с оглушительным треском. Шум двигателя внезапно затих, а кабина мгновенно насквозь провоняла запахом горючего.

Дамона оцепенело нащупала замок своего ремня безопасности, открыла боковую дверцу и скорее выпала, чем вылезла из кабины.

Яркая точка прыгала на горизонте вверх-вниз, глухой гул вертолетных двигателей наполнял воздух.

Оба его пулемета тявкнули сухо и жестко. Прямой двойной ряд фонтанчиков помчался к ней через поле и прошел мимо всего лишь в метре. Но эта дорожка пересекала кабину полицейского вертолета. Она мгновенно превратилась в кучу обломков. Где-то внутри машины вспыхнула маленькая желтая искорка, раздался взрыв, превративший вертолет в яркое огненное облако.

Дамона прижалась лицом к земле, закрыла руками голову от взрывной волны, огненная лапа которой коснулась ее спины. Она вскрикнула, с усилием поднялась на четвереньки и поползла прочь от горящей машины. Поле осветилось, как днем.

Кто-то схватил ее за руку и сильно рванул вверх. Это был Мюррей. Лицо его перепачкала сажа, дышал он так тяжело, словно позади остался двадцатикилометровый марш-бросок. Но он казался невредимым.

— С тобой все в порядке?

— Да, — кивнула Дамона. — Что с пилотом?

— Нормально, но мы должны немедленно исчезнуть отсюда. В следующий раз он не промахнется.

Гул вертолета уже приближался. Машина неслась к ним на бреющем полете. Яркие световые конусы ее неистовых прожекторов, как бледные пальцы гигантской руки, ощупывали размытое поле.

Мюррей собрался бежать, но Дамона не сдвинулась с места. Она понимала, что бежать бесполезно. Поле совершенно плоское, а ближайшее укрытие находилось в километре от них. Даже если бы они разделились, все равно вертолет успел бы расстрелять их поодиночке. Оставался единственный шанс.

— Дамона! — Отчаянно выкрикнул Мюррей. — Бежим же!

Дамона словно не слышала его. Она поднялась и встала неподвижно в зареве горящего вертолета, оцепенело глядя на несущуюся ей навстречу машину. Ее лицо застыло неподвижной маской.

Внезапно поднялся ветер, сначала слабый, едва ощутимый порыв, который в несколько секунд усилился и яростно взревел. Темное дождевое облако сгустилось в гигантскую черную массу, в которой что-то призрачно светилось и сверкало. Внезапно и резко пошел дождь. Капли были холодными и очень колючими, они неслись почти отвесно земле, а туча на небе начала кипеть и бурлить. Все это произошло в течение двух-трех секунд.

Оба прожектора «Сикорски» на этот раз правильно нащупали цель. Прямой, как по линейке, ряд фонтанчиков мчался по полю, пересек горящий вертолет и направился прямо к Дамоне.

А потом...

Единственная, ослепительно белая молния ударила из бурлящей тучи в кабину летящего вертолета и на долю секунды она накрылась ярким белым сиянием.

Чудовищный удар грома прокатился по полю.

Прожектора погасли, а там, где только что находился вертолет, возник огненный шар, из которого начали падать на землю горящие обломки и темные, бесформенные предметы.

Мюррей успел подхватить Дамону. Лицо ее внезапно побледнело, как у покойника, дыхание стало прерывистым и аритмичным. Мюррей бережно опустил ее на землю, уложил голову на свои колени и с чувством недоверчивого облегчения посмотрел на запад.

Небо над местом падения освещало зарево. Должно быть, огонь был виден за несколько миль.

Глухой удар грома прокатился по небу. Мюррей поднял голову и взглянул на грозное облако.

Непогода прекратилась так же быстро, как и началась.

Взгляд Мюррея переместился дальше, коснулся горящих обломков полицейского вертолета и линии выстрелов пулеметов «Сикорски». Последнее место попадания было всего в полуметре от Дамоны. Еще бы полсекунды, и...

Мюррей закрыл глаза и попытался осмыслить все до конца. Иногда он забывал, что Дамона была ведьмой. А ведь только ведьма могла отразить такое нападение.

КУКЛА — ЧУДОВИЩЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

17

Человек пытался выбраться на берег. Тело его наполовину лежало в грязной, маслянисто поблескивающей воде, которой начала заполняться воронка, обугленные пальцы безостановочно ощупывали размякшую землю, но снова и снова скользили вниз. Одежда на нем была изодрана в клочья, прожжена большими черными дырами до кожи и расплавлена. Левой ноги не было, ниже колена торчал лишь серый обрубок, из которого сыпалась серая порошкообразная масса, на месте лица находилась темно-серая поверхность, на которой дыры и трещины указывали прежнее местонахождение рта, носа и глаз. Тело расплавилось при чудовищной температуре взрыва.

Но он жил...

Вопреки всем законам природы, ужасно изуродованная кукла жила. Ее тело дернулось, будто под действием мощной внутренней судороги, потом повернулось на мокрой земле, схватило обгорелыми руками, вернее обрубками, грязь и подтянулось. Туловище миллиметр за миллиметром поползло из воронки.

Дамона оцепенело уставилась на обгоревшую куклу. Мысли беспомощно кружились в голове, и, хотя вид куклы

вызывал у нее тошноту и омерзение, она была не в состоянии отвести взгляд от страшного зрелища.

Кукла, словно безобразная изуродованная улитка, ползла по сырой земле.

— Хирлет, — раздался голос рядом с ней.

Дамона с трудом оторвалась от жуткой картины, поспешно отступила на два-три шага и, замерзая, обхватила плечи руками.

— Или тот, кого вы приняли за Хирлета, — через некоторое время продолжил Мюррей.

Его голос звенел и дрожал, но это было не только от напряжения и холода. Он покачал головой, нервным движением провел рукой по лбу и издал жалобный вздох. На лице его трепетали отблески пламени, все еще вырывавшегося из обломков горящего полицейского вертолета.

Небо над полем окрасилось в кроваво-красный цвет, а мерцающие отблески колдовали над поверхностью воронки, которую образовал упавший вертолет куклы. В воздухе пахло гарью, было холодно. Обугленные обломки и маленькие мерцающие огненные точки покрывали поле на обширной площади. Военная машина, как бомба, врезалась в мягкую землю, и то, что осталось от нее, торчало теперь, как громадный, угрожающе сжатый кулак, из середины неглубокой круглой воронки.

Но ни Дамона, ни Мюррей, ни пилот полицейского вертолета ничего этого не замечали. Как оцепенелые, они стояли и смотрели на чудовищную куклу, которая с упорством машины пыталась выползти к ним наверх.

— Хирлет, — повторил Мюррей. Голос его звучал спокойно, но Дамона ясно почувствовала, как тяжело ему формулировать свои мысли. — Он нас надул, мы попались на его удочку. Когда мы здесь дрались с его созданием, он, вероятно, находился уже далеко за горами.

Дамона не ответила. Она чувствовала себя измученной. Гроза, которую она вызвала, чтобы сбить вертолет, отняла у нее все силы.

— Я не понимаю... — заикаясь, пробормотал пилот. — Как... Каким образом он мог... Но все же он никогда не... И эта гроза, молния...

Он замолчал, растерянно поглядел сначала на Мюррея, потом на Дамону и опять покачал головой. Его пальцы нервно играли молнией кожаной куртки, а взгляд беспокойно скользил по чему-то распластанному перед ним на земле, словно его рассудок отказывался понимать то, что видели глаза.

— И не нужно вам это понимать, — резко сказал Мюррей. — Главное, чтобы вы не распространялись об этом.

Он горько рассмеялся, подождал несколько секунд и почти спокойно вытащил из кармана пальто пистолет. Подойдя поближе к воронке, он тщательно прицелился и шесть раз подряд нажал спусковой крючок.

Пули разбили голову и верхнюю часть куклы, не оставив ничего, кроме осколков черно-серой субстанции.

«Пластмасса, — смутно пронеслось в голове у Дамоны. — Валакрон!»

Они гнались за куклами.

— Но как... — беспомощно проговорил пилот. — Что это было? Что это за человек? — Он замолчал и повернулся, недоверчиво уставившись на Дамону. — Кто вы? — выдохнул он.

Вместо ответа Мюррей тронул его за плечо и с секунду пристально смотрел прямо в глаза.

— Я вам все объясню, — тихо сказал он. — Вероятно, мне не нужно указывать вам, что ничего из того, что вы только что видели, никто не должен знать. Как вас зовут?

— Мандрейк, — ответил пилот. — Поль Мандрейк. Лейтенант Мандрейк. Я не буду болтать. — Он рассмеялся, в его голосе чувствовались истерические нотки. — Думаю, мало кто мне поверит.

— Это хорошо, Мандрейк, — кивнул Мюррей, — очень хорошо. Штука, которую вы только что видели, была не человеком, а куклой.

Мандрейк медленно кивнул.

— Робот, да?

— Что-то вроде этого, — подтвердил Мюррей. — Но этого мы сами не знаем. Ясно, что существование этой штуки должно сохраняться в тайне. Я думаю, мы... Что это? — Он поднял голову и посмотрел на север.

Над темной линией горизонта появилась маленькая желтая точка, а ветер донес тихое приближающееся гудение.

— Это, должно быть, машина из Арлингтона, — предположил Мандрейк. — Наверное, они наблюдали за воздушной дуэлью на экранах радаров и теперь проверяют, что случилось.

— Мне кажется, слишком поздно, — проворчал Мюррей, еще раз взглянул в ту сторону, затем торопливо сунул пистолет в карман и предостерегающе посмотрел на Мандрейка. — Как договорились, лейтенант, ни слова. Мы не знаем, что уничтожило вертолет. Пусть над этим ломают голову другие.

— А что это было на самом деле? — быстро спросил Мандрейк.

— Гроза, мой дорогой, — ухмыльнулся Мюррей. — А если вы меня сейчас спросите, откуда она взялась, то я вам объясню, что мисс Кинг — просто ведьма.

Мандрейк несколько секунд помолчал, в замешательстве посмотрел на Дамону и нервно усмехнулся.

— Хорошо, инспектор. Я все понял.

— Я в этом не уверен, — буркнул Мюррей так тихо, что пилот ничего не услышал.

Шум винта тем временем превратился в воющий рев, который заглушил завывания ветра и вскоре сделал невозможным любой разговор. Машина скользила к ним на бреющем полете, два раза облетела оба костра и села в пятидесяти метрах от них. Реактивные двигатели взвыли еще раз и смолкли. Погасли бортовые огни, вспыхнул яркий поисковый прожектор. Луч света, как узкий костлявый палец, ощупал поле, скользнул через горящий костер из полицейского вертолета и остановился на Дамоне, Мюррее и пилоте. В борту мокрой темно-зеленой машины открылась дверца. На землю была выброшена короткая металлическая лестница, затем появился человек в форме военно-воздушных сил.

На мгновение он остановился, посмотрел на обе разбитые машины и смешной походкой направился к ним, увязая по щиколотку в грязи.

Мюррей пошел ему навстречу.

Прибывший майор остановился и небрежно отдал честь.

— Майор Пелхэм, сэр. Я полагаю, вы инспектор Мюррей?

Мюррей озадаченно кивнул.

— Откуда...

Пелхэм усмехнулся, но сразу же опять стал серьезным.

— Мы получили радиограну, в которой нас просили о помощи. Что случилось? Скотланд-Ярд решил поиграть в войну?

Мюррей вкратце рассказал майору, что произошло.

— Мы понятия не имеем, почему вертолет внезапно взорвался в воздухе, — закончил он. — Но должен признать, что мы, вероятно, были бы трупами, если бы этого не случилось.

Пелхэм наморщил лоб.

— Просто так взорвался в воздухе? — В его голосе звучало сомнение. — Без...

— Лейтенант Мандрейк провел ложную атаку, — перебил его Мюррей. — Возможно, пилот сделал ошибку из страха или чего-либо еще.

Пелхэм на секунду задумался.

— Вы довольно близко подвели свою машину, не так ли? — внезапно спросил он Мандрейка. — Вы случайно не заметили номер?

Мандрейк наморщил лоб.

— Погодите, я подумаю. Альфа-Браво-семь-четыре...

— Девять-семь-семь-Альфа? — закончил Пелхэм.

Мандрейк ошеломленно кивнул.

— Кажется, так. Почему вы спрашиваете?

— Потому что я знаю, откуда машина. От нас. Из Арлингтона.

— Что? — Мюррей пришел в замешательство.

Пелхэм внезапно сделал несчастный вид.

— Машина была украдена, — признался он. — Более двух недель тому назад.

— Украдена?! — ахнул Мандрейк. — Огромная боевая машина украдена? Вы шутите!

— К сожалению, нет. Украдена, может быть, не совсем то слово. Вертолет находился в обычном полете, когда вдруг прервалась связь, затем машина исчезла с экранов радаров. — Он указал на горящий «Сикорски». — Вот это первый след, который нам удалось обнаружить.

— А экипаж? — спросила Дамона.

— Исчез. Два пилота, радист и три стрелка. Мы предполагаем преступление. Боюсь, что это именно так.

— А почему об этом никто не знает? — быстро спросил Мюррей.

— Ну, инспектор, — вздохнул Пелхэм, — королевский военно-воздушный флот в таких случаях берет расследование на себя. Кроме того, стараются избежать огласки.

— Но кто мог украсть вертолет? — изумился Мандрейк.

— О, есть достаточно много заинтересованных лиц, — вмешался Мюррей, прежде чем Пелхэм успел ответить. — Торговцы оружием, наши друзья с той стороны, преступный мир. — Повернувшись к Пелхэму, он добавил: — Сейчас я был бы очень рад и благодарен вам, если бы вы смогли нас отсюда вывезти.

— Конечно, — поспешно ответил Пелхэм, — я прикажу доставить вас на базу, но сам, к сожалению, не смогу вас сопровождать. Я останусь здесь и буду следить за тем, чтобы территорию оцепили и осмотрели. Но я дам указание, чтобы о вас позаботились.

Он приглашающим жестом указал на вертолет и прошлепал перед ними через грязное поле.

Дамона облегчено вздохнула про себя, когда оказалась в кабине и Пелхэм предоставил ей свое место.

Вертолет был меньше, чем она предполагала. Большую часть салона занимали зеленые и серые ящики, а меньшая была почти полностью занята двумя громоздкими авиационными пулеметами, торчащими по обе стороны вертолета.

Пелхэм выкрикнул пару команд, после чего все солдаты, кроме пилота и радиста, покинули машину и развернулись кольцом вокруг места падения. Кто-то притащил огнетушитель и принялся тушить пожар. Потом дверца с глухим стуком захлопнулась, двигатели над головой пробудились к трескучей жизни. Машина поднялась и с возрастающей скоростью понеслась в направлении Арлингтона.

18

Кто-то мягко, но упорно тряс Майка за плечо и при этом что-то говорил. Прикосновение распространилось пульсирующей болью и заставило его застонать. Майк моргнул, дотронулся до затылка и отдернул руку от сильной боли.

— Не двигайтесь, — пробормотал чей-то голос. — Врач скоро придет.

Майк открыл глаза, несколько раз моргнул и попытался вспомнить, где он находится.

Вокруг была темнота, полная скользящих теней, голосов, нарушаемая лучом фонарика. Мягкий, ненавязчивый запах ткани, тяжелый дух ковров и фильтруемый кондиционером воздух ударили ему в нос. Это был запах магазина.

Майк сел, опять застонал и попытался не обращать внимания на тупую боль в затылке.

Ощущение было такое, словно его голову кто-то с любовью и наслаждением обрабатывает кувалдой.

— Что случилось? — неразборчиво пробормотал он.

— Вас ударили, сэр, — ответил «бобби», стоящий на коленях рядом с ним. — Я уже велел вызвать врача и...

— Врач — ерунда! — перебил его Майк. — Что случилось? Где Теракис?

Он замолчал, поднялся на ноги и обернулся. В груди разрослось жуткое чувство, когда Майк увидел пустую тумбу, на которой еще недавно стояли три манекена.

— Где Теракис? — спросил он еще раз.

Полицейский грустно пожал плечами.

— Не знаю, сэр, — признался он. — Мы прошли к вам, когда слышали шум, но здесь больше никого не было.

Майк немного помолчал, с трудом припоминая подробности происшедшего.

Он пришел сюда с греческим ученым, чтобы забрать три куклы-чудовища, которые Хирлет оставил при поспешном бегстве. Они нашли их, а потом...

— Вы уверены, что никто не покинул здание? — спросил он. — Даже никто из ваших?

— Наших людей?

Майк нетерпеливо кивнул.

— Человек в полицейской форме без фуражки, поскольку я ее сбил. Он, Теракис и три молодые женщины в меховых пальто.

— Три молодые женщины в меховых пальто? — По выражению лица полицейского было видно, что он считает удар по голове Майка слишком сильным. — Я никого не видел, — нерешительно продолжал он. — Дом окружен. Они не могли выйти.

Раздался щелчок, под потолком вспыхнули лампы дневного освещения.

Майк обошел тумбу и наклонился.

Следы борьбы были налицо — одежда лежала в беспорядке на полу, а совсем рядом с тумбой он обнаружил осколок серого вещества, обломок манекена, явно поврежденного при падении.

Несколько секунд Майк задумчиво взвешивал его на ладони, потом сунул в карман пальто и вновь повернулся к полицейскому.

— Прикажете обыскать здание, — сказал он. — Все подвалы и чердаки. Профессор Теракис похищен.

— Похищен?

— Человеком в полицейской форме, — кивнул Майк. — И проинструктируйте своих людей, чтобы они соблюдали осторожность. Этот парень опасен.

Полицейский испуганно посмотрел на него, затем повернулся к своим людям.

Майк еще постоял в нерешительности, потом тоже повернулся и направился к ближайшему телефону. Услышав длинный гудок, он набрал номер Скотланд-Ярда, но ответа не получил. Почувствовав раздражение и подумав, что это ненормально, Майк бросил трубку на рычаг и крикнул одному из полицейских:

— Позовите мне швейцара этого магазина. И еще мне нужно поговорить с вашим командиром.

Майк удивился, как полицейские беспрекословно выполняют его приказы. Но, возможно, они были рады, что здесь находится хоть кто-то, к кому можно обратиться. Что-то было не так с этим, казавшимся безобидным магазином, и, вероятно, полицейские тоже чувствовали это.

У Майка возникло странное, ничем не обоснованное чувство, что за ним наблюдают, инстинктивное знание, что в этом здании их подстерегает что-то немыслимо злое и враждебное.

Майк содрогнулся, с усилием отбросил эту мысль и стал в нерешительности ходить по залу.

Семь-восемь полицейских в форме лондонского патруля обследовали каждый метр помещения, но Майк был уверен, что здесь они ничего не найдут, хотя знал, что монстры не могли скрыться из здания незамеченными.

Майк упрекал себя в том, что поднялся сюда с Теракисом. Профессор не мог знать, как опасны куклы. Если с ним что-то случилось, в этом виноват Майк. Но с другой стороны, монстр совершил ошибку, первую ошибку, похитив Теракиса. Значит, тот представлял большую опасность для чудовищ, то есть, мог раскрыть их тайну, а может, и уничтожить их.

— Мистер Гюнтер?

Майк оторвался от размышлений и взглянул на полицейского, на рукаве которого блестели три нашивки констебля.

— Вы хотели со мной поговорить?

— Вы командир группы?

— Констебль Ленден, сэр. Я руковожу здесь всем, пока не вернется инспектор Мюррей. Чем могу быть вам полезен?

Майк объяснил Лендену, что произошло.

— Похитители должны находиться в здании, — заключил он. — Если, конечно, ваши люди заняли все выходы.

Ленден с обиженным видом вышагивал рядом с Майком.

— Будьте уверены, сэр, — твердо сказал он, — что полицейская форма не много даст этим молодчикам. Я отдал приказ, чтобы никто не покидал здание без моего личного разрешения. Мы поймаем их.

— Будем надеяться. — Майк не мог полностью разделить оптимизм Лендена. — Я посылал за управляющим. Вы не знаете, где он?

— Он открыл пару дверей на первом этаже, — ответил Ленден. — Но к сожалению, все главные ключи находились у Хирлета.

— Вы уже что-то о нем слышали? — Майк кивком указал на переговорное устройство на ремне Лендена.

— К сожалению, нет. Ни о нем, ни об инспекторе Мюррее. — Он коротко ухмыльнулся. — Но не волнуйтесь, им от нас не уйти. Случай с вертолетом был такой глупостью, какой я еще не видел...

— Да? — изумленно спросил Майк. — Вы так находите? Ленден убежденно кивнул.

— Такое случается только в фильмах о Джеймсе Бонде, — заверил он. — Он не может незаметно сесть в городе, а если вылетит за городскую черту, его поймут радары. Кроме того, он был первым, кто ушел от Мюррея. Я не знаю, насколько вы знакомы с инспектором, но в Скотланд-Ярде он пользуется определенной славой.

Майк махнул рукой.

— Я знаю инспектора достаточно хорошо. А сейчас мы должны найти управляющего. Поговорить можем потом.

Ленден виновато дернулся и повернулся, чтобы спуститься на первый этаж впереди Майка.

Они нашли управляющего в маленьком баре в южной части здания.

Это был седой, высушенный человек с одной рукой, а лицо его, казалось, состояло из одних складок и морщин.

Ленден представил Майка и объяснил управляющему, в чем дело.

— Меня интересует план здания, — сказал Майк.

— В этом я могу вам помочь.

Управляющий несколько раз кивнул, достал связку ключей и открыл канцелярский шкаф. Он вытащил оттуда свернутый план магазина, развернул на столе и прижал углы ручками и карандашами, которые извлек из своего бездонного портфеля.

Майк и Ленден склонились над планом.

Магазин состоял из трех этажей, девяносто процентов которых находились в распоряжении покупателей. Остальная площадь использовалась под бюро, склады, примерочные кабинеты и туалеты для персонала.

Майк указал на подвальный этаж.

— Что находится здесь?

— Ничего, кроме отопления. А также склад под ящики и упаковочный материал. Есть еще маленькие помещения, которые пустуют уже несколько лет.

— Пустуют? — насторожился Майк.

— Во всяком случае, — пожал плечами управляющий, — я не знаю, что находится там. Двери заперты, и я не имею ключей.

Майк и Ленден мгновенно переглянулись. Казалось, они подумали об одном и том же.

— Проводите нас туда, — попросил Майк.

Управляющий кивнул и заковылял к двери.

Ленден позвал еще двух человек, строго приказал выставить пост у двери, затем бросился за Майком и стариком через торговый зал.

Они добрались до узкой, едва заметной потайной двери, управляющий с трудом открыл ее. За дверью находилась крутая лестница из необлицованного бетона, которая вела на три-четыре метра вниз, после чего делала резкий поворот.

Майк остался на верхней ступеньке, пока управляющий не зажег свет, затем достал свой «люггер». Ленден удивленно посмотрел на него, но Майк не отреагировал. На этот раз он решил сначала стрелять, а потом думать, так как больше не собирался ставить на карту свою жизнь или жизнь других людей.

Поочередно они начали спускаться по лестнице. Торговый лоск верхних помещений померк, когда они спустились в подвал.

Здесь, внизу, стены были голые, холодные — необделанный бетон с узором опалубки, вдоль которого тянулся, как пестрая змея, толстый пучок электрических проводов. Голая, защищенная лишь тонким проволочным каркасом лампа освещала узкий проход, не давая теней.

Майк остановился и бросил вопросительный взгляд на управляющего. Тот поднял два пальца — вторая дверь.

Они пошли дальше.

Майк приготовил оружие, занял позицию перед дверью и подождал, пока Ленден и двое полицейских встанут справа и слева. Потом осторожно взялся за ручку двери и нажал. Дверь была не заперта. Майк медленно открыл ее внутрь.

Свет из коридора попал в темное помещение, осветил голый, покрытый пылью бетонный пол и метра через три уткнулся в противоположную стену.

С колотящимся сердцем Майк нащупал на стене выключатель.

Комната была пуста. Воздух в ней стоял сухой и горький, а слой пыли на полу показывал, что помещение не использовалось уже несколько лет.

Пожав плечами, Майк вышел в коридор.

— Что за другими дверьми?

— Два помещения, которые никогда не использовались, — объяснил управляющий. — За этой дверью подвал с отоплением, за двумя следующими — склады.

Майк на секунду задумался.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Сначала кочегарка, потом все остальное.

Он закрыл дверь и приглашающе махнул пистолетом.

Управляющий нехотя повернулся, выбрал из связки очередной ключ и открыл кочегарку.

Внутри господствовала сумрачная полутьма, в которой тлела контрольная лампочка.

Майк прошел в кочегарку и щелкнул выключателем, но свет не загорелся.

— Лампочка перегорела, — объяснил управляющий. — Я должен был заменить ее еще неделю назад, но все время что-то мешало...

Майк недовольным жестом заставил его замолчать и осторожно прошел в глубину полутемного помещения.

Оно было не обширным. Большую часть занимал отопительный котел и четыре большие пластиковые бака, в котором хранилось жидкое топливо. Здесь негде было укрыться и собаке, не говоря уж о взрослом человеке.

Пожав плечами одновременно облегченно и разочарованно, Майк повернулся было к двери, но остановился.

— Что это? — спросил он, указав на прямоугольный контур на сером бетоне пола.

— Шахта, — помедлив, ответил управляющий.

— Шахта? Что за шахта? Куда она ведет?

— В канализацию, насколько мне известно, — пробормотал управляющий. — Ее проделали несколько месяцев назад. Раньше здесь был простой водосток, но мистер Хирлет нанял людей из строительной фирмы вырыть эту шахту.

— Зачем? — Майк тут же живо представил себе, зачем. Хирлет был предусмотрительным человеком и своевременно позаботился о том, чтобы можно было исчезнуть в случае необходимости. — Боюсь, они ушли от нас, — тихо добавил Майк.

— Вы думаете, они спустились здесь? — изумился Ленден. — В канализацию?

— Почему бы и нет? — спросил Майк. — Если внизу хорошо ориентироваться, можно добраться до любой точки города. Что у них не может быть слишком большого преимущества. — Он решительно повернулся и опустился на колени рядом с люком шахты.

Это был тяжелый, почти метровый прямоугольник из дюймового чугуна. Майку и Лендену пришлось приложить все силы, чтобы поднять его.

Под ним появилась мрачная шахта, стены которой терялись в темноте. Тихое бульканье текущей воды и прямо-таки захватывающая волна запахов гнили и тления проникли наверх.

Майк попросил фонарь.

Один из полицейских протянул карманный фонарик. Майк направил его в глубину. Бледный свет отразился от текущей воды далеко внизу.

Ленден с отвращением поморщился.

— Вы что, серьёзно хотите спуститься туда? — спросил он.

— Может, у вас есть идея получше?

Майк передал фонарик Лендену, взялся за верхнюю перекладину металлической лесенки и начал спускаться. Ленден освещал ему дорогу.

Спускался Майк осторожно. Металлическая лестница была сырой и покрытой слоем слизистой грязи, а вонь, окутавшая его невидимым покрывалом, не давала дышать. Майк считал ступеньки, пока не достиг дна. Ступенек было сорок, следовательно, он находился на глубине десяти метров. Несколько секунд Майк стоял по щиколотку в грязной воде и смотрел вверх. Выход из шахты был маленький, смутно освещенный, и в нем плечи Лендена выглядели плоской черной тенью.

— Я внизу, — крикнул Майк.

— Хорошо. Подождите, я спускаюсь.

Голос Лендена доносился словно из бесконечной дали.

Майк отошел от ствола шахты и попытался хоть что-нибудь разглядеть в черной, как смоль, темноте.

Штольня была полукруглой и в самой высокой точке достигала почти трех метров. По середине рвался широкий, пенистый, мутный поток зловонной воды. Справа и слева от него тянулась метровой ширины дорожка из кирпича. Майк стоял в луже, образовавшейся из скопившейся в углублении воды, и нетерпеливо ждал, пока Ленден спустится и включит фонарик.

Штольня уходила от шахты в обоих направлениях. Через неравномерные промежутки над потоком располагались металлические мостики, а время от времени в главный поток с обеих сторон вливались мелкие ручейки.

— И что теперь? — спросил Ленден.

Майк пожал плечами и ступил на дорожку. Его надежда найти след беглецов ослабла. Даже с сильной лампой здесь было бы почти невозможно обнаружить какие-нибудь следы.

Внезапно Майк остановился, поднял голову и пристально поглядел в темноту.

— Что? — тихо спросил Ленден.

Майк жестом заставил его замолчать и указал вперед.

Из-за бульканья воды звук был еле слышным: поспешные, тяжелые шаги трех-четырех человек.

— Вперед! — скомандовал Майк.

Они бросились в темноту навстречу опасности, действительных размеров которой никто из них не представлял.

19

Вертолет сел с едва заметным толчком.

Дамона расстегнула ремень безопасности, когда Мюррей и Мандрейк уже поднялись с мест.

Дверца вертолета распахнулась, появился полный любопытства солдат.

— Инспектор Мюррей и мисс Кинг? — спросил он.

Мюррей кивнул и помог Дамоне выйти.

— Я сержант Темпс, — сказал солдат. — Майор Пелхэм сообщил о вашем прибытии по рации. Я должен позаботиться о вас. — Он указал на джип с работающим мотором и включенными фарами, стоящий рядом с приземистой машиной. — Генерал Джоргер уже ждет вас.

Они пошли к машине.

— Но прежде вы можете отдохнуть.

Дамона с Мюрреем расположились на заднем сидении, а Мандрейк устроился рядом с водителем.

— Отдых нам ни к чему, — сказала Дамона. — Мы в распоряжении генерала. Надеюсь, он не займет у нас половину ночи.

Темпс делано рассмеялся и уселся за руль.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Машина для вашего возвращения в Лондон уже готова. Генерал Джоргер только задаст вам несколько вопросов, и все. Чистая формальность. — Он вздохнул, включил четвертую скорость и поехал к плоским баракам на южной стороне аэродрома. — Знаете, — продолжал он, — в армии абсолютно ничего не делается без протоколов и прочего бумажного хлама. Но это будет не слишком долго. — Он поднял голову и долго смотрел на Дамону в зеркальце заднего обзора. — Может, вам стоит показаться нашему штабному врачу? Вы, наверное, кое-что пережили?

— Ничего страшного, — ответила Дамона. — Мы просто порядочно перетрусили, не более того.

Темпс усмехнулся, но остался при этом серьезным.

Они быстро пересекли летное поле, проехали мимо ряда темных, безмолвных бараков и, наконец, остановились перед небольшим, ярко освещенным зданием.

— Только этого мне сейчас и не хватало, — проворчал Мюррей, когда Темпс оказался за пределами слышимости. — Генерал не поверит нашей истории.

— Конечно, нет, — отозвалась Дамона. — Когда они обыщут место падения и вместо трупов пилотов найдут несколько разбитых кукол...

Мюррей явно испугался.

Они вошли в барак и в нерешительности остановились.

Только сейчас, когда они попали в теплое помещение, Дамона поняла, что температура снаружи понизилась. Она зябко поежилась и спрятала руки под мышками.

— Можете пройти, — Темпс показал на дверь в противоположной стороне маленькой приемной. — Генерал Джоргер ждет вас. — Он посмотрел на Дамону, наморщил лоб и покачал головой. — Да вы почти ооченели, — с упреком сказал он, — Они иногда...

Он бросился мимо Дамоны в другую комнату и через секунду вернулся с серым армейским пледом, который набросил ей на плечи.

Дамона благодарно кивнула.

— Идемте, — сказал Темпс.

Они прошли по короткому, стерильно чистому коридору и вошли в чрезвычайно большой кабинет.

Огромный письменный стол господствовал в помещении, и сидевший за ним человек выглядел съезжившимся до минимума. На стенах висели разноцветные карты, исчерканные линиями, штрихами и какими-то бессмысленными символами, а в углу боролась с холодом рефлекторная лампа.

— Присаживайтесь, — дружелюбно сказал Джоргер.

Это был крупный, атлетического сложения мужчина под шестьдесят, один из тех спортивных, натренированных людей с жесткими седыми волосами и выдающимся подбородком, которые каждое утро встают до восхода солнца. Они игнорируют ревматизм и боли в коленях, часами занимаются йогой и воображают, что еще могут производить впечатление на женщин своей сединой.

Дамона мельком взглянула на него и поняла, что его невозможно любить.

Они сели на три приготовленных стула и ждали, пока Джоргер обратится к ним.

Генерал пристально рассматривал их. В его глазах был колючий, неприятный блеск. Наконец, он с едва заметной улыбкой обратился к Мандрейку.

— Вы пилот, который вел вертолет, — определил он.

Мандрейк кивнул.

— Я наблюдал за вашими маленькими фокусами на экране радара, — продолжал Джоргер. — Если вы когда-нибудь будете искать неподвластную кризисам работу, молодой человек, обращайтесь ко мне. — В его голосе звучало явное одобрение.

Мандрейк неуверенно улыбнулся.

— Вы пригласили нас сюда для того, чтобы вести разговоры о найме на работу? — недовольно проворчал Мюррей.

Джоргер невозмутимо покачал головой.

— Конечно, нет, инспектор. Я только хотел поздравить вашего пилота. Я признаю успехи человека, если их видел, но вы, конечно, правы. — Его тон изменился. — Вы устали и многое пережили. Я только хочу попросить вас рассказать об инциденте.

— Рассказать можно немногое, — резко ответил Мюррей. — Мы преследовали молодчиков, не подозревая, что вы предоставили в их распоряжение боевой вертолет. Когда мы заметили это, было уже слишком поздно. Если бы Мандрейк

не был таким превосходным пилотом, а стрелок противника таким близоруким, мы бы сейчас не сидели здесь.

Джоргер принял этот выпад без особой реакции.

— Вы считаете, что это произошло из-за стрелка? — спросил он.

— Я знаю, куда вы клоните, — ответил вместо Мюррея Мандрейк. — Машина летела с экипажем, который не особенно хорошо обращался с ней. Это были не ваши люди, если это вас так интересует, генерал.

— Вы уверены?

— Да. Ваши люди сбили бы нас, — убежденно сказал Мандрейк.

Джоргер немного помолчал, но Дамона ясно видела ход его мыслей.

— Надо надеяться, вы понимаете, для меня очень важно быть уверенным, что мои люди не имели к этому никакого отношения, — сказал он, наконец. — Достаточно того, что исчезла машина. Собственно, где она появилась? Я слышал, что где-то над Лондоном?

— В Харроу, — ответил Мюррей. — И это для меня такая же загадка. Как Хирлет смог привести ее туда, чтобы несколько сот человек тут же не пронюхали об этом? Но мы это выясним.

— Хирлет?

— Человек, которого мы в этом подозреваем, — поправился Мюррей.

— Подозреваете? — в глазах Джоргера появилась напряженность. — Вы не уверены, что он был там?

— Машина стартовала с его земельного участка, но я не слишком уверен, что он присутствовал при этом. Возможно, это был лишь трюк для того, чтобы направить нас по ложному следу. Вам что-нибудь говорит это имя?

— Хирлет? Нет. Я знаю каждого человека, несущего службу в моем подразделении. Также я помню всех, кто нес ее в последние десять лет, но мистера Хирлета здесь не было. Конечно, я произведу розыск. До сих пор мы блуждали в потемках. Возможно, благодаря этой фамилии мы получим новый след.

— Не исключено, что он носил эту фамилию, только пока торговал.

— Это обнаружится, — пожал плечами Джоргер. — Мы исследуем трупы экипажа. Я вам гарантирую, что мы схватим преступников.

— Надеюсь на это, — проворчал Мюррей, откинулся на спинку и достал из кармана полуразмокшую пачку сигарет. — Собственно, кроме вертолета, ничего больше не пропало? — благодушно спросил он.

На этот раз по лицу генерала пробежала тень.

— Нет, — выдавил он. — Почему вы об этом спрашиваете?

— Я только подумал, — пожал плечами Мюррей, — действительно ли было случайностью, что они летели в этом направлении? Вертолет позаимствовали у вас, а лететь на украденном вертолете через военную базу довольно глупо, если вы позволите это выражение. Хирлет же до сих пор действовал очень разумно.

Джоргер нехотя кивнул.

— Я прикажу перепроверить дело. Если здесь есть какая-то связь, мы найдем ее.

На столе зазвонил телефон. Джоргер, казалось, обрадовался перерыву, так как разговор приобретал совсем другое направление, чем он предполагал. Он взял трубку, представился и некоторое время молча слушал.

— Машина для вас готова, — сказал он, положив трубку. — Можете лететь в Лондон. В течение нескольких дней я свяжусь с вами. Конечно, вы можете остаться до утра. Места у нас хватит, а наш врач...

Мюррей вежливо отклонил это предложение и встал.

— Это очень любезно с вашей стороны, генерал, но я должен срочно вернуться в Лондон.

— Я понимаю.

Джоргер поднялся и проводил их до двери.

Снаружи уже поджидал Темпс, который отвез их на джипе на взлетную полосу.

Через несколько минут они снова сидели в вертолете и мчались сквозь ночь в направлении Лондона.

20

Поле было залито сверкающим светом бесчисленных прожекторов. Вой дизельных двигателей и резкие выкрики команд перекрывали шум ветра. Более дюжины больших зелено-коричневых грузовиков образовали широкий полукруг возле места падения, а на краю ярко освещенного участка торчала громоздкая тень транспортного вертолета, который должен был перевезти обломки в Арлингтон.

Майор Пелхэм, зябко поеживаясь, застегнул воротник своей форменной куртки и окоченевшими пальцами зажег сигарету. Ему оставалось немного подождать, пока придут люди и материалы с базы.

Упоминание об останках действовало, как заклинание. Джоргер посылал каждого свободного человека, а материалов поступало больше, чем можно было использовать. В кругу диаметром метров двести теснились сотни солдат, обыскивавших буквально каждый сантиметр грязной земли. Подбирался всякий, даже самый маленький обломок и тщательно упаковывался в полиэтиленовый пакет. Но до сих пор не попало ничего существенного.

Пелхэм отбросил спичку и медленно пошел к воронке, в центре которой лежали остатки «Сикорски».

— Ну, что?

Человек в коричневой форме сапера взглянул наверх, узнал майора и уныло пожал плечами.

— Ничего, майор, — удрученно сказал он. — Ни трупов, ни остатков, ничего...

Некоторое время Пелхэм молчал.

— Возможно, их выбросило при взрыве вертолета, — пробормотал он.

Однако, сам он в этом не был уверен. Он имел опыт полетов и знал — такого не могло быть.

Сапер покачал головой. На его лице появилось печальное выражение.

— Он не взорвался, — прозвучал его тихий голос.

Пелхэм изумленно моргнул.

— Что?

— Он не взорвался, или все, что я узнал за тридцать лет службы — чепуха!

Взгляд Пелхэма переместился на бесформенные обломки.

— Не взорвался? — повторил он. — А что же тогда?

— Расплавился, — ответил сапер. — Я знаю, это похоже на бред, но обломки выглядят так, будто в машину попала молния.

— Не мелите чепухи, уважаемый! Где вы видели такую молнию, которая могла бы расплавить целый вертолет?

— Вам больше нравится лазерный луч? — спокойно спросил сапер.

Пелхэм подозрительно уставился на него.

— Скажите-ка, вы читаете слишком много фантастики или хотите меня разыграть?

— Ни то, ни другое, майор. Но это единственные два объяснения, которые у меня есть. Сами можете в этом убедиться.

Пелхэм немного помедлил, потом решительно шагнул в ледяную воду, которая постепенно заполняла воронку.

Увидев обломки вблизи, он вынужден был признать, что ему в голову пришла точно такая же мысль.

Требовалось обладать большой фантазией, чтобы в этой спекшейся массе узнать контуры вертолета. Алюминиевая обшивка расплавилась, как вощеная бумага. Местами она была сплющена, размазана, точно масло, на каркас корпуса и свисала вниз. Массивный металл отдельных частей корпуса был

искорежен и прожжен, а на месте кабины пилота зияла обугленная дыра.

— Действительно, странно, — произнес Пелхэм. — Но этому наверняка имеется логичное объяснение.

— Это еще не все, — сказал сапер. — Мы нашли нечто странное. Посмотрите.

По колено в воде он прошлепал на другую сторону машины и сделал знак рукой, чтобы Пелхэм следовал за ним.

В боковой стене корпуса зияла почти метровая зазубренная дыра, через которую можно было заглянуть в кабину пилота, вернее, в то, что от нее осталось.

Сапер включил карманный фонарик и направил его на разбитую приборную доску и обугленный каркас пилотского кресла.

— Взгляните туда.

Лишь через несколько секунд Пелхэм понял, что имел в виду сапер. К креслу приклеилась черно-серая блестящая масса, контуры которой смутно напоминали форму человеческого тела. Пелхэм с любопытством наклонился вперед, взялся рукой за искромсанный край дыры, а другой ощупал сидение.

— Пластмасса, — ошеломленно сказал он. — Это какая-то пластмасса, довольно обугленная, но...

— В «Сикорски» нет ничего пластмассового таких размеров, — сказал сапер.

— Но...

— Кроме того, в момент взрыва сидение было прожжено, — невозмутимо продолжал он, — а это значит, что в тот момент в кресле находилось именно то, что вы видите.

— Да вы сошли с ума, — слабо сказал Пелхэм.

— Хотел бы я, чтобы это было именно так, майор, но, к сожалению, факты говорят за себя. Кроме того, есть еще кое-что!

— Что?

Сапер молча полез в карман куртки и вытащил прозрачный пластиковый комочек.

— Вот это я нашел в грязи рядом с воронкой.

Пелхэм взял комочек в руки. Это был мешочек, в котором находился предмет, неприятно напоминающий человеческий палец, но из пластмассы.

— Невозможно, — сказал он. — То, что я думаю, совершенно невозможно...

Он хотел что-то добавить, но в этот момент с противоположного края воронки раздался громкий вскрик. Пелхэм повернулся, небрежно сунул мешочек в карман и торопливо пошел вокруг обломков.

Полдюжины солдат столпились вокруг темного бесформенного тела, наполовину высывающегося из воды.

Пелхэм отогнал людей в сторону и опустился на колени рядом с находкой.

— Откуда это? — спросил он.

— Оно лежало в воде, — ответил солдат, — рядом с берегом. Должно быть, выбросило при падении.

Но Пелхэм едва слышал эти слова. Он включил фонарь и направил луч света на изуродованную штуку. Увиденное заставило его на секунду усомниться в своем здравом уме. Сначала у него возникло впечатление, что он стоит на коленях перед пустым пальто, которое сперва кто-то основательно прожиг, а потом набил бумагой и мусором, но он быстро понял, что это не так. В одежду были всунуты останки человеческого тела, точнее сказать, лишь половина его. Голова и плечи исчезли. Останки начинались с груди. Но туловище было пустым. Кожа обгорела и обуглилась, была вся пронизана дырами и зазубренными трещинами.

— Кукла! — изумленно выдохнул майор.

То, что лежало перед ним, было обгоревшей человекообразной куклой.

Внезапно он снова подумал о расплавленной серой массе на сидении пилота и почувствовал, как ледяная рука коснулась его шеи и медленно скользнула по спине.

Он поднялся, испуганно помотал головой и инстинктивно отступил на несколько шагов от ужасной находки.

Он не заметил еле видимые серые пятна, оставшиеся на кончиках пальцев, которыми он прикоснулся к кукле...

21

Майк внезапно остановился и предостерегающе поднял руку.

— Выключите свет!

Ленден повиновался.

Бледный луч фонарика погас, и над ними, как черная волна, сомкнулась темнота. Бульканье и журчание воды у ног, казалось, стало громче, а с темнотой из углов и укромных местечек сознания выползли тревоги и беспричинные страхи. Фантазия лживо уверяла широко раскрытые глаза в том, чего здесь не было, наполняя абсолютную темноту впереди движением и бестелесной угрожающей жизнью.

Майк внезапно почувствовал, что больше не получает воздуха. Он слышал, как рядом с ним беспокойно шевелится Ленден. Его дыхание было быстрым и нервным — Ленден чувствовал то же самое.

— Впереди что-то есть, — пробормотал Майк.

Он старался говорить как можно тише, но выпуклые каменные стены, казалось, подхватывали его слова и многократным отраженным эхом бросали через проход. Впереди раздался какой-то звук — нечто вроде шагов и шороха, словно по земле тащили тяжелое тело.

Майк невольно нащупал пистолет. Его тяжесть и холод металла придали чувство обманчивой уверенности. Пальцы наткнулись на узкие, изъеденные ржавчиной металлические перила, ведущие под прямым углом через канал.

— Пошли, — прошептал Майк. — Они на другой стороне.

Он осторожно поставил ногу на узкий, скользкий мостик, крепко уцепился левой рукой за поручень, потом целиком встал на мостик.

Майк чувствовал, что они уже очень близко подошли к чудовищам.

Прошло немного времени с тех пор, как они проникли в подземный переход, но творения Хирлета были заняты Теракисом и едва ли рассчитывали, что их могут преследовать.

Шаг за шагом, Майк ощупью пробирался по мостику и, наконец, достиг противоположной стороны. Металлическая конструкция под ногами задрожала, когда Ленден тоже начал переходить через канал.

Майк терпеливо ждал, когда полицейский окажется рядом с ним, потом на цыпочках двинулся дальше.

Теперь шаги были совсем рядом, а через некоторое время он услышал и голос.

— Все готово?

Голос показался Майку смутно знакомым, но был так искажен сбивавшей с толку акустикой, что Майк не мог точно сказать, где уже слышал его.

— Конечно, — ответил другой голос.

На этот раз Майк узнал говорящего. Это был фальшивый полицейский, который ударил его.

— Машина в порядке. Все готово и погружено. Мы можем покинуть город в течение часа.

— Отлично.

Шаги смолкли, и Майк тотчас замер, схватив Лендена за руку.

— Придется изменить первоначальный план, но это ничего. Задержка на несколько дней, только и всего. Мы... Что это?

Майк невольно вздрогнул, услышав последние слова.

Впереди вспыхнула лампа. Яркий луч прорезал темноту, скользнул по сырому камню к их ногам и замер на лице Майка.

— Сматывайся!

Защищаясь от света, Майк поднял руку к глазам и отступил. Бесформенный черный силуэт прыгнул ему навстречу. Майк пригнулся, оттолкнул руку нападающего и одновременно выстрелил.

В тесной штольне выстрел прогремел канонадой. Фигура рванулась от него, отступила, размахивая руками, на два-три шага и ударилась о стену.

— Назад! — закричал Майк.

Он развернулся, яростным движением толкнул Лендена на узкий мостик и еще раз выстрелил в темноту.

Пуля ударилась о стену и с визгом отлетела в сторону.

— Держи! — пронзительно завизжал голос. — Их нельзя упустить!

Одновременно зажглось два-три прожектора, заливая штольню сияющим светом.

Майк вслед за Ленденом рванулся по узкому мостику. Позади стучали шаги преследователей.

Майк остановился, повернулся и выстрелил в тот момент, когда первая кукла ворвалась на мостик. Пуля попала ей в шею. Голова, казалось, растворилась в облаке взорвавшихся обломков пластмассы, упала и, немного прокатившись по мостику, свалилась в воду. Изуродованное тело полетело ей вслед и затонуло.

— Боже мой! — выдохнул Ленден. — Что это?

— Спросите щеголя, бегущего за нами, — нашел в себе силы пошутить Майк, потом серьезно добавил: — Расскажу позже, если, конечно, останемся живы. А сейчас бежим!

Он толкнул Лендена вперед, выстрелил еще раз и бросился вслед за ним.

Выстрел немного задержал преследователей, но через некоторое время их шаги загрохотали по мостику. Уже дюжина серых убийц неслась за ними, а позади появлялись все новые тени. Магазин, должно быть, кишел чудовищами, а те четверо, которых видел Майк, представляли всего лишь их арьергард.

Внезапно перед ними появилась шахта.

Майк остановился и, задыхаясь, произнес:

— Быстро наверх! Я попытаюсь задержать их!

Он выстрелил. Пуля разбила руку передней куклы. Рука разлетелась до локтя, но монстр неумоимо мчался дальше, размахивая обрубок, как дубиной.

Майк снова выстрелил. На этот раз сила удара отбросила чудовище назад. На какой-то момент проход превратился в невероятную «кучу малу» из рук, ног, голов и тел. Один из монстров упал в воду и поток утащил его в темноту.

Ленден быстро карабкался по ступенькам. Майк еще раз выстрелил и стал подниматься за ним.

Серая нечеловеческая рука схватила его за каблук. Отчаянным усилием Майку удалось вырваться, и он полез еще быстрее. Внизу раздался яростный многоголосый ой.

Шахта казалась бесконечной.

Ленден карабкался вверх как можно быстрее. Майк старался не отставать от него. Но несмотря на все усилия, им казалось, что они не двигаются с места.

Глянув вниз, Майк удвоил усилия. Куклы были совсем рядом. Самая верхняя находилась всего лишь в полутора метрах и карабкалась с упорством машины, не знающей усталости.

Наконец, после целой вечности подъема, Ленден достиг края шахты и подхватил Майка под локоть.

Оказавшись наверху, задыхаясь от усталости, они начали закрывать крышку, вес которой был около центнера. Крышка двигалась томительно медленно.

Серые, когтистые, искривленные кисти рук появились над краем шахты, царапая и кроша твердый бетон.

— О, боже! — закричали два полицейских, которые в этот момент вошли в помещение, вне себя от увиденного. — Что это?

— Не отвлекайтесь! — прорычал Майк. — Лучше помогите!

Полицейские ухватились дрожащими руками за крышку и потянули изо всех сил.

Медленно, миллиметр за миллиметром, поднималась чугунная плита. В прямоугольном отверстии шахты появились безволосые черепа.

Ленден, подстегиваемый ужасом, изо всей силы навалился на крышку. Та пошла быстрее, на какой-то миг стала вертикально, а затем с чудовищной силой пошла вниз, хлопнувшись с громовым звуком, раздробив появившиеся головы.

Из закрытой шахты раздался смутный шорох и треск, напоминавший падение тяжелых тел. Через секунду-другую все стихло.

— Боже мой, — прохрипел Ленден, — едва успели. — Сглотнув слюну, он обменялся беспомощным взглядом со своими людьми, затем повернулся к Майку. — Что это было?

Майк медлил с ответом. Дыхание было тяжелым и прерывистым, сердце стучало так, что даже ныло от боли. Ему еще было трудно осознать, что им чудом удалось избежать ужасной смерти.

— Кажется, это были не люди, — уклончиво ответил он.

— Это я заметил, — пронзительно рассмеялся Ленден. — Но кто же тогда они? Роботы?

Это слово было произнесено так обыденно, словно роботы уже стали нормой в повседневной жизни.

— Да, — кивнул Майк. — Хотя это не роботы в обычном смысле слова, но вы недалеко от истины.

Один из полицейских поднял оторванный палец.

— Это палец монстра?

— Кажется, — снова кивнул Майк, — но не будем терять времени. Выйти они не смогут. — Он встал, шагнул к двери, но резко остановился, когда что-то пришло ему в голову. — Вы можете связаться со своей конторой? — спросил он Лендена.

— Я уже подумывал об этом, — кивнул констебль.

— Тогда давайте. Нужно перекрыть выход из канала и спустить вниз людей с тяжелым оружием, лучше с огнеметами.

Ленден отстегнул от пояса передатчик и нажал кнопку вызова. На торцевой стороне прибора зажглась красная лампочка, но динамик остался безмолвным. Ленден сделал еще одну попытку, затем пожал плечами и повесил рацию на пояс.

— Вероятно, вокруг нас слишком много металла, — предположил он. — Я не могу пробиться, но мы попытаемся связаться из патрульной машины. — Он встал и взглянул на своих подчиненных. — Останетесь здесь охранять шахту. Но не тешьте себя мыслью поиграть в героев. Если услышите подозрительный шум или что-то еще — поднимайте тревогу и исчезайте. Ясно?

Полицейские кивнули и поспешно встали на пост у захлопнутого люка шахты. Они выглядели бледными и, казалось, находились не в своей тарелке.

— Идемте, Гюнтер, — поторопил Ленден. — Поднимемся наверх.

Они покинули котельную.

Еще одного полицейского Ленден поставил перед дверью и торопливо последовал за Майком к лестнице.

Дверь на дальнем конце лестницы была приоткрыта. Когда Майк поставил ногу на нижнюю ступеньку, дверь распахнулась и в проеме показался мужчина в черном зимнем пальто.

Майк отскочил назад.

— Хирлет?!

— Совершенно верно, мистер Гюнтер, — рассмеялся Хирлет. — Как приятно снова увидеть вас.

Он закрыл дверь на ключ и начал спускаться по шатающейся лестнице. В руке он держал черный короткоствольный автоматический пистолет, дуло которого колебалось между Майком и Ленденом.

Майк даже не пробовал выхватить свой «люггер». В узкой лестничной шахте Хирлет мог вообще не целиться. Достаточно было бы просто стрелять.

— Как вы попали сюда?

— Сверху, — спокойно ответил Хирлет. — Я позволил себе прятаться все это время.

— Но вертолет...

— Это был маленький искусный приемчик, чтобы отделаться от вашей очаровательной провожатой и докучливого инспектора. Согласен, что я недооценил вас, мистер Гюнтер. Вы не должны были обнаружить шахту так быстро, но этого уже не изменишь. — Он грозно повел пистолетом и, спустившись, встал перед Майком и Ленденом, настороженно глядя на них.

— Вам следует поторопиться, если хотите убраться отсюда, — спокойно сказал Ленден. — Здание оцеплено и кишит моими людьми.

— Вроде бы у меня есть два недурных задержанных, то есть заложника, — рассмеялся Хирлет. — Кроме того, у меня есть парочка союзников, которые помогут мне выйти отсюда. А теперь...

Ленден сделал шаг в сторону, выбил оружие из рук Хирлета и одновременно нанес ему резкий удар ребром ладони по горлу.

Хирлет вскрикнул, отшатнулся и оперся о стену разбитыми пальцами. Он застонал, царапая ногтями бетонную стену и медленно сползая на пол.

Ленден невозмутимо нагнулся, поднял пистолет и бросил на Хирлета сумрачный взгляд.

— Может, нам лучше побеседовать с вами на эту тему в спокойной обстановке? — спросил он.

— Я тоже так думаю, — раздался голос позади него.

Майк и Ленден обернулись одновременно.

Позади них стоял Хирлет!

И пока они ошеломленно рассматривали его, справа и слева открылись двери и в коридоре появились пять Хирлетов с пистолетами в руках и приветливыми улыбками на толстых губах.

22

В течение последних тридцати минут Мюррей то и дело поглядывал на часы.

Вертолет летел на восток. Глухой гул ротора наполнял кабину, делая беседу почти невозможной. Монотонный шум убаюкивал.

— Сколько еще лететь? — со злостью спросил Мюррей.

— Путь сюда казался мне короче.

Дамона разобрала только отрывки слов, но знала, о чем он думает. Ее тоже переполняло нетерпение. Она устала, но понимала, что испытания еще не окончены, и она может позволить себе расслабиться лишь после того, как Майк и Теракис будут рядом.

Ужас происходящего только сейчас начал доходить до нее по-настоящему. Раз Хирлет пустил их по ложному следу, то, естественно, у него есть определенная цель.

Смутное, неясное предчувствие охватило Дамону. Изогнувшись в кресле, насколько позволял предохранительный ремень, она обратилась к Мюррею:

— Можем ли мы отсюда поговорить с группой в магазине? Мюррей покачал головой.

— Непосредственно — нет, — проревел он. — Я могу связаться по радио с Товером в Лондоне, который позвонит в полицию. Но я против этого — слишком много ушей. Мы скоро прибудем. Я не знаю только одного — когда этот парень приземлится! — Он мотнул головой на кабину пилота и расстегнул ремень безопасности.

Когда он вернулся, между его бровями появились сердитые складки.

— Это продлится еще некоторое время, — раздраженно буркнул он. — По какой-то причине мы не получили разрешения на посадку. Вероятно, аэродромы перегружены.

— Разрешение с земли? — вмешался Мандрейк. — Это пилот сказал вам такую чушь?

— Как так — чушь?

— Это военная машина, инспектор, — терпеливо объяснил Мандрейк. — Она не нуждается в разрешении с земли. А обычному воздушному сообщению мы не причиняем особых хлопот, поэтому нам не предоставляют специальных полей для посадки. Вертолет может сесть даже на крышу мельницы, если в этом есть необходимость.

Мюррей мгновение помолчал. Он был сбит с толку.

— Как я об этом не догадался? — Он хотел вскочить с кресла, но в этот момент в динамике на потолке раздался громкий щелчок.

— Вы правы, инспектор, — произнес голос пилота. — Я очень удивлен, что вы не дошли до этого раньше. А теперь оставайтесь на местах и ждите, что будет дальше.

Мюррей что-то проворчал и вскочил с кресла.

Вертолет сделал скачок, лег на бок и тут же принял прежнее положение. Ноги Мюррея подвернулись, и он беззвучно скатился на пол.

— Это было предупреждение, — раздался голос из динамика. — В следующий раз я закручусь волчком. Можете понять, что с вами тогда произойдет. Сидите спокойно!

Мюррей поспешно вернулся на место и застегнул ремень.

— Как только окажемся внизу, я собственноручно сверну парню шею, — пообещал он.

В динамике раздался kloкочущий смех.

— Я понимаю ваши чувства, инспектор, но едва ли вы чего-то добьетесь.

— Что это значит? — взорвался Мюррей. — Я требую объяснений!

Динамик молчал.

— Хирлет, — пробормотала Дамона.

— Как?

— Это единственное объяснение. Нас похитили. И ты трижды мог сообразить, кто за всем этим стоит.

— Но это значит, что Арлингтон — его вотчина!

— Не обязательно. Пара специалистов на нужных местах... Он не случайно заманил нас именно туда.

Арлингтон был не простым аэропортом. Это был стратегический опорный пункт, оснащенный современным оружием и средствами массового уничтожения, которыми снабжался английский воздушный флот. И такой пункт в руках безумного преступника!

Шум винтов над головой изменился — машина начала снижаться.

Поскольку в кабине не было иллюминаторов, они понятия не имели, где находятся. Но через плексигласовый колпак им удалось заметить темную, матово поблескивающую ленту Темзы.

— Мы летим где-то в районе порта, — заметил Мюррей, со злостью глядя на перегородку пилотской кабины. — Как только приземлимся, схватим его.

Но им не суждено было это осуществить.

Машина неожиданно дрогнула и с грохотом провалилась вниз. Мюррея, Дамону и Мандрейку вжало в кресла, потом резко бросило на ремни. Что-то упало.

Дамона растегнула ремень и с трудом поднялась на ноги. Пол еще колебался несмотря на то, что машина села и гул ротора смолк.

Распахнулась дверь. В машину вскочили четыре темные фигуры.

Мюррей вскочил и потянулся за пистолетом, но Дамона сдержала его порыв.

— Не надо, Бен. Это бессмысленно.

Их схватили и вытащили из вертолета. Ветер и холод тут же парализовал их. Пол под ногами был скользким, влажным и гудел при каждом шаге. Они находились на судне — глубоко сидящей в воде барже, пришвартованной возле берега.

Вертолет приземлился на закрытые крышки бункера в первой трети судна.

Их быстро погнали к светлой надстройке на корме, но Дамона успела разглядеть местность вокруг баржи.

Должно быть, они находились в старой части порта, так как гаражи и ангары, склады и пакгаузы вокруг были темны и безжизненны. Каменная набережная, к которой крепились лодки, полуобвалившаяся, испещренная трещинами, служила превосходным убежищем.

Грубый толчок швырнул Дамону через дверь внутри пристройки. Споткнувшись и пролетев пару ступенек, она ударилась о стену и оглянулась.

Мюррей и Мандрейк вошли тем же способом. Дверь закрылась, они услышали, как задвигается засов.

Мюррей в два прыжка преодолел лестницу и задергал ручку. Дверь подалась только на несколько миллиметров — она была заблокирована снаружи. Мюррей заколотил в нее кулаками.

— Перестань, Бен, — сказала Дамона.

Мюррей нанес еще один яростный удар и, скорчив гримасу, спустился вниз.

— И что теперь? — буркнул он.

Дамона пожала плечами.

— Мы попались, по крайней мере, в настоящее время, — равнодушно сказала она.

— Действительно? — съязвил Мюррей. — А я-то удивляюсь, как быстро изменилось взлетное поле.

Глухой щелчок проник через закрытую дверь, поднялся в течение нескольких секунд до резкого свиста и стих. Судно качнулось.

— Это вертолет, — сказал Мандрейк. — Кажется, они чертовски спешат.

— Во всяком случае, мы не единственные, кому выпал сегодня неприятный сюрприз, — злорадно усмехаясь, сказал Мюррей. — Жаль, что я не смогу присутствовать при том, как этот опереточный генерал будет заносить вторую машину в список потерь.

Дамона начала беспокоиться, расхаживая по крошечной камере из угла в угол. Помещение было квадратным, со сторонами в десяток шагов, и таким низким, что ей приходилось хо-

доть пригнувшись, чтобы не удариться головой. На боковой стороне находилась низкая, округлая дверь, но она была закрыта и даже не шелохнулась, когда Дамона подергала ручку.

— Нам нужно какое-нибудь оружие, — проворчал Мюррей. — Рано или поздно за нами придут. Мне очень хочется встретить наших хозяев надлежащим образом.

— А ваш пистолет? — напомнил Мандрейк.

— Разряжен.

— Запасная обойма?

— У меня нет привычки таскать с собой арсенал, — огрызнулся Мюррей. — Кроме того...

Он замолчал и глянул на низкую дверь в боковой стене. Раздался тихий, скребущийся звук.

— Сейчас придут, — прошептал Мюррей.

Он мгновенно пересек помещение, встал возле двери и кивнул Мандрейку, чтобы тот занял место по другую сторону, затем вытащил пистолет и взял его за ствол.

В двери повернулся ключ.

Дамона замерла, но никто не появился.

— Это походит на приглашение, — через некоторое время заметил Мандрейк.

Он оторвался от стены, схватил ручку и яростно рванул ее вниз.

На этот раз дверь открылась без особого труда. За ней находилась большая, уютно обставленная каюта с обшитыми деревом стенами, изогнутым белым потолком и толстым ковром на полу. Через два круглых иллюминатора в южной стене проникал свет.

Мандрейк, помедлив, вошел. За ним последовали Дамона и Мюррей, все еще судорожно сжимавший пистолет. Он был явно разочарован, не встретив противника, которого можно было ударить по голове.

— Пожалуйста, господа, подходите ближе! — раздался голос.

Дамона испуганно оглянулась. Каюта была пустой, но рядом с дверью она обнаружила маленький динамик, а возле него видеокамеру. Но испугалась она не этого — Дамона узнала голос.

— Хирлет! — прошептала она.

— Совершенно верно, мисс Кинг. Рад, что вы не забыли меня. Извините, пожалуйста, за обстановку, в которой я вынужден вас принимать, но ничего другого у меня нет.

— Что вы хотите от нас?

— Об этом вы тоже узнаете, — насмешливо сказал Хирлет. — Присаживайтесь поудобнее. Закуску найдете в маленьком шкафчике на стене. Я о вас позабочусь.

Тихий щелчок возвестил об окончании разговора.

Дамона решительно отвернулась.

Мюррей стоял рядом с ней и с мрачной миной следил за коротким разговором, в то время как Мандрейк, явно склонный к практике, уже начал исследовать иллюминатор.

— Бессмысленно, — яростно пробормотал пилот. — Он заклепан.

— Мы могли бы его разбить, — предложил Мюррей.

Мандрейк рассмеялся.

— Вряд ли, инспектор. Я уверен, что мистер Хирлет будет со спокойной душой следить за нами. Кроме того, стекло сантиметров пять толщины. — Он со вздохом разочарования опустился на койку. — Подождем.

— Подождем? — возмутился Мюррей. — Чего ждать?

Почти в тот же момент, будто эти слова явились сигналом, дверь, через которую они вошли, открылась во второй раз.

Двое созданий Хирлета бросили в помещение безжизненного человека и закрыли дверь, прежде чем на них удалось напасть. Дамона и Мюррей опустились на колени перед вновь прибывшим.

— Теракис! — изумленно воскликнул Мюррей.

23

Лучше не пытайтесь, — спокойно сказал Хирлет, один из девяти совершенно одинаковых Хирлетов, которые к тому времени вошли в узкий коридор. — К сожалению, я не могу вас убить, мистер Гюнтер. Вы нам еще нужны.

Майк безвольно опустил руки. Сопротивление действительно было бессмысленным. Даже одна кукла монстр сильнее человека, против девяти же чудовищ у них не было ни единого шанса. Он бросил на Лендена предупреждающий взгляд и медленно отступил по проходу, образованному монстрами.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Ленден.

— Этого и не нужно, мистер Ленден, — Хирлет, которого они встретили на лестнице, был чем-то вроде оратора группы. — Вы будете своевременно информированы обо всем, что должны знать. В конце концов, я просто не люблю, когда мои сотрудники блуждают в потемках.

— Ваши сотрудники? — переспросил Ленден.

— Ну, конечно же, мистер Ленден. Через несколько дней вы станете моим вернейшим союзником.

— Вы спятили?

— Спросите мистера Гюнтера, — сказал Хирлет. — Он объяснит вам, что я имею в виду. Или посмотрите на его руки, особенно на правую.

Ленден невольно повернул голову и уставился на руки Майка.

В ярком свете, падавшем с потолка, был отчетливо виден матово-серый цвет рук.

Майк тоже взглянул на свои руки и содрогнулся. Смерть уже сидела в нем, как медленно действующий яд. Его кожа начала становиться пластмассой. Он знал, что ничего нельзя поделаться. Он превращался в куклу.

Казалось, Хирлет прочитал его мысли.

— Самое большое, два дня, мистер Гюнтер, — дружелюбно сказал он. — До тех пор я позабочусь, чтобы вы не причинили еще большего вреда, чем прежде. Но вам не стоит бояться, это безболезненный процесс.

— Вы чудовище! — выдохнул Ленден.

В какой-то момент показалось, что он готов броситься на этого монстра, но он только отступил, сжав кулаки.

— Почему чудовище? — спросил Хирлет. — Может быть, вы неправильно поняли ситуацию, мистер Ленден, но я и впредь не причиню вам ни малейшего вреда. Вы не умрете, если боитесь этого. Вы будете жить и дальше, будете продолжать мыслить и останетесь господином самому себе, правда, с определенными ограничениями.

— Но эти куклы...

— А, это! — презрительно махнул рукой Хирлет. — Этим можете не обманываться. Мои слуги принадлежат к первому поколению. Должен признаться, мне потребовалось несколько лет, чтобы довести технику до совершенства. То, что произойдет с вами и мистером Гюнтером, конечный продукт многолетних исследований и многих неудач.

— Но это же действительно куклы? — недоверчиво спросил Майк. — Не люди, которые...

— Нет, не люди, — перебил его Хирлет. — По крайней мере, не совсем. Эти куклы — машины, если хотите. Только управляются они не через какое-то техническое приспособление, а благодаря логическим силам. Но вы все равно бы не поняли этого. Метод оказался слишком затруднительным. Вы очень легко все узнали...

Майк свирепо кивнул.

— К сожалению. мы не всех поймали.

— Но большинство. Должен сказать, что вы нанесли мне тяжелый удар, когда сожгли мой склад, хотя и не такой тяжелый, как вы считаете. Осталось еще достаточно, моя армия растет с каждым мгновением. И мне для этого не надо ничего делать.

Майк поднял руки и несколько секунд пристально всматривался в серые пятна на коже. Они заметно увеличились с тех пор, когда он видел их в последний раз.

— Ваше подозрение правильно, — продолжал Хирлет. — Вы не единственный. Имеется уже дюжина зараженных, и с каждым часом их становится все больше. Достаточно одного прикосновения, и ничто не остановит процесс. Уже через несколько дней я буду располагать непобедимой армией, мистер Гюнтер.

— А потом? — спросил Майк. — Вы хотите объявить войну правительству?

— Не будьте смешным, мистер Гюнтер, — фыркнул Хирлет. — Мы и дальше будем действовать в тайне — время для крупных акций еще не настало, но оно придет. Кроме того, можете не верить, но я принципиальный противник насилия, если его можно избежать.

Майк поверил Хирлету. Он ясно представил себе план, в котором совсем не обязательно применять насилие. Хирлету остается лишь обработать людей на всех влиятельных постах.

— А теперь, — сказал Хирлет, — пожалуйста за мной.

— Куда?

— Я доставлю вас в такое место, где вы, прежде всего, будете в безопасности.

— В безопасности? — изумился Ленден. — В безопасности от кого?

Вместо ответа Хирлет внезапно шагнул вперед и грубо стиснул рукой затылок Лендена.

Ленден вскрикнул и отбил его руку.

— Только для того, чтобы спокойно идти, — усмехнулся Хирлет. — Теперь идемте.

Ленден не шевельнулся. Он растерянно уставился сначала на Хирлета, потом на серые пятна на руке Майка и снова на Хирлета. Потом поднял руку, ощупал затылок и осмотрел

кончики пальцев, словно уже сейчас боялся заметить какие-нибудь изменения.

Хирлет толкнул Лендена в бок и коротким повелительным жестом поднял руку.

Его немые двойники повели Майка и Лендена по коридору. Перед дверью в котельную они остановились.

Майк в поисках помощи посмотрел на стоящих на посту полицейских, но в их глазах был холод, а на губах играла злая усмешка. Майк с бешенством подумал, что, конечно, оба полицейских принадлежат к тварям Хирлета, так же, как, вероятно, и управляющий.

Хирлет поставил им гигантскую ловушку, и они, ничего не подозревая, попали в нее.

Они вошли в котельную. Крышка люка была уже открыта, рядом с нею и позади заняла позицию дюжина серых, нагих существ-чудовищ.

Хирлет приглашающим жестом указал на открытую шахту.

— Пожалуйста. Вы же знаете дорогу.

— Куда вы нас ведете? — спросил Майк.

— В безопасное место, мистер Гюнтер, — нетерпеливо ответил Хирлет. — Там вы будете не одни. Кое-кто, очень близкий вам, уже ждет вас.

— Кое-кто... — Майк ужаснулся. — Дамона!

— Боюсь, что мисс Кинг не смогла отказаться от моего приглашения, — кивнул Хирлет. — А теперь идемте!

Майк наклонился, поставил ногу на верхнюю перекладину и начал медленно спускаться в шахту.

24

Уже занялось утро, Когда майор Пелхэм въехал во главе колонны грузовиков с невыспавшимися солдатами в широкие ворота военной базы. Он приказал остановиться, наклонился через окно, показал часовому удостоверение и особый приказ генерала Джоргера..

Часовой тщательно проверил документы, хотя знал Пелхэма и его людей уже несколько лет и со многими дружил. Но в Арлингтоне строго господствовал устав, особенно с тех пор, как был украден вертолет.

Часовой тщательно осмотрел документы, колонна въехала на длинное, блестящее от дождя поле и разъехалась, так как людей нужно было доставить к казармам. Осталась только машина майора и два грузовика, в кузовах которых под удвоенной и вооруженной до зубов охраной лежали таинственные остатки куклы и пилотское кресло с «Сикорски», которое Пелхэм приказал саперам вырезать на скорую руку. Остов вертолета и другие обломки будут укрыты в течение дня колонной, которая сменила Пелхэма и его людей.

Майор приказал водителю подъехать прямо к штабному бараку. Машина сделала резкий поворот и промчалась поперек бетонной полосы.

Несмотря на ранний час, в узких окнах уже, или еще, горел свет. Джоргер должен был ожидать майора с нетерпением, ведь эти обломки были первым следом пропавшего вертолета.

Пелхэм откинулся на спинку и дрожащими пальцами зажег сигарету. Хотя он и не имел особого желания курить, было необходимо чем-то занять руки. Он мысленно повторил слова, которые приготовил. Некоторые подробности он уже сообщил Джоргеру по радио, но, хотя считалось, что их волна защищена от подслушивания, Пелхэм не доверился радиосвязи.

Дверь барака была открыта, когда они остановились. Генерал Джоргер вышел вслед за своим адъютантом.

Пелхэм погасил в пепельнице едва прикуренную сигарету, открыл дверцу машины, спрыгнул на землю, небрежно козырнул и без лишних слов направился ко второму грузовику.

— Ну, — спросил Джоргер, — что вы нашли?

Пелхэм сделал знак солдатам откинуть брезент и убираться.

— Посмотрите сами, — сказал он, забрался в кузов и протянул Джоргеру руку, предлагая помощь.

Проигнорировав предложение, генерал подтянулся наверх почти так же элегантно, как Пелхэм, и с той же быстротой.

Майор указал на почерневший, обугленный металлический обломок. Даже специалисту было бы трудно определить, чем это являлось раньше. Но в этом не было нужды. То, что хотел сказать Пелхэм, Джоргер увидел с первого взгляда. Металл должен был подвергнуться невообразимому нагреву. Почти сантиметровая сталь, достаточно массивная, чтобы противостоять снаряду, была изогнута и прожжена, застыв причудливыми каплями. Сталь на долю секунды, должно быть, сделалась мягкой, как масло.

Пелхэм не мог подавить злорадную усмешку, когда увидел выражение лица Джоргера. Он живо представил, что происходит в голове генерала.

За исключением ядерного взрыва, не существует оружия, которое могло бы принести столь ужасные разрушения, тем более, специально закаленной стали, из которой был корпус.

Джоргер молчал целую минуту.

— Я понимаю, почему вы не упомянули о подробностях по радио, — пробормотал он. — Вы были правы, майор. Есть что-нибудь еще?

— К сожалению, да.

Пелхэм показал на продолговатый черный предмет рядом с обломком и отошел, чтобы дать Джоргеру возможность свободно рассмотреть его.

Генерал, казалось, только сейчас разглядел, о чем идет речь. Он опустился на колени, отбросил тонкими пальцами полуобгоревшие тряпки и пораженно застыл, увидев сожженный торс.

— Это...

— Кукла, — хриплым голосом закончил за него Пелхэм. — Во всяком случае, раньше была куклой. — Он показал на пилотское кресло и подождал, пока Джоргер встанет и повернется к третьей находке. — Здесь сидела еще одна. Я предполагаю, что это серое вещество — все, что осталось от нее. Но это должны выяснить парни из лаборатории.

— Кукла? — недоверчиво спросил генерал. — Ради бога, что все это значит?

Пелхэм печально пожал плечами.

— Я действительно не знаю этого, генерал. Но мы не нашли ни малейших следов экипажа. Если бы эта мысль не была столь сумасшедшей, я бы предположил...

— Оставьте это, — проворчал генерал, — а то я буду вынужден приказать арестовать вас, да и себя, возможно, тоже. — Он нервно рассмеялся, встал и отряхнул брюки. — Весь этот хлам под замок, — приказал он. — Удвоить посты. Сколько ваших людей знают об этом?

— Боюсь, что все. Этого нельзя было избежать. У людей есть глаза и уши.

— Ладно, — свирепо кивнул Джоргер. — Тогда вдолбите каждому в отдельности, что я лично отправлю его хоть на миллион лет в каторжную тюрьму, если он скажет хоть слово.

— Уже сделано, генерал, — рассмеялся Пелхэм. — Что с Мюрреем и его сопровождающими? Они еще здесь?

— Нет, я приказал доставить их в Лондон. Сейчас я свяжусь с этим Мюрреем.

— У меня возникла та же мысль, — сказал Пелхэм. — Мне кажется, он что-то скрыл от нас. Что бы ни сбило ма-

шину, только не молния. А факт с экипажем... Мы, конечно, будем искать дальше, но думаю, ничего не найдем.

Джоргер безмолвно повернулся, прыгнул вниз и подождал, пока Пелхэм присоединится к нему.

Они прошли в штабной барак. Джоргер тотчас бросился к телефону и набрал номер.

Снаружи послышался рев моторов — водители начали разворачивать машины, чтобы отвести их в специально охраняемый ангар на западном конце базы. Обычно туда садили самолеты и военную технику, не предназначенную для глаз широкой общественности. Грузовики и их невероятное содержимое будут находиться там в безопасности.

Пелхэм медленно подошел к окну и выглянул наружу. В нем снова поднялась теплая, убаюкивающая волна усталости, и на этот раз подавить зевок стоило значительных усилий. Он слышал, как Джоргер позади него тихим, возбужденным голосом говорил по телефону, но слова не доходили до его сознания. Пелхэм полез в нагрудный карман и достал пачку сигарет.

На кончиках пальцев виднелись серые пятнышки того же оттенка, что и куклы. Сморщив лоб, Пелхэм потер пальцы, но пятнышки не сходили. Тогда он решил, что смочет их потом растворителем.

Джоргер швырнул трубку на рычаг.

Пелхэм повернулся и удивленно посмотрел на генерала.

— Что-нибудь случилось?

Джоргер кивнул.

— Да, — глухо сказал он. — Мюррей до сих пор не прибыл в Лондон.

— Не прибыл? Но...

— Знаю, что вы хотите сказать, — недовольно перебил его Джоргер. — Машина, которая должна была отвезти его, давно вернулась. Здесь что-то не так. — Несколько мгновений он думал, потом снова начал набирать номер. — У меня в лондонском аэропорту есть хороший приятель, — сказал он. — Он сообщит мне, садилась там военная машина или нет.

— Вы думаете, она не прилетела?

— Чепуха! Я думаю, что нас пытаются надуть. Мюррей что-то знает, а кто-то не хочет, чтобы мы с ним переговорили. Если я смогу сообщить этим идиотам в Скотланд-Ярде

точное время и место прибытия Мюррея, они не смогут отрицать, что он там.

Джоргера связали с абонентом, и он заговорил тихим, то-ропливым голосом, затем некоторое время подождал и, прикрыв ладонью микрофон, сказал:

— Знаете, Пелхэм, с самого начала мне в этом деле кое-что казалось нечистым. Маленький полицейский вертолет сбил вооруженный до зубов «Сикорски»... Ха!

— Капрал Стоун подумал о лазерном луче, когда заметил обугленные пятна, — нерешительно сказал Пелхэм.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Джоргер. — Сейчас все возможно. По крайней мере, это было бы объяснение без всякой таинственности. — Он замолчал, несколько секунд внимательно слушал, затем спросил: — Вы абсолютно уверены?

Его лицо помрачнело, когда он выслушал ответ. Некоторое время он оцепенело смотрел перед собой, затем выдавил еле слышное: «спасибо» и медленно положил трубку на рычаг.

— Что? — спросил Пелхэм.

— Мюррей действительно не прилетел.

— Вы уверены? Его могли направить на другой аэродром или куда-нибудь еще.

— Это мы выясним. — Джоргер громко вздохнул, яростно обошел письменный стол, прогрохотал через канцелярию и рванул дверь.

— Темпс! — проревел он. — Ко мне!

Адъютант появился в дверях.

— Да, генерал?

— Где Рэнсом?

— Я думаю, в казарме, — ответил Темпс.

— Я хочу знать не то, что вы думаете, а где он! — прошипел Джоргер. — Вызовите его сюда вместе с экипажем. Живо!.. Хотя погодите, лучше мы сами отправимся туда. Машина стоит снаружи?

— Так точно!

— Хорошо, тогда едем. Пелхэм, позвоните дежурному и прикажите прислать к барaku шесть человек. Быстро!

Пелхэм повиновался, хотя смысл приказа еще не дошел до его сознания. Джоргер уже нетерпеливо ждал в машине,

когда майор выскочил из барака. Пелхэм прыгнул на сидение рядом с генералом, и Темпс рванул машину с места.

— Боже мой, как я не подумал об этом раньше?! — пробормотал Джоргер.

— О чем?

— О чем? — рассмеялся Джоргер. — Я все это время предполагал, но у меня не было доказательств. Те, кто украл машину, должны были иметь друзей на базе.

— Не думаете ли вы о Рэнсоне? — усмехнулся Пелхэм.

— А почему бы и нет? Кто лучше всех знаком с полетными графиками и условиями охраны, чем наши собственные пилоты?

— Но ведь нет доказательств!

— Он мне солгал и изменил послеполетный доклад. По его словам, он совершил посадку на аэродроме.

— Вы думаете, что, похитив троих, он со спокойной совестью вернулся бы сюда? — с сомнением спросил Пелхэм. — Это было бы идиотизмом в кубе!

— Не обязательно. Кроме того, каждый когда-нибудь совершает ошибку, даже мудрец.

Визжа покрывками, «джип» свернул за угол и остановился перед низким бараком. С противоположного конца улочки приближалась другая машина, наполненная солдатами, на казках которых блестели белые полосы военной полиции.

Джоргер выпрыгнул из машины и приказал всем следовать за ним. Ворвавшись в барак, он проревел:

— Рэнсом! Лейтенант Рэнсом!

С дальней койки поднялся заспанный, одетый в пижаму человек. Это был Рэнсом.

Пелхэм отметил, что в мутном освещении барака кожа лейтенанта казалась бледной, почти серой.

Все остальное произошло чудовищно быстро.

Джоргер был прав в своей догадке. Рэнсом действительно принадлежал к противной стороне.

Лейтенант понял, что его игра проиграна, увидев перед собой генерала и людей из военной полиции. Не проронив ни слова, он наклонился над своей портупеей, выхватил пистолет и всадил пулю в грудь Джоргера.

25

Снова была резкая, ослепляющая боль, которая поднималась в ней без предупреждения и невидимой рукой сжимала внутренности.

Дамона застонала: судорожно глотнула воздух и скорчилась. На какое-то мгновение она ослепла. Перед глазами заиграла гамма мерцающих красок, пронизанных красными пульсирующими линиями. Потом боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

Еще несколько секунд Дамона, задыхаясь, сидела на корточках, затем поднялась, и это движение стоило ей громадных усилий. Казалось, короткий припадок израсходовал все ее силы.

— Ради бога, Дамона, что случилось?

Кто-то тронул ее за плечо, и она увидела, что все это время Мюррей заботливо поддерживал ее.

Она подняла глаза, попыталась улыбнуться, но замерла, увидев ужас на его лице.

— Что такое?

Мюррей с усилием сглотнул комок в горле.

— Боже мой, Дамона, ты... Твое лицо...

Несколько мгновений Дамона смотрела на него непонимающим взглядом, потом оттолкнула его руку и нерешительно коснулась своего лица кончиками пальцев.

Кожа на ощупь казалась грубой, холодной, неподатливой и застывшей, похожей не на человеческую, а...

Дамона глухо вскрикнула, затравленным, блуждающим взглядом обвела комнату и рванулась к иллюминатору. В отражении стекла она разглядела свое лицо.

Бесконечно долго Дамона стояла без движения и оцепенело смотрела на страшную картину, парализованная, неспособная произнести ни слова.

На ее лице отчетливо проступал отпечаток человеческой руки, серой, пятипалой, которая, как уродливый паук, прошла через подбородок, губы и поднялась дальше, через нос, глаза и лоб. Отпечаток руки Хирлета, который с безжалостной силой изменял человеческую кожу и ткани, превращая их в мертвую пластмассу.

Дамона застонала. На ужасное короткое мгновение она мысленно вернулась назад, к отчаянной борьбе на складе. Рука Хирлета коснулась ее лишь на несколько секунд, и этого мимолетного прикосновения было достаточно, чтобы страшное проклятие глубоко проникло в ее тело.

Кто-то мягко тронул ее за плечо.

Это был Теракис.

Дамона повернулась, некоторое время смотрела ему в глаза, затем попросила, чтобы он осмотрел ее лицо. Когда Теракис хотел коснуться мутировавшей кожи, Дамона оттолкнула его руку.

— Думаете, на вас это не подействует? Легкого прикосновения достаточно, чтобы заразиться.

— Боюсь, что эта судьба, так или иначе, предстоит нам всем, — спокойно ответил Теракис, но все же убрал руку и отошел.

— Вам было больно? — спросил он.

— Да, — кивнула Дамона, — но ненадолго.

— И после этого начались изменения?

— Нет, они начались еще вчера, но я не думала, что все произойдет так быстро.

— Я тоже не думал, — признался Теракис. — Честно говоря, я надеялся, что у нас есть еще несколько дней. Но то,

как это выглядит...Если превращение происходит скачкообразно, я вообще не могу больше ставить диагнозы. Кроме этого, не произошло никаких телесных изменений?

Дамона смутилась.

— Не знаю, — через некоторое время сказала она.

— Не нужно испытывать неловкость, мисс Кинг. Я задаю этот вопрос, как ученый.

— Да, но я ничего не чувствую. Я имею в виду внутреннее состояние.

— Совсем ничего? — Теракис наморщил лоб и принялся рассматривать ее лицо с еще большим интересом. Его взгляд не понравился Дамоне. Он напоминал взгляд человека, который рассматривает кролика, прежде чем свернуть ему шею. — Действительно ничего? Ни чувства холода, ни глухоты, ни онемения органов?

— Совсем ничего, — утвердительно сказала Дамона. — Кожа кажется странной, если дотронуться до нее, но я ничего не чувствую. Только недавняя боль...

— Она была раньше?

— Вчера, но не так сильно.

Теракис задумчиво закусил губу и принялся беспокойно рассказывать по каюте.

— Скачкообразно, — бормотал он. — Странно, очень странно.

— Почему же? — спросила Дамона.

Постепенно она обрела самообладание, но в груди все еще бушевал вулкан чувств и страхов, на которые она старалась не обращать внимания.

— Потому что это противоречит моей теории, — объяснил Теракис. — Видите ли, это совершенно невозможно с научной точки зрения. Процесс не может идти скачкообразно. Это выглядит так, будто что-то в вашем организме противится превращению.

Дамона невольно коснулась каменного «ведьмина сердца», висевшего у нее на груди под блузкой. Магический талисман не шелохнулся, но это ничего не значило.

Она давно уже потеряла надежду управлять «ведьминым сердцем» или хотя бы как-то воздействовать на него. Ей так и не удалось раскрыть его тайну. Она только знала, что та-

лисман обладает огромной магической силой, но действует эта сила совершенно произвольно.

Возможно, Теракис прав. Возможно, и в самом деле ее тело инстинктивно, с помощью этой силы борется со странным превращением, а может быть, «ведьмино сердце» помогает ей так, чтобы она этого не заметила. Но если это соответствует действительности, значит, происходящее представляет величайшую опасность, раз энергия «ведьминого сердца» не может справиться с текущим процессом.

Размышления пробудили в ней смутное предчувствие. В сущности, Дамона знала только одну силу, которая давным-давно была уничтожена...

— Вы лучше постарайтесь найти выход, доктор, — вмешался Мюррей.

— Как же, инспектор? — усмехнулся Теракис. — Не забывайте, что мы в ловушке на этом корабле. Конечно же, Хирлет не предоставит в наше распоряжение лабораторию.

Мюррей хотел ответить резкостью, но передумал и отвернулся, пробормотав что-то невразумительное.

— Простите, инспектор, — буркнул Теракис, — я увлекся. Я... Просто у меня нервы.

— У всех нервы, — сказала Дамона. — Забудем об этом. Мандрейк встал и взглянул на дверь.

— Кто-то идет.

Снаружи слышались тяжелые шаги. В замке звякнул ключ, дверь открылась с легким скрипом.

Дамона испуганно вскрикнула, увидев Майка в сопровождении Хирлета.

Плечи Майка были опущены, но кулаки яростно сжаты. Рядом с ним вышагивали двое рослых людей в черной полицейской форме, а следом за ними в комнату вошли все остальные Хирлеты.

— О, Боже! — выдохнул Мандрейк. — Но ведь это невозможно!

— Как видите, все возможно, — усмехаясь, возразил Хирлет. — А теперь я был бы вам очень обязан, если бы вы все отошли к стене. Хотя мне очень жаль, но должен сказать, что не доверяю вам. — Он дополнил свое требование движением пистолета.

Один из его двойников резко толкнул Майка в бок, заставив его подойти к стене.

— Дамона!

Глаза Майка испуганно округлились, когда он увидел, что произошло с ее лицом. Он подошел к ней, взял ее руки и прижал к своей груди.

— Боже мой, Дамона, я так боялся за тебя!

— Как трогательно, — ухмыльнулся Хирлет. — Надеюсь, вы меня простите, что я буду вынужден прервать ваши приветствия.

Майк в ярости обернулся, но тут же взял себя в руки.

Хирлет усмехнулся, однако, отошел к двери. Его копии заняли место справа и слева от него. Это было удивительное зрелище — перед пленниками стояли десять совершенно одинаковых созданий.

Теракис был первым, кто преодолел удивление.

— Что вы хотите от нас?

— На это легко ответить, доктор — вашего сотрудничества. По крайней мере, согласия на него. Люди на таких ответственных постах всегда мне нужны. Вы увидите, что сотрудничать со мной гораздо выгоднее, чем бороться против меня.

— Никогда! — задохнулся Мюррей.

Хирлет покачал головой.

— Ну, мистер Мюррей, — осуждающе произнес он, — судя по всему, что о вас смогли рассказать мисс Кинг и уважаемый доктор, я считал вас рассудительнее. У вас нет другого выбора, кроме как работать со мной. Мне даже не нужно вас принуждать. Все, что для этого необходимо — время. Время работает против вас. — Он рассмеялся, взглянул в лицо Дамоны и снова посмотрел на Мюррея. — Мисс Кинг может быть, некоторым образом, первой, кто перейдет на мою сторону. У других это продлится немного дольше, возможно, дня два-три. А пока я задержу вас здесь, инспектор.

— Это вам не поможет! — прорычал Мюррей.

Но голос его показал, что он четко сознает, как безвыходно их положение. У них не было ни единого шанса уйти с корабля. Судно кишело тварями Хирлета, а на помощь извне рассчитывать они не могли. Конечно, была бы начата обширная поисковая операция, когда станет известно, что они про-

пали, но даже если их сумеют найти, будет уже слишком поздно.

— Вы здесь в безопасности, — продолжал Хирлет. — Я немало потрудился при выборе штаб-квартиры, и теперь готов показать вам все. Позднее это избавит меня от длительных объяснений. — Он отошел в сторону и сделал приглашающий жест. — Идемте, инспектор, и вы, мисс Кинг. Доктор, вы тоже. Я покажу вам интересные вещи.

Мюррей нерешительно двинулся вперед, за ним последовали Дамона и Теракис.

Дамона напряглась, когда вступила в строй безмолвно стоящих Хирлетов. В голове у нее родился отчаянный план. Возможно, он будет стоять ей жизни, но в данный момент это было ей совершенно безразлично, потому что сейчас она предпочитала быструю смерть долгому превращению в куклу. Ее рука скользнула под блузку и сняла с цепочки «ведьмино сердце».

Подождав, пока окажется рядом с Хирлетом, она отчаянным прыжком рванулась вперед и ударила магическим талисманом его по лицу. Хирлет удивленно вскрикнул и отшатнулся.

Позади Дамоны Майк издал торжествующий вопль и вместе с Мюрреем и двумя полицейскими бросился в борьбу.

Их сопротивление было сломлено почти мгновенно. Монстры подавили его в течение нескольких секунд.

Внезапно Дамона почувствовала себя стиснутой нечеловечески сильными руками и была оттащена от Хирлета. Одна рука легла ей на шею и сильно сдавила. Это было всего лишь предупреждение, но его оказалось достаточно, чтобы она прекратила сопротивляться.

Хирлет с кряхтением поднялся. Тонкая кровавая ниточка тянулась из уголка его рта, куда попал камень, лицо перекошилось от ярости.

— Это было не очень умно с вашей стороны, мисс Кинг, — прошипел он, вытер рукой губу, взглянул на испачканную кровью ладонь и злобным движением вырвал камень из руки Дамоны. — Что это? — прорычал он. — Что-то вроде талисмана? — Он рассмеялся. — Неплохо, это мысль. Действительно, неплохо! Я покажу вам, что делаю с людьми, которые идут против моей воли.

Он повернулся, указал на Мандрейка и сделал знак двум своим людям-тварям. Куклы пришли в движение и схватили пилота.

Мандрейк отчаянно защищался, но был бессилен против нечеловеческой силы кукол.

— Теперь вперед!

26

Секунду Пелхэм стоял без движения и с открытым ртом глядел на дымящееся оружие в руках Рэнсома. Выстрел еще звучал в его ушах. Воздух в маленьком бараке наполнился запахом пороха и тлеющей материи.

Генерал Джоргер издал протяжный жалобный стон и медленно поднял руки. В его груди появилась круглая черная дырка, маленькая и обманчиво безвредная. Рана совершенно не кровоточила. Генерал пошатнулся, испуганно и недоверчиво взглянул на Рэнсома и медленно опустился на колени. Его руки протянулись вперед и судорожно ухватились за спинку кровати.

— Рэнсом, — выдохнул Пелхэм, — что вы...

Хотя он этого ожидал, но не успел среагировать. Рэнсом повернул пистолет и прицелился ему в голову.

Пелхэм отчаянно рванулся в сторону и бросился за спинку кровати. Пуля прошла спинку, ударилась о металлическую раму и рикошетом просвистела мимо.

— Огонь! — заорал Пелхэм.

Он услышал металлические щелчок, когда люди из ВП передернули затворы. Тут же почти одновременно грянуло пять-шесть выстрелов. Пелхэм вскочил на ноги, обернулся и

оцепенел. В первый момент его разум отказался воспринимать эту картину.

Залп поразил Рэнсома. На таком расстоянии невозможно не попасть в человека. В его обнаженной груди появились пять черных рваных дырок. Но Рэнсом не падал. Он покачнулся, ухватился за спинку кровати и медленно поднимал свое оружие. На его лице оставалось все то же спокойное, безразличное выражение.

— Стреляйте! — кричал Пелхэм. — Ради бога, стреляйте же!

У него не было никаких объяснений ужасной картине, представшей перед глазами, но объяснения и не были нужны. Единственное, что он сейчас ощущал — это страх.

Снова прогремел залп.

Выстрелы развернули Рэнсома и швырнули на стену. Его левая рука разлетелась на маленькие серые осколки. Одна пуля попала в лицо, и на этом месте появилась темная, пустая дыра.

— Осторожно, майор!

Голос военного полицейского предостерег его в последний момент. Краешком глаза Пелхэм заметил скользящее движение, инстинктивно прыгнул вперед и в воздухе нанес удар. Второй солдат — человек из экипажа Рэнсома, насколько он успел заметить — обошел кровать и подкрался к нему сзади. Пелхэм отбил кулак этого сумасшедшего, ударил его по колену и одновременно нанес прямой правой в голову.

Но, казалось, это не подействовало на солдата. Он пошатнулся, отступил на полшага и опять кинулся на Пелхэма.

Пелхэм охнул, взгляд его впился в подбородок солдата. То, что он увидел, было настолько невероятным, что ему даже не пришла в голову мысль о защите.

В том месте, куда попал кулак майора, подбородок солдата был расплюсчен и расколот, на губе блестела капелька крови, крови Пелхэма из его разбитых пальцев.

Внезапно перед Пелхэмом встала картина обгорелого торса, который они нашли в обломках.

Рэнсом и остальные не были людьми! Они дрались против кукол, роботов, прекрасно сделанных двойников, занявших место людей!

Пелхэм очнулся от оцепенения лишь тогда, когда руки чудовища схватили его за горло. Он хрипел, отчаянно глотал воздух и, прилагая чудовищное усилие, сумел вырваться из этого смертельного захвата. Позади прогремел выстрел. Серое тело упало рядом с ним и раскололось.

Пелхэм оттолкнул нападавшего, увернулся от мощного удара и бросился к маленькой группке военных полицейских.

Люди отступили к двери и открыли огонь, стреляя вглубь барака.

Постепенно Пелхэм начал понимать, что они попали в дьявольскую ловушку. Не только Рэнсом и его экипаж были куклами, но и весь личный состав этого барака! Тридцать пять человек, которые до сих пор жили неопознанными под масками давно знакомых товарищей.

Пелхэм выхватил пистолет и, не целясь, начал стрелять в эту замаскировавшуюся свору.

У группки людей было лишь несколько секунд, пока монстры не скоординировали свои действия и не бросились всей массой на них. Заградительный огонь их уже не сдерживал.

Объятый ужасом Пелхэм наблюдал, как автоматная очередь попала в одного из монстров. Верхняя часть туловища съехала в сторону и разбилась об пол, в то время как ноги сделали еще один неверный шаг и только тогда остановились, медленно, как отключенная машина.

— Прочь отсюда! — истошным голосом завопил Пелхэм.

Они бросились из барака, преследуемые полдюжиной серых чудовищ.

Пелхэм отскочил на несколько шагов и выстрелил через плечо. Пуля попала в переднюю куклу и отшвырнула ее назад. Преследование на некоторое время застопорилось.

— Задержите их! — крикнул Пелхэм. — Я вызову подкрепление.

Он повернулся, подбежал к машине и сорвал трубку радиотелефона.

Выстрелы не остались незамеченными. Во всех ближайших бараках распахнулись окна и двери, испуганные солдаты выбежали на улицу.

Казалось, прошла вечность, прежде чем ответил дежурный офицер.

— Говорит Пелхэм! — заорал в трубку майор. — Быстро пятьдесят солдат с тяжелым оружием к бараку тридцать семь!

— Но зачем...

— Без вопросов! — рявкнул Пелхэм. — ЧП! Мы подверглись нападению. Джоргер убит!

Он швырнул трубку на рычаг, не дожидаясь ответа. Дежурный отреагирует без лишних вопросов. Пелхэм мог положиться на дисциплину своих подчиненных.

Положение в бараке нормализовалось, насколько это было возможным. Три-четыре разбитые фигуры лежали на пороге — цена, которую заплатили чудовища за попытку выйти из здания. Но ситуация по-прежнему оставалась сложной. Пелхэм сомневался, что сможет удержать монстров под открытым небом с помощью шести человек.

Где-то на другом конце взлетной полосы завывала сирена. Обернувшись, Пелхэм увидел группу маленьких черных точек, несущихся поперек летного поля. Это были люди, которых он вызвал. Дежурный офицер действительно среагировал быстро.

Был немалый элемент удачи в том, что монстры не ринулись в наступление, пока Пелхэм ждал подкрепления. Мысли его неслись по кругу. Все произошло намного быстрее, чем он успел осмыслить.

Фактически, после смерти Джоргера он стал комендантом опорного пункта, по крайней мере, до тех пор, пока не миует кризис.

Пелхэм внезапно почувствовал себя страшно одиноким и беспомощным.

Скрипнув тормозами, позади него остановился «джип». Дюжина солдат выпрыгнула из переполненного кузова и построилась с приготовленным оружием. Позади появились еще несколько машин.

— Окружить барак! — приказал Пелхэм. — Стрелять в каждого, кто выйдет!

Он увидел ужас на лицах солдат и живо представил себе, что происходит с ними.

— Но, сэр, — произнес командовавший ими офицер, — там, внутри, наши товарищи!..

— Может, когда-то так и было, — спокойно ответил Пелхэм. — Но вы не будете стрелять в ваших товарищей, не бес-

покойтесь. Те, что находятся внутри, не являются английскими солдатами. Ни один человек.

Офицер внимательно посмотрел на него и явно посчитал за сумасшедшего.

Пелхэм молча взял его за руку и показал на кучу разбитых обломков перед баракom. Большие куски еще можно было узнать: кисти, ноги и руки, осколки пластикового туловища. Офицер побледнел.

— Великий боже! — простонал он. — Что произошло с парнем?

— Этого я не знаю, — ответил Пелхэм. — Кто-то подменил их точными копиями. Могу лишь надеяться, что они еще живы. Но прежде мы должны уничтожить монстров. Быстро разделите своих людей, лейтенант!

На этот раз солдаты сразу же подчинились. Все слышали слова Пелхэма, и каждый мог видеть разбитую фигуру.

Пелхэм внимательно посмотрел в сторону барака. Со времени неудачной попытки прорыва в здании установилась почти ненормальная тишина. Пелхэм ни секунды не сомневался, что монстры готовят какую-то чертовщину. Они должны были понять, что их маскировка сорвана.

Взгляд Пелхэма недоверчиво скользнул по лицам солдат справа и слева от него.

«Сколько их еще?» — подумал он. Были ли люди внутри барака единственными монстрами в лагере или поражение коснулось кого-то еще? Возможно, заражено уже пол лагеря, возможно, сейчас он командует группой именно таких людей-кукол, которые будут подчиняться ему ровно столько, сколько захочет их хозяин.

— Внимание! — крикнул один из солдат.

Пелхэм вздрогнул и сосредоточил внимание на дверях.

На секунду там показался человек, недоверчиво взглянул на них и снова исчез. Мгновением позже в задней стене барака разбилось окно. Раздалась короткая автоматная очередь, а потом началось светопреставление.

Все стекла в окнах разлетелись вдребезги, и с дюжину кошмарных серых существ вырвались на свободу.

Солдаты открыли огонь, площадь перед баракom превратилась в хаос взрывающихся пластиковых тел и неузнаваемых лохмотьев. Лишь несколько монстров имели оружие, да и те

едва ли успели воспользоваться им. Солдаты встретили их яростной стеной огня, и в первые же секунды больше половины бездушных кукол-убийц пали под пулями. Но остальные хладнокровно продвигались вперед. Каждая имела повреждения — рваные раны на груди, отколотые руки, — но это были не люди, а искусственные создания, не знающие ни боли, ни страха, ни усталости.

Слева от Пелхэма завязалась яростная схватка, когда два монстра прорвались через огневую завесу. Пелхэм прыгнул туда, отчаянным усилием оторвал куклу от ее жертвы и почти в упор опустошил обойму своего пистолета в грудь монстра. Тот отшатнулся, ударился о землю и раскололся.

Что-то взорвалось.

Пелхэм инстинктивно пригнулся, когда над ним пронесся рой мелких осколков. За ними последовала тепловая волна, как будто его коснулась невидимая горячая рука. Должно быть, кто-то бросил гранату. Часть барака охватило пламя, а перед ним лежало семь-восемь кукол. За яркой огненной завесой можно было различить другие тени, человеческие силуэты, испуганно отступающие от жара, продолжая отчаянно искать возможность вырваться. С другой стороны барака раздался последний выстрел, за которым последовал глухой удар, прозвучавший окончанием этой странной стычки.

Наступила тишина.

Бой длился недолго, немногим больше минуты. Пелхэм, тяжело дыша, выпрямился. Взглянув на лица солдат, он понял, что никто из них не забудет ужаса происшедшего.

— Мы должны обыскать барак, — тихо пробормотал он. — Может, там кто-то остался.

— Прежде всего нужно попытаться заполучить одну из этих кукол неповрежденной, — заметил какой-то солдат.

Пелхэм обратил внимание на небольшое замешательство при слове «неповрежденной». Люди видели этих монстров собственными глазами, но им с трудом удавалось признавать в них кукол, а не своих товарищей.

— Вы правы, — кивнул Пелхэм. — Попытаемся сделать это, прежде чем помещение сгорит.

Тем временем пламя охватило всю заднюю часть барака. Из рваных дыр валил жирный черный дым. Едкий смрад от горящей пластмассы перехватывал дыхание.

— Четыре добровольца ко мне! — приказал Пелхэм. — Другие остаются здесь и не спускают глаз с огня. Следите, чтобы он не распространился дальше.

Ему пришлось ждать, прежде чем вышли четыре человека. Пелхэм хорошо понимал людей — они не были трусами, но при одной мысли о необходимости войти в барак возникало чувство брезгливости и неопишуемого страха. Любой солдат мог выполнить приказ в случае войны, но эти пластмассовые создания были не теми врагами, которых они знали.

— Идите, — хрипло сказал Пелхэм.

Один из солдат протянул ему автомат, и они двинулись. Внутри барак был полон густого черного дыма и мечущегося пламени. Огонь уже сильно распространился, маленькие языки пламени лизали потолочные балки. Большая часть помещения была охвачена огнем. Оставалась всего лишь пара минут, прежде чем пламя охватит все здание.

Пелхэм остановился в двух шагах от двери и осмотрелся. Его нервы были напряжены до предела, палец лежал на спусковом крючке автомата.

Но это было не нужно. Куклы, которым удалось избежать пуль, стали жертвами огня. В дальнем углу барака два-три монстра еще были живы, но их тела уже тлели от жара, и, когда их заметили, один из них вспыхнул, как факел, и рухнул на пол.

— Назад! — приказал майор. — Здесь нам нечего делать.

Пятясь, они отступили к двери. Дым и раскаленный воздух почти не давали дышать.

Глаза Пелхэма слезились, когда он вышел на свежий воздух, на черном от сажи лице появились красные пузыри ожогов. Но он не чувствовал боли, поскольку все еще был оглушенным, находящимся в каком-то бесконечном кошмаре. Все, что происходило вокруг, слова, которые он произносил, доходили до его сознания через какой-то плотный занавес, как будто он сам был всего лишь безучастным свидетелем.

— А что с генералом? — спросил один из солдат.

Пелхэм побледнел, несколько секунд смотрел сквозь него, потом молча покачал головой. Даже если выстрел и не убил генерала, то в том аду, что сейчас бушевал в бараке, никто и ничто не могло выдержать.

Южная стена барака обрушилась с градом искр и пылающих обломков. Люди отступили на несколько шагов. Никто не проронил ни звука. Ужас в разной степени охватил всех присутствующих. Это был не только шок от появления пластмассовых людей. Там, внутри, были их друзья и товарищи, и, возможно, каждый сейчас в тайне спрашивал себя, что с ними произошло, где они и кто мог повернуть эту абсолютно невозможную штуку: увести с базы тридцать пять человек и заменить их ужасными монстрами.

Пелхэму с трудом удалось выйти из оцепенения.

— Окружить это место, — едва слышно пробормотал он.

— Расставить посты. Я должен связаться с Лондоном.

Он сел за руль «джипа», повернул непослушными пальцами ключ зажигания и завел двигатель. Неожиданно он обрадовался возможности покинуть это место.

27

Сюда! — Хирлет повелительным жестом указал на узкую красную металлическую дверь.

Он провел их по палубе к люку на носу баржи, где они снова спустились вниз.

Дамоне стало ясно, что это списанный буксир. Узкий, едва достаточный для человека проход вел через весь корпус судна. Справа и слева тянулись многочисленные двери. Один раз Дамоне удалось бросить беглый взгляд в одно из помещений. То, что она увидела, напоминало современно оборудованную лабораторию. Но они слишком быстро прошли мимо, и она не успела разглядеть подробности. Очевидно, все судно было основательно перестроено. Его дряхлая внешность являлась лишь маскировкой.

Мюррей нерешительно взялся за ручку двери и нажал. Дверь бесшумно открылась внутрь, за ней было совершенно темное помещение.

— Выключатель справа, рядом с дверью, — сказал Хирлет.

Мюррей, помедлив, вошел.

— Ну, ну, не стесняйтесь!

Мюррей метнул на Хирлета яростный взгляд и после непродолжительных поисков нашарил выключатель.

Под потолком вспыхнула батарея желтых лампочек.

Помещение было огромным — больше тридцати метров в длину и около десяти в ширину, с высоким искривленным потолком. Очевидно, это был один из прежних складов баржи, разделенный теперь перегородкой, но все еще большой. Противоположная стена так же, как и потолок, была покрыта слоем ржавчины и выглядела совершенно дряхлой. Шаги отдавались звонким, жутким эхо.

Когда Дамона вошла в помещение, ее взгляд приковало сборище странных фигур, выстроенных у стены. У нее даже мелькнула мысль, что она попала в музей восковых фигур.

Возле стены стояло множество странных людей: викинги, римляне, питекантропы, солдаты в форме времен первой мировой войны, а также люди в длинных волнистых одеждах — ведьмы и монстры.

— Я вижу, — рассмеялся Хирлет, — моя маленькая коллекция произвела на вас впечатление. Это мой маленький каприз, первая попытка, знаете ли.

Дамона с трудом оторвалась от странного зрелища.

— Что это значит? — спросила она.

— По существу, ничего, — пожал плечами Хирлет. — Во всяком случае, ничего страшного. С них все и началось. — Он подошел к фигурам и встал между ними. — Это первые объекты моего эксперимента. Я приобрел их по дешевке у одного выставщика, который прикрыл свое дело. В сущности, они больше ни для чего не годятся. Мои новые модели функционируют лучше, они сильнее и, прежде всего, незаметнее. Но эти иногда все же бывают необходимы. Прежде всего, — продолжал он изменившимся голосом, — если речь идет о том, чтобы произвести демонстрацию, показ.

Лицо его ожесточилось. Он показал на двух кукол, державших Мандрейку, и быстро выкрикнул какое-то непонятное слово.

Монстры пришли в движение и потащили беззащитного пилота к своему хозяину. Хирлет злобно улыбнулся поставленному на колени Мандрейку, повернулся к своей коллекции и пробормотал несколько слов на незнакомом гортанном языке.

Несколько секунд ничего не происходило, потом с обоими воинами-викингами случилось одинаково злоеущее изменение, какое Дамона уже наблюдала на складе. Их глаза наполнились жизнью. Судорожное движение скользнуло по их лицам, руки шевельнулись сначала тяжело, потом легче, словно воины пробуждались после глубокого, бесконечно долгого сна. Они медленно повернулись, посмотрели сперва на своего хозяина, потом на Мандрейка и медленно шагнули к нему.

Мандрейк закричал. Он отчаянно пытался вырваться из рук монстров, которые по-прежнему держали его, но человеческой силы было слишком мало.

Викинги подошли к нему, схватили за руки и потащили за собой.

— Что вы хотите сделать?! — закричал Мюррей.

Хирлет прервал его резким движением.

— Успокойтесь, инспектор. С ним сделают то, что ожидает вас всех, только намного быстрее и не так эффектно. Смотрите же! Кто еще имел когда-либо возможность увидеть свою собственную судьбу?

Викинги потащили Мандрейка и грубо бросили на пол. Пилот охнул, вскочил на ноги и снова рухнул, когда один из воинов слегка коснулся его спины.

С Мандрейком начали происходить ужасные изменения. Кожа его потеряла все краски, стала белой, потом серой и начала матово поблескивать. Послышался легкий шорох, словно где-то сломали тонкий ледок, и под его одеждой началось какое-то смутное движение. Потом он заснул и некоторое время лежал спокойно. Весь процесс занял не более пяти секунд.

Хирлет посмотрел по очереди на каждого, словно хотел лично убедиться, что ни один из них не пропустил ужасное зрелище. Прошло двадцать секунд, прежде чем он нарушил молчание.

— Встаньте, Мандрейк! — приказал он.

Скрюченное на полу тело шевельнулось, одеревенелыми, неуклюжими движениями поднялось на четвереньки, но снова упало. Вторая попытка была успешней. В конце концов, существо выпрямилось, чтобы подойти к Хирлету. На его лице застыло похожее на маску бесстрастное выражение.

— Ты будешь меня слушаться? — спросил Хирлет.

— Я буду вас слушаться, господин, — кивнул тот, кто недавно был Мандрейком.

Тонкая, злая усмешка заиграла на губах Хирлета, когда он повернулся к своим пленникам.

— Вот видите, — торжествуя сказал он, — хотя мой метод имеет отдельные недостатки, но работает безукоризненно.

— Вы чудовище! — беспомощно пробормотала Дамона.

Она хотела добавить что-то еще, как внезапно почувствовала, что какая-то сила сдавила ей горло. Она подняла руки, ощупала грубые холодные места на своем лице, и ее охватил безумный страх. Через несколько часов она будет выглядеть точно так же, как несчастный Мандрейк: кукла в человеческий рост, марионетка, подвешенная на невидимых нитях, которая должна служить желаниям Хирлета.

— Впечатляет, не правда ли? — засмеялся Хирлет. — Но, как сказано, метод имеет некоторые недостатки. Для вас и ваших друзей я предусмотрел нечто получше. Полюбопытствуете?

Не дожидаясь ответа, он повернулся и семенящими шагами подошел к низкой двери на противоположном конце помещения. Полдюжины его двойников окружали пленников, вынуждая их следовать за Хирлетом.

Они вошли во второе, меньшее помещение, забитое полками и стойками.

Здесь лежало с дюжину кукол, но они были не так совершенны, как те, которых Дамона видела до сих пор. Хотя их тела имели человеческие пропорции, но это были всего лишь заготовки, гладкие, матово поблескивающие куклы без лиц и рук.

Хирлет подвел их к длинному низкому столу в глубине помещения, на котором лежали шесть неподвижно распростертых фигур.

Дамона невольно приблизилась к ним. Она предчувствовала, что ее ожидает, но несмотря на это, была шокирована открывшимся зрелищем.

Одна из кукол, хотя и не готовая, имела явно женские пропорции. Ее формы были нежнее, чем у других, с широкими бедрами и плавно обозначенными выпуклостями там, где должны были находиться груди. Кожа блестела так же матово, как

и у остальных, но на лице начали медленно проявляться изменения. Через подбородок, рот, нос и глаза проходило более белое, светлое пятно. Оно имело неясные очертания человеческой руки. Там, где пластиковая кожа изменилась, она стала походить на человеческую. Это было зеркальное отражение руки на ее лице.

Дамона издала тихий, испуганный возглас, в ужасе прижала руку ко рту и отшатнулась. Она мгновенно поняла ужасную действительность. По мере ее превращения в пластиковую куклу, это чудовище превращалось в ее абсолютного двойника. Другие куклы предназначались для Майка, Мюррея, Теракиса и остальных, которые уже нашли безмолвную серую смерть.

Хирлет тихо рассмеялся.

— Вот видите, мисс Кинг, совершенно бессмысленно оказывать дальнейшее сопротивление. Это продлится не более двадцати четырех часов. То же произойдет и с вашими друзьями. — Он немного помолчал и продолжал изменившимся голосом: — А теперь я предоставляю вам достаточно времени для размышлений. Мои служащие отведут вас в вашу каюту. Мне придется проститься с вами, поскольку необходимо еще многое сделать, как вы понимаете, но мы увидимся завтра.

28

В комнате было тихо. Пелхэм опустил жалюзи и вдобавок задернул шторы. Несмотря на это, неясный свет проник в окно и нарисовал запутанный узор из линий и неровных пятен на белом потолке над его головой. Воздух пропитался холодным сигаретным дымом и потом, снаружи доносились шумы опорного пункта: рев и завывание машин, голоса, хриплые команды, топот ног.

Пелхэм положил голову на подушку, закрыл глаза и попытался расслабиться. Это, естественно, не удалось. День принес слишком много волнений, чтобы он мог просто так уснуть.

Через некоторое время Пелхэм понял это и, услышав резкий рев машины за окном, устало сел на край кровати. Взгляд скользнул на часы и на мгновение задержался на зеленых светящихся цифрах. Он провел два дня и ночь без сна, однако, тело все еще сопротивлялось усталости.

Пелхэм стал, потянулся и взял с ночного столика пачку сигарет. Пепельница была переполнена окурками, но он все равно закурил новую сигарету.

В соседней комнате зазвонил телефон. Звук был отчетливо слышен через тонкую перегородку. Пелхэм вздрогнул и почти испуганно ждал, что откроется дверь и появится адъ-

ютант, чтобы позвать его к аппарату. Он уже больше двух часов провел у телефона. Бесконечные объяснения, разговоры с начальством, людьми из министерства и контрразведки. Ему пришлось снова и снова говорить об одном и том же и при этом чувствовать, что на другом конце провода его считают сумасшедшим. Пелхэм с ужасом подумал, что это лишь начало. Он уединился для того, чтобы хоть немного отдохнуть, прежде чем на базе сядет машина с целой кучей разных шишек. Возможно, из-за того, что он сообщил по телефону, они прихватят еще психиатра и смирительную рубашку.

Он встал, подошел к окну и некоторое время смотрел сквозь узкую щель в жалюзи наружу. Барак, в котором разыгралась драма, был отсюда не виден, но Пелхэм думал, что все же сможет заметить огонь и дым, и когда закрыл глаза, то отчетливо увидел серые застывшие лица, жадно вытянутые с нечеловеческой силой лапы...

Пелхэм застонал и попытался отогнать страшное видение, но это удалось лишь отчасти. Картина поблекла, но осталась невидимая и затаившаяся, готовая в любую минуту наброситься на него. Он был очень удивлен, что стерпел все так спокойно и безучастно, поскольку самого факта появления подобных монстров было достаточно, чтобы сойти с ума. Но, вероятно, шок был очень силен.

Тихий стук заставил его повернуться.

Несколько мгновений Пелхэм оцепенело глядел на запертую дверь, затем взглянул на будильник и наморщил лоб. До прибытия машины оставалось еще два часа, а он отдал приказ не беспокоить его. Если Темпс все же сделал это, то у него, должно быть, было какое-то важное сообщение. Вздыхнув, Пелхэм пошел к двери, машинально разгладил измятую форму и повернул ручку.

Это был Темпс.

— Майор Пелхэм, — начал он, — простите, если помешал, но...

— Ладно, Темпс, что у вас?

— За воротами стоит человек, который желает поговорить с вами.

— Что за человек? — удивился Пелхэм.

— Он отказывается назвать свое имя, майор, — с сожалением ответил Темпс, — но настаивает на разговоре с ко-

мендантом базы и утверждает, будто у него имеется информация о том, что здесь сегодня произошло.

Пелхэм на мгновение задумался. Совершенно необычным было то, что кто-то так, ни с того, ни с сего, появился у ворот базы и захотел поговорить с комендантом, к тому же не желая назвать свое имя. Но происшедшее сегодня событие тоже было из ряда неординарных. Из факта, что незнакомец в курсе происшедшего, можно сделать вывод, что он прибыл из Лондона, из какой-нибудь вышестоящей организации, может быть, даже из контрразведки.

«Некоторые из этих досужих Джеймсов Бондов, — с усмешкой подумал Пелхэм, — любят окружать себя таинственностью!»

— Пришлите его ко мне, — сказал он, наконец.

Темпс, казалось, хотел что-то сказать, но передумал и молча вышел.

Пелхэм вернулся в комнату, раздвинул шторы и поднял жалюзи. Яркий солнечный свет ослепил его, и он снова почувствовал, насколько устал. Он подошел к умывальнику, висевшему на стене, бросил в лицо несколько пригоршней ледяной воды и взялся за полотенце. Взгляд опять упал на руку. Серые пятна не исчезли. В потоке бурных событий он совершенно забыл про них, а сейчас они стали как будто крупнее. Пелхэм взял кусок мыла, щетку и попытался их смыть.

Пятна были странными. Кожа, казалось, не только окрасилась, но и стала какой-то другой — холодной и жесткой.

Пелхэм сжал кончики пальцев и потер их друг о друга, затем подошел к окну и внимательно рассмотрел руки при ярком свете.

Первые фаланги всех десяти пальцев стали серыми, а через правое запястье тянулась тонкая, будто проведенная острым карандашом полоска.

Пелхэм немного помедлил, засучил рукав еще выше и увидел, что полоска проходит по предплечью, а на локте расширяется в серое, с рваными краями пятно.

Легкий страх охватил Пелхэма. Это не краска, это выглядит, скорее, как заражение крови, хотя он не чувствовал ни боли, ни чего другого. Пелхэм осторожно поднял рукав еще выше и повернул голову, чтобы рассмотреть руку.

Серый цвет распространился вверх от локтя и дальше по всему плечу. Без сомнения, с его телом что-то происходило, может быть, заражение. Ему следовало сходить к врачу сразу же после того, как он встретится с неожиданным посетителем.

Пелхэм с беспокойством опустил рукав, застегнул манжету и застелил кровать. Во дворе послышался шум машины.

Темно-серый «белфорд-трайлер» показался между бараками, следуя за «джипом» Темпса и двумя машинами с солдатами. Оценив это, Пелхэм усмехнулся. Джоргер хорошо подготовил своего адъютанта.

Человек, который несколькими мгновениями позже вошел в барак в сопровождении Темпса, отнюдь не соответствовал представлениям Пелхэма. Он был маленький, приземистый, лет пятидесяти на вид, с лысой головой, невыразительной фигурой с очевидной склонностью к ожирению, с маленькими водянистыми глазками и находящимися в безостановочном движении руками. Он явно не был тайным агентом.

Пелхэм изобразил на лице подобие улыбки и протянул посетителю руку. Тот не обратил на этот жест никакого внимания и смерил майора недоверчивым взглядом.

— Вы комендант лагеря?

Пелхэм проглотил злое замечание, вертевшееся у него на языке.

— Я майор Пелхэм, — сухо ответил он. — В настоящее время командую базой. Чем вам обязан? Мой адъютант сказал, будто бы вы имеете точную информацию об инциденте, происшедшем сегодня утром.

— Это верно, — нерешительно сказал человек, снова оценивающе оглядел Пелхэма и продолжал хриплым голосом: — Однако было бы лучше, если бы мы поговорили с глазу на глаз.

— Послушайте, мистер... — разозлился Пелхэм.

— Хирлет.

— Мистер Хирлет, — злобно продолжал Пелхэм, — вы ввалились ко мне бог знает откуда, не удосужились предъявить документы, ставите требования и...

Хирлет перебил его мягким кивком.

— Вы поймете меня, когда увидите, что находится в моей машине, майор.

Пелхэм задумался. Какой-то момент он просто не знал, что делать. Джоргер бы справился с этой ситуацией. Он бы, наверное, уже приказал выставить этого странного Хирлета за ворота. Но Пелхэм чувствовал себя совершенно не готовым к подобным действиям. Он попытался выглянуть мимо Хирлета за дверь.

Тяжелый грузовик стоял рядом с баракком. Через тонированное лобовое стекло виднелся силуэт водителя, а в кузове окон не было.

— Хорошо, — сказал, наконец, Пелхэм. — Идемте. Надеюсь, вы покажете действительно нечто важное. В настоящий момент, знаете ли, мы здесь не особенно склонны к юмору.

Он прошел мимо Хирлета и быстро двинулся к задней двери машины. Хирлет поспешил за ним, отыскал в связке ключи и вставил его в замок.

Он открыл дверь неожиданно сильным рывком, запрыгнул в кузов и сделал знак Пелхэму следовать за ним. Потом снова закрыл дверь. Пелхэм услышал в темноте его возню.

— Секундочку, майор, — пробормотал Хирлет, — сейчас я включу свет.

Под потолком вспыхнула яркая лампа. Пелхэм удивленно огляделся. Помещение было пустым, только на полу лежали два длинных, завернутых в белую материю предмета. Пелхэм изумленно посмотрел на Хирлета, опустился на колени и стянул простыню с одного тела.

Перед ним лежала кукла, одетая в форму майора английского ВВС. Она выглядела бы совсем как живая, если бы ее лицо не было пустым, бесформенным пятном.

— Что это значит? — спросил Пелхэм.

Хирлет рассмеялся.

— Сейчас вы это поймете, майор. — Его голос внезапно зазвучал иначе, чем несколько минут назад. — Я надеялся, что можно будет не прибегать к этому средству, но малютки раскрылись раньше, чем я думал.

Через долю секунды Пелхэм понял, что Хирлет имел в виду. Он хотел повернуться и выскочить из машины, но Хирлет чудовищно быстрым движением бросился на него, толкнул на пол и одновременно зажал рот.

Пелхэм отчаянно отбивался. Ему не хватало воздуха, а тело маленького человечка, казалось, весило несколько тонн.

В груди Пелхэма появился ледяной холод, силы его иссякали с каждой секундой. Он с трудом повернул голову и взглянул на неподвижно лежавшую куклу.

И прежде, чем потерять сознание, он успел увидеть, как на пустом месте под форменной фуражкой куклы начали появляться нос, рот, глаза, как зашевелилась кожа, как судорожно дергалось и медленно, неохотно формировалось человеческое лицо, его собственное лицо!..

29

Констебль Ленден ждал. Прошло уже больше получаса, как ушли Хирлет и его монстры, оставив его одного. Фактически, он все еще не понимал, что произошло, и, если быть честным, не хотел понимать. Он только знал, что здесь произошла штука, которая подорвала его привычное мировоззрение, и что Хирлет, неважно как, должен быть задержан.

Странно, его совсем не испугала мысль, что, вероятнее всего, через несколько часов он должен будет умереть.

С тех пор, как Хирлет захватил врасплох его и Майка в магазине и притащил сюда, он словно находился в каком-то трансе, который действовал, как опьянение, и в котором оставалась лишь одна мысль — остановить Хирлета и его чудовищную армию.

Ленден встал и в который раз начал обследовать каюту, зная, что это бессмысленно. Здесь была лишь одна дверь и три намертво заделанных иллюминатора, через которые все равно не смог бы протиснуться взрослый человек. Но он просто не мог сидеть и ждать своей участи.

Его взгляд метался по помещению, скользил по старым металлическим стенам и, наконец, остановился на узкой полке для бутылок, висевшей рядом с дверью. В голове у него

начал складываться план. Несколько секунд он неподвижно смотрел на слепой глаз иллюминатора над дверью, потом подошел к полке и взял полупустую бутылку коньяка.

Может быть, Хирлет или один из его монстров все видят и сделают правильные выводы, но у него не было другого выбора, кроме как пойти на этот риск. Он отвинтил крышечку, сделал большой глоток и вылил остатки на пол перед дверью.

Образовалась маленькая блестящая лужица, а каюта наполнилась пронзительным запахом алкоголя.

Ленден педантично поставил бутылку на место, удовлетворенно оглядел свое произведение и встал посреди каюты.

Долго ждать ему не пришлось. Загремели тяжелые шаги, со звоном откинулся засов, и дверь отворилась.

Ленден сунул руку в карман куртки, достал спички, медленно, почти спокойно, вытащил одну спичку и прижал ее головку к коробку.

В дверях появились два Хирлета.

— Входите, — сказал Ленден. — Я жду вас.

Он ухмыльнулся. На лице первой куклы появилось недоверчивое выражение.

— Что вы тут сделали? — спросила она.

Ленден оскалился, чиркнул спичкой и бросил ее под ноги кукле.

Яркое пламя взметнулось вверх и охватило фигуру. Коньячная лужа загорелась в долю секунды, запылала ярко-желтым пламенем, и площадка перед дверью превратилась в преисподнюю.

Ленден не стал ждать, что будет дальше. Он метнулся к двери и длинным прыжком перескочил через пламя.

На мгновение ему показалось, что он прыгнул в огненную печь. Жар объял его, перехватил дыхание, опалил волосы и незащищенную кожу. Ленден упал на пол, перекувырнулся, вскочил на ноги и увидел перед собой фигуры двух монстров. Инстинктивно, не размышляя, он нанес удар. Его кулак попал в грудь одному из чудовищ и заставил того отшатнуться. Монстр попал на нижнюю ступеньку лестницы и, взмахнув руками, полетел вниз.

Ленден отчаянно метнулся прочь, влетел на несколько ступенек к выходу и захлопнул за собой массивную стальную дверь. Глухой удар показал ему, насколько был близок пресле-

дователь. Дрожащими пальцами Ленден нажал на задвижку и замер на несколько секунд, хрипло дыша.

Он снаружи. Еще не в безопасности, но снаружи!

Ленден повернулся, прислонился к стальной двери и некоторое время стоял неподвижно, осматривая затемненную палубу баржи.

Кроме рубки, за которой находилась его тюрьма, посреди судна виднелись еще две надстройки. За узкими окнами можно было различить слабый свет, и Ленден заметил там какое-то движение.

Путь вперед был закрыт.

Позади в дверь заколотили грубые кулаки, и Ленден сразу же понял всю опасность положения, которая еще не миновала. Ведь это не могло продолжаться долго.

Он оттолкнулся от двери и, пригнувшись, пробрался к борту. Темно-поблескивающая поверхность воды лежала в пяти метрах под ним: грязная вода, в которой плавали отбросы и мусор. До стенки набережной было около десяти метров. Даже такому неопытному пловцу, как он, было нетрудно преодолеть это расстояние.

Но если он сейчас уплывет, значит, оставит всех остальных на произвол судьбы. Его исчезновение будет очень скоро замечено, и Хирлет не станет терять ни секунды. Его главная квартира пропадет, но ведь ему понадобится время, чтобы исчезнуть со своими монстрами.

Ленден на секунду задумался, потом стащил с себя куртку и бросил на палубу рядом с бортом, а сам, пригнувшись, прокрался на корму и сжался в комок в черной тени надстройки.

Спустя некоторое время на мостике открылась дверь и на палубу шагнул рослый человек. Несколько секунд он стоял неподвижно, оглядываясь по сторонам, затем медленно пошел к кормовой надстройке.

Сердце Лендена забилось быстро и неровно. Второго такого шанса у него не будет, и если кукла не попадется на его уловку, он погиб.

Кукла приблизилась к двери, подергала ручку, потом открыла задвижку. Дверь со скрипом растворилась. Дым и яркое желтое пламя вырвались на палубу. Кукла испуганно отпрянула, секунду смотрела на это, потом одним прыжком исчезла внутри.

Ленден не стал ждать, когда она вернется. Пригнувшись, он метнулся к открытой двери, прыгнул внутрь и молниеносно оглядел помещение.

Это была маленькая каюта, из которой вели три двери и круто уходившая вниз лестница. Ленден взялся за поручень, бросил последний взгляд через плечо и рванулся вниз, прыгая через три ступеньки.

30

Мы должны выбраться отсюда, — решительно заявила Дамона. — Безразлично, как, но выбраться!

Майк и Мюррей не ответили, только Теракис засмеялся тихо и неестественно.

— Похвальное намерение, мисс Кинг. Только, к сожалению, в настоящий момент я не вижу никакой возможности претворить его в жизнь.

Дамона в отчаянии оглядела маленькую каюту.

Их не вернули в прежнее помещение, а сунули еще глубже в брюхо баржи и заперли в маленькой сырой каюте, в которой чуть ли не по щиколотку стояла вода, а стены были покрыты пятнами и изъедены ржавчиной.

— Интересно, почему нас заперли внизу? — пробормотал Майк. — Ведь Хирлет сказал, чтобы нас вернули в прежнюю каюту.

— Это играет какую-нибудь роль? — сразу же отреагировал Теракис.

— Еще бы! — кивнул Майк и оперся о стену.

Он шарил носком ботинка по воде. Все дрожали от холода. Вода была ледяная, а воздух такой холодный, что изо рта вырывался пар.

— Возможно, у них что-то сорвалось, — продолжал после паузы Майк.

— А что это дает нам?

— Все, что вредит Хирлету, может нам пригодиться, — ответил Майк. — Кроме того, он наверняка не будет держать нас здесь до утра. Не в его интересах, чтобы мы тут замерзли. Когда за нами придут, мы нападём...

— И все же... — пробормотала Дамона.

Майк вопросительно посмотрел на нее.

— Что ты думаешь по этому поводу? — Дамона показала на массивный красный выступ, торчащий из пола посреди каюты. Его форма смутно напоминала гидрант, какой иногда показывают в старых фильмах.

— Определенно, Хирлет сделал первую ошибку, приказав запереть нас здесь, — продолжала Дамона. Она опустилась на колени, погрузила руки в воду и ощупала выступ. — Что я и предполагала, — сказала она через некоторое время. — Это кингстон.

Майк изумленно ахнул.

— Если ты хочешь сделать то, о чем я подумал...

— Именно это я и собираюсь сделать.

Теракис нервно сглотнул.

— Вы хотите открыть вентиль? — Он заикался.

— Почему же нет?

— Но ведь это самоубийство! Мы же утонем!

— Ничего подобного, доктор, — покачала головой Дамона. — Эта дверь лет тридцать назад, возможно, и была водонепроницаемой, но не сейчас. Они выпустят нас отсюда, если не захотят, чтобы баржа затонула. — Она рассмеялась. — Я согласна, что это рискованно, но это наш единственный шанс. Даже если это нам не удастся, мы просто затопим судно.

— И при этом погубим себя!

— Вероятно, — сказала Дамона со спокойствием, которого сама едва не испугалась. — Но сейчас, судя по всему, у нас есть выбор только между возможностью утонуть или стать рабами Хирлета. Что вы предпочитаете?

Теракис побледнел.

— Вы сошли с ума! — выдохнул он. — Я этого не допущу! Можете покончить с собой, если так уж этого желаете, но я хочу жить. Вы утонете, как крысы, если откроете кингстон.

Он приготовился броситься на Дамону, но Майк быстрым движением схватил его и оттащил назад. Взглянув на Дамону, он незаметно кивнул.

Девушка взялась обеими руками за колесо и попыталась его повернуть. В первый момент оно не сдвинулось с места, потом вдруг резко подалось, и пенящаяся струя ледяной ключей воды ворвалась в каюту.

Дамона отскочила к стене. Ее взгляд, как зачарованный, замер на двери. Вода прибывала с фантастической быстротой и вскоре достигла двери. Теракис испуганно взвизгнул.

— Она не протекает! Мы утонем, как крысы!

— Этого не произойдет, — спокойно сказала Дамона. — Я в любой момент могу закрыть вентиль.

— Так закройте!

— Еще рано.

Дамона покачала головой, добралась до вентиля и попробовала его повернуть. Он свободно вращался в обе стороны. Тогда Дамона решительно открыла его до конца. Пульсирующий водяной поток стал еще сильнее.

Теракис завизжал, как помешанный, и стал извиваться в руках Майка.

— Черт возьми, успокойтесь, Теракис! — зарычал Мюррей. — Мы не утонем. Вы же понимаете, что мы намерееваемся сделать! — Он подошел к ученому и несколько раз хлестнул его ладонью по лицу.

Теракис вскрикнул, жадно глотнул воздух и обмяк. Лицо его сморщилось, но он заметно успокоился.

— Я... Простите. — Через некоторое время он всхлипнул. — У меня сдали нервы. Это было уж слишком.

— Все прекрасно, доктор, — проворчал Мюррей. — Такое может случиться с каждым. Но сейчас, пожалуйста, не теряйте самообладания, если возможно. Второго такого шанса мы не получим. — Он вздохнул, повернулся к Дамоне и вопросительно посмотрел на нее. — Сколько еще?

Дамона пожала плечами.

Вода поднялась уже почти на полметра. Ледяной, мертвенный холод пронизывал их до костей. При таком напоре маленькая каюта заполнилась бы водой за несколько минут.

— Этого должно хватить, — сказала Дамона. — Тот, кто откроет сейчас дверь, получит небольшой сюрприз.

Она снова склонилась над вентилем и повернула колесо вправо. Оно сделало два полных оборота и с громким скрежетом застопорилось. Дамона на мгновение замерла.

— Заклинило, — растерянно сказала она.

Майк отпустил руки Теракиса и одним прыжком оказался рядом с ней. Вдвоем они изо всех сил стали дергать металлическое колесо маховика. Оно тяжело сдвинулось с места, сделало еще пол оборота, потом окончательно остановилось.

Дамона, тяжело дыша, поднялась. Вода доходила ей до бедер.

Поверхность воды поднималась сейчас не с такой бешеной скоростью, как несколько минут назад, но поднималась неумолимо.

31

Мужчина, который выглядел, как майор королевских войск ВВС Пелхэм, быстрым шагом двинулся к низкому самолётному ангару на южном конце взлётной полосы. После посещения таинственного Хирлета прошло уже полчаса. Пелхэм оставался в трейлере около десяти минут, а когда появился снова, то необычайно изменился, не внешне, а внутренне. Против своих прежних привычек он, ничего не объясняя, приказал выпустить Хирлета с базы и подготовить к вылету новый истребитель «Фантом F-107».

Его приказ вызвал удивление, но люди подчинились. После смерти Джоргера, Пелхэм остался на базе старшим офицером, а следовательно, знал, что делает.

Большие дюралевые ворота ангара, громыхая, разъехались в стороны, когда Пелхэм подошел к зданию, и одна из странных серебристых птиц, прикрепленная к маленькому электрокару, выскользнула на свободу.

Пелхэм остановился и неподвижно ждал, пока машина полностью не вышла из ангара и не развернулась.

Острый, как игла, нос указывал сейчас на восток. Электрокар отцепили, вся орда техников и работников наземного

персонала набросилась на машину, чтобы завершить последние приготовления.

Пелхэм взял тонкую коричневую папку с документами, полученными от Хирлета, медленно подошел к истребителю и без лишних слов начал подниматься по лесенке в кабину. Один из техников остановился у трапа и подмигнул ему.

— Ну как, майор, немного удовольствия в маленьком полете?

Пелхэм наморщил лоб, бросил папку на сидение и вытащил шлем.

— Пробный полет, сержант, — сухо ответил он. — В конце концов, я хочу знать, что это за птица, на которой я посылаю летать своих мальчиков.

Объяснение прозвучало натянуто и недостаточно достоверно — Пелхэм давно уже не летал сам. Даже если бы он был в хорошей форме, то едва ли смог бы лететь на «фантоме» без подготовки. Истребитель-бомбардировщик принадлежал к новейшему классу боевых машин, которыми были вооружены ВВС. Но никто из техников не думал всерьез, что Пелхэм собирается сделать больше, нежели просто совершить пробный полет по кругу над базой.

Наконец, Пелхэм втиснулся в кабину, надел шлем, быстро и уверенно включил несколько тумблеров. На узкой приборной доске замигали лампочки. Следующая рукоятка — и кабина с легким жужжанием закрылась.

Техники поспешно отбежали от машины, когда с мощным ревом заработали реактивные двигатели. Никто из них не видел тонкой и злой усмешки, внезапно перекосившей лицо Пелхэма.

«Фантом» покатился, вырулил на взлетную полосу и взял разгон.

Через несколько секунд стройный серебристый снаряд мчался со сверхзвуковой скоростью по направлению к многомиллионному Лондону.

32

Констебль Ленден вжался в узкую нишу и, затаив дыхание, ждал, пока обе куклы пройдут мимо его убежища. До сих пор ему везло. Его исчезновение вызвало волнение на судне, но, по-видимому, никто не думал, что он на борту.

За последние минуты мимо его убежища пробежало более двух дюжин монстров, среди которых было несколько двойников Хирлета, но никто из них не удостоил и взглядом узкую нишу.

Ленден надеялся, что монстры бросятся в порт, чтобы преследовать мнимого беглеца. Если это произойдет, у него появится шанс спасти пленников, так как большая часть экипажа покинет судно.

Он дождался, пока шаги монстров затихнут на трапе, осторожно высунулся из своего убежища и скользнул дальше по коридору.

Под палубой баржа была совершенно перестроена. Ход, по которому он двигался, был новым, чистым, и через открытую дверь-дыру он бросил короткий взгляд на какую-то лабораторию, в то же время напоминавшую склад. Но это было не то, что он искал. Он искал машинное отделение.

Ленден прошел до конца коридора, открыл низкую дверь и неожиданно оказался в сводчатой, пропахшей нефтью и сыростью каморке. Узкая винтовая лестница вела в глубину, а через люк в полу струился мерцающий, оранжево-желтый свет. Металлический лист под его ногами вибрировал, и когда он стоял совсем тихо, то слышал негромкий ритмичный шум, словно глубоко под ним работала большая машина.

Это было то, что нужно.

Ленден запер за собой дверь и огляделся в поисках какого-нибудь подходящего оружия. Его взгляд упал на гигантский, почти метровой длины гаечный ключ. Это была превосходная дубина. Ленден поднял его, испытующе взвесил в руке и на цыпочках скользнул вниз по лестнице. Гул машины усиливался по мере спуска. Одновременно слышались тихие голоса.

Ленден шел дальше и, наконец, добрался до длинного, сумеречно освещенного помещения, которое, очевидно, тянулось по всей длине судна и находилось ниже ватерлинии. Большую часть его занимала громоздкая машина.

Ленден облегченно вздохнул. Его надежды оправдались — под палубой судно было основательно модернизировано, но машина оставалась той же, какую поставили здесь несколько десятков лет назад при спуске судна на воду, доисторическая, питаемая углем машина.

Ленден на несколько секунд остановился у трапа и подождал, пока глаза привыкнут к полутьме. Потом прокрался дальше, туда, откуда доносились голоса.

Их было двое — высокорослые голые фигуры из матово-серого пластика, которые равномерными механическими движениями бросали уголь в топку котла и изредка поворачивали какой-либо из дюжины маховиков, покрывавших переднюю часть машины. Огонь в котле горел не очень сильно, но давление пара хватало, чтобы приводить в движение электрогенератор судна. Одна из кукол постоянно следила за показаниями манометра, чтобы давление оставалось в норме.

Ленден находился в укрытии достаточно долго, чтобы удостовериться, что он разгадал принцип действия машины, по крайней мере, приблизительно. Потом он покрепче схватил гаечный ключ и шагнул к монстрам.

Они слишком поздно заметили его появление. Ленден взмахнул ключом. Тяжелая металлическая дубинка расколо-

ла первую куклу. Удар получился такой силы, что Ленден по инерции шагнул вперед.

Вторая кукла отшвырнула лопату и, расставив руки, кинулась на него. Ленден поднял свое оружие и нанес второй удар. Потом он, кряхтя, выпрямился и подошел к паровой машине. Его взгляд беспомощно заметался по запутанному многообразию шкал, колесиков и рычагов. Он уже не был уверен, сумеет ли претворить свое намерение в жизнь. Но он зашел слишком далеко, чтобы все бросить.

Ленден решительно повернул одно колесо и стал напряженно наблюдать, когда сдвинется стрелка находящегося перед ним счетчика. Он понятия не имел, какой вред причинил этим. Перед ним находилась дюжина вентилей, и он стал поворачивать их один за другим, поспешно, но методично.

Гул машины, казалось, изменился, когда он закончил эту процедуру. Несколько секунд он беспомощно стоял перед огромной приборной доской, затем повернулся, поднял свою дубину и двинулся к выходу. Одна из стрелок на приборной доске уже угрожающе пересекла красную черту.

Но Лендену не суждено было добраться до лестницы. Рядом с ним разорвалась паропроводная труба, и струя горячего, находящегося под большим давлением пара ударила в него. Она окутала его, и Ленден уже не чувствовал, как упал на пол...

33

Отфыркиваясь, Майк высунулся из воды, несколько мгновений хватал воздух, затем мощным гребком подплыл к остальным.

— Бессмысленно! — прохрипел он. — Эту штуку заело намертво. Надо ее как-нибудь зажать.

— А если попробуем все вместе? — испуганно спросил Теракис.

Вода стояла на уровне его груди. Она поднималась уже не так быстро, но, несмотря на это, оставалось лишь несколько минут до того момента, когда придется держаться на плаву, но даже это было бы короткой отсрочкой. Каюта не превышала двух метров в высоту, и, если бы давление воздуха, наконец, остановило воду, они задохнулись бы или замерзли в холодной воде.

— Это не имеет смысла, — громко сказал Майк. — Мы должны выбраться отсюда.

— Выбраться? — спросил Теракис. — А как? Может быть, вы хотите выбить дверь?

— Возьмите себя в руки, доктор, — спокойно проговорила Дамона.

Теракис подскочил, словно его укусил тарантул. Его глаза яростно пылали.

— В руки?.. — Он задохнулся. — Вы, как назло, требуете, чтобы я взял себя в руки? — Он подобрался к Дамоне и угрожающе поднял кулак. — Это из-за вас мы попали в такое положение, из-за вас и ваших фантастических идей. И вы требуете, чтобы я держал себя в руках? Я не хочу умирать! Вы слышите, не хочу!

— Заткнитесь, наконец, доктор! — приказал Мюррей. — Ни у кого из нас нет особого желания утонуть, а ваши вопли не слишком-то помогают. — Он повернулся, добрался до двери и принялся молотить по ней кулаками. — Лучше помогите мне. Может, кто-нибудь придет с проверкой.

Теракис помедлил, затем подошел к инспектору и обеими руками начал колотить по двери. Удары глухо отзывались в корпусе судна.

Дамона сомневалась, что это может принести какую-нибудь пользу. Они находились на нижней палубе, глубоко под складами и лабораториями Хирлета. Даже если бы их услышали, все равно никто не побеспокоится пойти и взглянуть на них. Несмотря на это, через некоторое время она тоже подошла к двери и начала бить по ней руками.

Конечно, все это было бессмысленно. Скоро они поняли это и отступили от двери. Даже Мюррей покачал головой и опустил разбитые руки в воду. Только Теракис продолжал в бессмысленной ярости колотить по массивной стальной двери.

— Бросьте, доктор, — пробормотал Мюррей. — Мы... Что это?

Дамона тоже услышала какой-то шум: глухое, вибрирующее гromыхание, почти потонувшее в плеске воды и стуке Теракиса.

— Теракис, остановитесь! — резко приказала Дамона. — На одну секунду!

Теракис замер и тоже прислушался.

Шум не повторился, но вместо этого задрожал толстый стальной лист под ногами. Потом что-то треснуло, мощный глухой взрыв потряс судно.

— Взрыв, — пробормотал Мюррей. — Такое впечатление, будто что-то взлетело на воздух.

Они, как зачарованные, вслушивались в тишину. Десять-пятнадцать секунд ничего не происходило, потом в коридоре послышались тяжелые шаги, что-то прокричал возбужденный голос.

— Прочь от двери! — прошипел Мюррей. — Кто-то идет. Они отступили к противоположной стене.

— Держитесь за что-нибудь покрепче, — прошептала Дамона.

Она инстинктивно нащупала руку Майка и ухватилась за нее.

В двери повернулся ключ, и тут же она, словно катапультированная, распахнулась наружу под давлением скопившейся воды.

В памяти Дамоны запечатлелся облик двух-трех серых фигур, которые были подхвачены пенившимся потоком и с чудовищной силой брошены на стену коридора. Потом Дамону сбило с ног и потянуло вперед. Она вскрикнула, глотнула воды и отчаянно рванулась вверх. Болезненный удар пришелся в плечо, что-то протащилось по спине, проехалось по лицу, оставив на спине глубокий рваный шрам. Поток вынес ее из каюты, бросил на стену и пронес почти по всей длине судна, прежде чем сила его окончательно иссякла. Дамона упала на пол, перекатилась и несколько секунд, хрипя, хватала ртом воздух, лишь только потом поднялась и посмотрела на остальных.

Майк лежал в нескольких метрах от нее, стонал, держался за голову, но находился в сознании.

Мюррей и Теракис, казалось, инстинктивно ухватились друг за друга, поэтому их не унесло так далеко, как Дамону и Майка.

Как раз в этот момент Мюррей поднялся на колени и ощупывал себя, словно хотел убедиться, что все кости целы.

А Теракис...

Дамона в ужасе вскрикнула, увидев греческого ученого. Вода ударила его о стену коридора. Его правая рука была переломлена и располагалась под неестественным углом по отношению к туловищу. На лице был выломан треугольный кусок, за которым не было ничего, кроме пустоты.

Теракис был куклой!

Хирлет приказал одной из своих тварей постоянно следить за ними, и никто из них этого не заметил. По судну опять прокатился глухой удар, и на этот раз баржа слегка поднялась и легла на бок. Дамону снова сбило с ног и развернуло к стене. Она с трудом поднялась на ноги.

Судно имело уже заметный крен. Освещение замигало, погасло и вновь загорелось.

— Скорее отсюда! — крикнул Майк. — Судно тонет!

Дамона невольно оглянулась на каюту, из которой их выбросило. Вода все еще рвалась из открытого кингстона, но даже если бы Хирлету и куклам удалось бы его закрыть, потребовалось бы много часов, чтобы привести судно в порядок. И хотя Майк был прав и судно действительно тонуло, конец должен был наступить еще не скоро.

Дамона вскочила. Майк тем временем тоже поднялся и тяжело опирался рукой на стену. Один Мюррей, казалось, испытывал какие-то затруднения, чтобы встать на ноги. Это продолжалось некоторое время, потом Дамона поняла, что он отчаянно борется с Теракисом. Монстр обеими руками уцепился за его ноги и со сверхчеловеческой силой тащил назад.

— Майк! — испуганно крикнула Дамона. — Надо помочь Бену!

Только сейчас Майк заметил, что Теракис не человек. Несколько мгновений он оцепенело глядел на расколотое лицо доктора, потом с яростным криком бросился на помощь Мюррею.

Но даже втроем им едва ли удалось бы усмирить мнимого профессора. Наконец, отчаянным усилием Мюррей вырвался из лап монстра и его самого ударом сбил в воду.

— Скорее отсюда! — прохрипел он.

Они бросились бежать по коридору. Судно тем временем получило еще больший крен, и пришлось опираться о стену, чтобы подняться по узкой металлической лестнице.

Майк вышиб плечом дверь и остановился в находящемся за ней коридоре. Ему навстречу ударило полыхающее красное пламя. Воздух был насыщен жаром и дымом.

Судно опять содрогнулось от взрыва.

Кукла высунулась из лестничного проема, замерла на секунду и с вытянутыми руками бросилась на Майка. Майк отскочил в сторону, подставил монстру подножку и нанес смер-

тельный удар локтем в спину. Кукла грохнулась на пол, ударилась о стену и развалилась.

— Дальше! — выдохнула Дамона. — Мы должны выбраться отсюда!

Майк схватил Дамону за руку и бесцеремонно потащил за собой.

— Подожди, Майк! Мы должны найти Хирлета!

— Ты сошла с ума! — прошипел Майк.

Он помчался еще быстрее, таща Дамону к трапу в переде-м конце коридора.

— Но у него мое «ведьмино сердце»!

Дамона попыталась выдернуть руку, но Майк неумолимо тащил ее дальше.

Двери справа и слева от них распахнулись, и в коридор выскочило более полдюжины Хирлетов. Майк в ужасе отпрянул. Коридор был блокирован. До спасительной лестницы оставалось не более двадцати шагов, но с таким же успехом она могла быть и в двадцати тысячах километров.

— Примите мои поздравления, — тихо сказал один из Хирлетов. Голос его дрожал от ярости, кулаки были сжаты. — Не знаю, как вам это удалось, но вы вырвались на свободу. Второй раз вы уничтожили мою базу. Боюсь, я вас недооценил, — угрожающе признался он. — Это была ошибка, вынужден с этим согласиться. Видно, мне придется отказаться от сотрудничества с вами. Очень жаль.

— Откажитесь, Хирлет, — сказал Майк. — Вы проиграли.

Хирлет одарил Майка таким взглядом, словно сомневался в его уме.

— Програл? — переспросил он. — Отказаться? Нет, это вы проиграли. Я не буду убивать вас, если вы этого боитесь. Это совершенно ни к чему. — Он злобно ухмыльнулся и подал знак человекоподобным тварям, которые окружали его. Куклы начали медленно отступать из коридора. — Это продлится еще несколько минут, пока не взорвется паровой котел, — любезно продолжал Хирлет. — Даже если вы переживете взрыв, то в днище судна будет симпатичная дырка. Конечно, мне жаль, но вы стали жертвой собственного плана. Единственный путь наверх ведет по этому трапу, но дверь я собственноручно закрою на ключ, прежде чем покину судно. Желаю вам всего доброго!

Майк яростно крикнул и бросился вперед. Хирлет шагнул в сторону, встретил его ударом в живот и добавил коленом по лицу.

— Проклятый дурак, — прошипел он. — Даже если бы вам удалось устранить меня, для вас бы ничего не изменилось.

Он повернулся, и, поспешно отступив за своих монстров, начал подниматься по лестнице.

Глухой удар качнул корпус судна. Палуба под трапом взорвалась. Яркий язык пламени протянулся по коридору, потом из дыры вырвалась серая, кипящая струя пара и окутала лестницу.

Сквозь свист пара прорвался пронзительный крик. Хирлет, шатаясь, с перекошенным от боли лицом вывалился из бурлящего облака, повернулся вокруг собственной оси и замер, покачиваясь, на краю рваной дыры. Потом он медленно опрокинулся вниз и беззвучно исчез в глубине.

34

Дамона еще долго стояла на набережной и глядела на медленно погружающееся судно.

Она замерзла. Тело оцепенело от холода, а короткий отрезок, который она проплыла до берега, отнял последние силы. Она бы упала, если бы не опиралась на Майка.

Кончиками пальцев Дамона непрерывно ощупывала свое лицо. Кожа снова стала нормальной. Со смертью Хирлета не только монстры превратились в безжизненные скульптуры, но и медленная смерть в ее организме потеряла свою силу.

Власть Хирлета исчезла, но Дамона не чувствовала радости и торжества. Не ее заслуга в том, что Хирлет был остановлен. Человек, который его задержал, заплатил за это своей жизнью. Она знала, что Лендена больше нет.

Уже сорок минут судно погружалось в воду, и с каждой секундой погружение все ускорялось. Нижняя палуба превратилась в кипящий ад из бурлящего пара и воды, когда они покидали судно. Никто не мог выйти живьем из этого хаоса.

Майк осторожно коснулся ее плеча.

— Пойдем, Дамона. Мы уходим.

Дамона покачала головой и отстранилась от его руки.

— Подожди еще. Я должна увидеть, как оно утонет.

— Ты думаешь, что Хирлет, как феникс, еще может воскреснуть?

Дамона немного помолчала.

— Мое «ведьино сердце» осталось там, — сказала она вместо ответа.

— Знаю, — кивнул Майк. — Мы найдем водолаза, чтобы достать его. Наверное, судно так или иначе будет поднято. Полиция может заинтересоваться обломками.

Дамона не ответила. Она потеряла не только «ведьино сердце». Собственными глазами она видела конец Хирлета, но что-то подсказывало ей, что кошмар еще не миновал.

Возможно, подумала она, кошмар только сейчас и начинается. Может быть, они пережили лишь первый акт драмы, а впереди акт последний, в котором их ждет смерть.

Судно вздрогнуло, нос опустился, скользнув метра на три-четыре под воду. Одновременно поднялась корма, так что стали видны покрытые водорослями винт и руль. Потом, с глубоким вздохом, судно завалилось на бок.

Дамона медленно повернулась и пошла вместе с Майком в сторону темного порта.

СЕРАЯ СМЕРТЬ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

35

Человек сидел в пилотском кресле в неестественной, судорожной позе. Его руки лежали на штурвале боевого самолета, но он, казалось, не хотел за него держаться. Лицо, которому вздутый летный шлем с опущенным черным стеклом придавал вид какого-то насекомого, выглядело напряженным и бледным. На верхней губе поблескивали мелкие капельки пота.

Истребитель-бомбардировщик «фантом» с чудовищной скоростью рвался на восток. После старта он преодолел звуковой барьер, и за ним неслась треугольная волна рева, которая заставляла вздрагивать спящих по всей южной Англии. В пилотской кабине царила неестественная тишина.

Человек стонал. Его руки дрожали, он хотел снять их со штурвала, но на это не было сил. Его тело внезапно дернулось, как от неожиданной внутренней судороги, выгнулось и осело в кресло, словно баллон, из которого постепенно выпустили воздух. Лицо пилота как-то сразу стало выглядеть сонным.

Машина начала капризничать. Глухой скрежет пронзил корпус «фантома», на подковообразной приборной доске замигала одинокая красная лампочка. Черный миниатюрный

ландшафт, проносящийся далеко внизу под кабиной, опрокинулся вправо, вернулся в горизонтальное положение и бесшумно завращался.

Человек выпрямился и отчаянным усилием попытался покорить машину. На какое-то время вращение прекратилось, но лишь для того, чтобы через мгновение начаться с новой силой.

Человек попытался закричать, но из горла вырвалось лишь придушенное сипение, потонувшее в реве обтекающего плексигласовую кабину воздуха.

Нос «фантома» незаметно опустился вниз, а к первой красной лампочке добавились новые, когда компьютерная техника боевой машины стала докладывать об опасном отклонении от курса.

Но пилот был не в состоянии остановить стремительное падение. Его руки внезапно ослабли, словно опустели рукава темно-серой летной формы. Они окончательно съехали со штурвала и упали на бедра. Голова в шлеме свалилась вперед, мундштук дыхательной системы повис на груди. Скрытые за черным стеклом глаза подернулись серой пылью.

Майор Джордж Пелхэм уже не чувствовал, как «фантом» несется к земле под все более крутым углом и, наконец, врежется в нее, как гигантское стальное копье.

Яркий огненный шар взорвавшегося самолета можно было видеть на несколько миль вокруг.

36

Над рекой дул холодный ветер с востока. Вода была серая, гладкая и, казалось, потеряла свое свойство отражать свет, так что вытянутый прямоугольник между причалами выглядел огромной, заполненной серым асфальтом ямой. Это была жуткая, производящая странное впечатление картина.

Дамона с дрожью отвернулась и в последний раз проверила, хорошо ли закреплены баллоны с кислородом и дыхательный прибор. Она замерзла, хотя всего лишь несколько минут назад вышла из машины и подошла к причалу, но ей казалось, что лучше находиться на холоде ноябрьского дня, чем сидеть и ждать, с трудом преодолевая страх, который давно гнезвился у нее в душе.

— Вы уверены, что хотите идти со мной? — спросил Хенк Сэгиттер, кивнув на свинцово-серую воду.

Маленький приземистый человечек сидел на опрокинутой нефтяной бочке неподалеку от причальной стойки и посасывал трубку. Черный костюм из синтетического каучука делал его фигуру еще стройнее, а костлявые плечи, казалось, прогибались под тяжестью водолазного снаряжения.

— Уверена, — ответила Дамона, хотя в действительности было не много такого, чего бы она сделала менее охотно, чем лезть в ледяную серую воду портовой акватории.

Сэгиттер пожал плечами, кряхтя, наклонился и натянул на ноги ласты.

— Вы когда-нибудь погружались? — спросил он.

— Много раз, — кивнула Дамона. — Я, правда, не Жак Кусто в женском облике, но думаю, что разбираюсь в этом. Мы с женихом почти каждое лето ныряем в Карибском море.

Сэгиттер посмотрел на нее, сморщил лоб и неторопливо вынул изо рта трубку.

— В Карибском море, — проворчал он, — милое дело, могу себе представить. Прозрачная теплая вода, прекрасная видимость, по меньшей мере, на пятьдесят метров.

— И акулы, — вставила Дамона.

— И опытный инструктор с лодкой прямо над вами, — обстоятельно продолжал Сэгиттер. — Но здесь все по-другому, мисс Кинг. — Он указал на акваторию. — Холодная лужа, такая грязная, что в ней можно застрять. Если повезет, вы будете видеть, примерно, на полметра вокруг, а на дне лежит мусора больше, чем на всех свалках Лондона, вместе взятых. Если бы я был на вашем месте, черта с два бы полез туда.

— Но вы же не я, — резче, чем было нужно, ответила Дамона.

Сэгиттер невозмутимо пожал плечами.

— Конечно, нет. Вы отсчитали мне монеты, чтобы я погружался с вами. Столько я не зарабатываю за целую неделю. Следовательно, вы не будете испытывать никаких угрызений совести, если отпустите меня одного.

Дамона приготовила резкий ответ, но затем передумала и лишь покачала головой.

Ей порекомендовали Сэгиттера, как одного из лучших и опытнейших профессиональных водолазов Лондона, и она верила, что он действительно именно такой. Но она должна спуститься туда, даже если очень боится этого.

— Я знаю, вы правы, — сказала Дамона, — но я должна идти с вами. То, что мне нужно, вы не найдете.

— Я достал бы вам даже зубную пломбу, — усмехнулся Сэгиттер, — если бы вы указали примерное место, где она выпала.

— Я верю вам, — ответила Дамона, — но все же должна идти с вами. Я не могу сказать точно, где лежит этот предмет. Если найду место, то сразу же узнаю, а так...

Между бровями Сэгиттера появилась вертикальная морщина. Он вынул изо рта трубку, тщательно выколотил ее о край ржавого бака, служившего ему сидением, и положил в раскрытую сумку «Афганза», стоящую рядом с ним.

— Знаете, мисс Кинг, — сказал он, — если бы я не знал вас, то был бы уверен, что вы что-то скрываете.

Дамона незаметно вздрогнула.

— Как вы догадались?

— Чутье, если хотите, — усмехнулся Сэгиттер. — В своей работе я встретил уже много комичных фигур, но всегда хочу знать, честные ли у человека намерения. Когда идешь вниз, надо быть уверенным в партнере стопроцентно. Если только внизу вы увидите, что ваш партнер последняя собака, то можете просто не вернуться, и бог потеряет еще одного хорошего человека.

— Знаю, — сказала Дамона. — Поэтому я и пригласила вас. Мне сказали, что вы самый лучший.

Сэгиттер кивнул. Этот жест не выглядел хвастливым или надменным. Он был человеком, который знал свои способности, и давно уже не имел и не видел необходимости проявлять ложную скромность.

Без всякого перехода он вернулся к прежней теме.

— Я использовал свои связи и попытался что-либо узнать, но полиция заставит замолчать любого.

— Я сама точно не знаю, что же конкретно произошло, — помедлив, сказала Дамона. — Правда, я была на судне, но поняла только, что что-то взорвалось. Все произошло очень быстро.

Сэгиттер кивнул.

— Точно так, — проворчал он. — Люди думают, что корабль тонет медленно, но чаще всего он погружается в считанные секунды. Вам повезло, что вы выбрались. — Он встал, вплотную подошел к причальной стенке и несколько секунд смотрел вниз на грязно-серую поверхность воды. — Надеюсь, ваши друзья скоро придут? — буркнул он. — Уже поздно, и у меня нет особого желания нырять ночью.

Дамона недовольно повернулась и посмотрела на узкую, мощеную булыжником улицу.

Майк, оставив их здесь, поехал за Мюрреем.

Местность вокруг порта была безлюдной, и Мюррей после того, как судно Хирлета затонуло, приказал оцепить эту часть порта.

Если бы все зависело от нее, Дамона немедленно ушла бы под воду. Но Сэгиттер упорно отказывался погружаться, не оставив на берегу помощника, и Дамона не противилась ему в этом вопросе. В конце концов, она наняла его, потому что была уверена в его профессионализме. Сэгиттер был прав, что ее погружения в Карибском и Средиземном морях нельзя сравнивать с тем, что ожидает ее здесь.

Дамона еще раз припомнила события трехдневной давности. В них шла речь не о жизни ее или Майка. Конечно, Хирлет не смог бы захватить власть над всем миром, так как миром не может править абсолютное зло или абсолютное добро. Но он мог добиться в этом мире чудовищного влияния.

Дамона ясно представила себе многомиллионный Лондон под властью кукол.

Но кошмар еще не кончился.

Внизу осталось ее «ведьмино сердце», и Дамона должна вернуть амулет, потому что, находясь внизу, он представляет собой потенциальную опасность, так как обладает большой магической силой, а Дамона даже не знает природу этой силы. Камень мог лежать на дне столетиями, не причиняя никому вреда, а мог вернуть к жизни всю уничтоженную армию монстров Хирлета. Даже если бы она решила отказаться от талисмана, у нее все равно не было бы другого выхода, как спуститься и спрятать камень.

Дамона беспокойно переступила с ноги на ногу и, спасаясь от холода, обхватила руками плечи. Потом отбросила тревожные мысли, посмотрела на улицу и на водонепроницаемые часы на своей руке. Майк обещал вернуться через десять минут, но этот срок давно прошел.

Стало значительно холоднее. Задул ветер, небо затянуло тяжелыми, темно-серыми тучами. Собирался дождь.

— Проверьте еще раз вашу лампу и переговорное устройство, — сказал Сэгиттер.

— Я уже делала это трижды.

— Тогда сделайте в четвертый раз, — спокойно пожал плечами Сэгиттер. — Если внизу вы обнаружите, что оборудование не в порядке, это будет чертовски неприятно.

Дамона вздохнула и в очередной раз добросовестно проверила аппаратуру. На ее взгляд, Сэгиттер немного перегибал со своей пунктуальностью, но она не видела удовольствия в том, чтобы спорить с ним. Возможно, он тоже нервничал и пытался на свой лад скоротать время простоя, которое действовало на нервы.

Это продолжалось еще около десяти минут, пока в дальнем конце улицы не показалась машина Майка.

Дамона с облегчением вздохнула, ободряюще взглянула на Сэгиттера и хотела пойти навстречу Майку, но ей тотчас пришлось остановиться, когда она вспомнила, как смешно должна выглядеть в ладах и с кислородным баллоном.

Машина быстро подъехала и остановилась в нескольких метрах от причальной стенки.

Дамона демонстративно посмотрела на часы, когда Майк с Мюрреем вылезли из машины и подошли к ним.

— Да, пунктуальность никогда не была твоим достоинством, — укоризненно сказала она.

Майк усмехнулся.

— Обычно ты вцепляешься мне в горло и очень обижаешься, если я мешаю тебе примерять новую вещь. — Он бросил долгий, внимательный взгляд на ее водолазный костюм. — Ты хорошо выглядишь. Ботинки мне не нравятся, но все остальное...

— Это моя вина, Дамона, — поспешно сказал Мюррей. — Майк торопился, но это нельзя было сделать быстрее.

— Затруднения?

Мюррей пожал плечами.

— Косвенные, — уклончиво сказал он. — Но боюсь, вы должны поторопиться. Я не могу слишком долго держать людей в оцеплении. Правда, я имею определенное влияние, но в конце концов, я всего лишь мелкий служащий. Оцепление снимут рано утром. — Он поморщился. — Из экономических соображений, как это красиво называют.

— Кризис не миновал и Скотланд-Ярд, — усмехнулся Майк.

Мюррей, казалось, не нашел его замечание слишком смешным.

— Ты иногда напоминаешь сумасшедшего, — проворчал он. — Там пытаются сделать все возможное, а потом какой-нибудь мудрец подсчитывает, сколько все это стоит. Возможно, в скором времени нас пересадят на лошадей, чтобы сэкономить деньги на бензин.

— Если вы когда-нибудь будете подыскивать новое занятие... — начал Майк, но тут же замолчал, когда Дамона предостерегающе посмотрела на него.

Она уже много раз предлагала Мюррею поступить на службу в Кинг-концерн, но он постоянно отказывался. Мюррей всей душой был полицейским и в другой профессии не нашел бы удовлетворения.

— Что-нибудь слышно о Теракисе? — спросила Дамона. Лицо Мюррея посерьезнело.

— Нет, — еле слышно ответил он. — Никаких следов. И я не верю, что мы его найдем.

— Прошло лишь три дня, — возразил Майк.

— Три дня — слишком много. Теракис был очень известным человеком. Если бы он остался жив, то объявился бы. Я уверен, что Хирлет заменил его на своего монстра и убрал, как намеревался сделать это с нами. — Он запнулся, несколько мгновений смотрел мимо Дамоны на неподвижную поверхность акватории, затем с видимым усилием продолжал: — Вы уже готовы?

Дамона чувствовала, как тяжело ему скрывать свое состояние. Он любил Теракиса, хотя сам с этим не соглашался.

Дамона кивнула, обернулась и сделала знак Сэгиттеру. Тот натянул маску и без лишних слов прыгнул в воду.

— Ты уверена, что действительно хочешь нырнуть? — тихо спросил Майк. Голос его звучал озабоченно.

— Совершенно не хочу, — твердо ответила Дамона, — но должна. После того, что рассказал сейчас Бен, тем более. Мы должны найти камень сегодня же. У нас осталось времени только на два погружения.

Она наклонилась, подняла с земли маску и хотела надеть, но Майк быстрым движением остановил ее.

— Разреши мне спуститься под воду.

Дамона оттолкнула его руку и отступила на полшага.

— Собственно, что это вы стали заботиться обо мне? — сердито сказала она. — Это не первое мое погружение.

— Знаю, но у меня какое-то нехорошее предчувствие.

Дамона рассмеялась, но смех получился несколько неестественным.

— Ты же знаешь, что я сама должна идти под воду. Было бы совершенно бессмысленно, если бы «ведьмино сердце» искал ты или кто-нибудь другой. Все ныряльщики мира не нашли бы этот камешек в подобной похлебке. Так что пожелай мне удачи и жди.

Майк покачал головой и отошел назад. Он знал, что Дамона права, и никогда бы не дал согласие на это рискованное предприятие, если бы имелась другая возможность найти камень. Только сверхчувствительность Дамоны могла помочь ей отыскать свой амулет.

Дамона натянула маску, сунула в рот мундштук и повернула вентиль кислородного баллона. Воздух был пресным, горьким и отдавал металлом. Она еще раз провела по краю маски, чтобы убедиться, что та сидит плотно, повернулась и неловкими шагами пошла к причалу.

Вода лежала на метр ниже причала. По ее поверхности плавали грязь и пыльные нефтяные пятна, и на какой-то миг Дамона даже на суше почувствовала, насколько вода холодна.

Наушник в ее правом ухе затрещал и ожил.

— Вы скоро, мисс Кинг?

Дамона невольно подняла взгляд и попыталась найти водолаза в воде рядом с причальной стенкой. Голова Сэгиттера, как пробка, торчала из воды в нескольких метрах от нее. Рядом с ним покачивался кусок серой, неопределенной массы.

— Я готова, — ответила Дамона.

— Тогда вперед, — в голосе Сэгиттера проскользнула нотка мягкого упрека. — Теплее не станет, если вы будете торчать там.

Дамона кивнула, закрыла глаза и кубарем полетела в воду.

Мгновенно ее охватил холод. Она охнула, отчаянно глотнула воздух и едва не потеряла мундштук, на несколько секунд совершенно утратив ориентировку. Она отчаянно боролась, била ногами и, наконец, задыхаясь, снова очутилась на поверхности.

— Очень впечатляюще, — раздался в наушниках голос Сэгиттера, — но не слишком умно.

— Знаю, — смущенно призналась Дамона.

— Так и должно быть, — серьезно сказал Сэгиттер. — Никогда не прыгайте в воду, не убедившись, что под вами находится. С таким же успехом вы могли упасть на какое-нибудь препятствие. Идемте дальше?

— Да, только помедленнее.

Сэгиттер тихонько рассмеялся.

— Будет еще холоднее, когда мы спустимся глубже, но к этому можно привыкнуть. Включайте лампу и идите ко мне.

Дамона нащупала увесистый фонарь, тонкой цепочкой прикрепленный к ее поясу, включила и равномерными толчками ласт двинулась к Сэгиттеру.

Холод был свирепым. У нее появилось ощущение, будто она медленно превращается в ледышку.

— Мы сейчас прямо над обломками, если ваши сведения верны, — сказал Сэгиттер. — Оставайтесь пока рядом со мной и подумайте о том, что мне не надо доказывать, как хорошо вы умеете нырять. Единственное, чего я от вас требую, это чтобы вы не заболели и живой поднялись наверх. Тем более, что я получил еще не весь свой гонорар, — шутя добавил он. — А теперь вниз.

Он нырнул. Свет его фонаря исчез почти мгновенно. Даже луч от его фонаря терялся в нескольких метрах в мутно-серой пелене.

Сэгиттер плыл меньше чем в метре от нее, но если бы не его фонарь, Дамона не увидела бы его даже на таком расстоянии.

— Есть! Вон, внизу!

Сэгиттер взволнованно указал рукой на вытянутую тень, которая начала обозначаться в серой бесконечности под ними. Голос его звучал здесь, внизу, иначе и походил на резкое кваканье.

— Оно лежит на боку, — продолжал он, когда они приблизились и смогли получше рассмотреть судно. — Нужно получить солидный удар, чтобы так опрокинуться. Вы знаете то место, где обрости свою вещицу.

Дамона обратила внимание на незаметную дрожь в его голосе.

— Приблизительно. Гораздо дальше впереди, во всяком случае. Оно должно находиться под одной из средних палуб.

— Будем надеяться, что течение не причинило слишком больших беспорядков, — проворчал Сэгиттер.

Он поплыл быстрее, отстегнул фонарь и медленно повел лучом по курсу движения. Вскоре луч уперся в корпус судна.

Дамона почувствовала, как в ней поднялось странное беспокойство при виде этих обломков.

Прошло всего три дня со времени их героического сражения с Хирлетом на этом судне, а выглядело оно так, словно пролежало здесь больше столетия.

Луч фонаря осветил открытый люк. Бездонная дыра была полна теней. Дамона невольно вздрогнула.

— Как вы хотите проникнуть в судно? — чуть заикаясь, спросила она.

Сэгиттер на мгновение задумался.

— Посмотрим, открыт ли грузовой люк, — сказал он. — У меня нет особого желания плыть через каюты. Там болтается слишком много хлама. Обращайте внимание на кабели, канаты и разные обломки. И не впадайте в панику, если зацепитесь.

Обломки судна медленно скользили под ними. Время от времени световой конус фонаря выхватывал из темноты бесформенные комки серой массы, водоросли и гнилые отбросы. Один раз Дамона чуть не вскрикнула от ужаса, когда течение притащило к ней нечто похожее на человеческую руку, но потом различила, что это всего лишь обрывок материи. Однако, этот инцидент послужил ей предостережением. Она должна быть готова к самому худшему, когда они проникнут на судно.

37

Ты, должно быть, сошел с ума, — тихо сказал Сильсон. — Целиком и полностью выйти сейчас, да?

Он яростно затаился, страхнул пепел в приоткрытое окно и несколько секунд молча глядел в темноту за лобовым стеклом. Огонек сигареты отражался в грязном стекле и равномерно освещал красноватый светом его лицо.

— Ты должен меня понять, — нервно сказал Дэрек. — Я...

— Ха! — усмехнулся Сильсон. — Понять! Уже три дня я ломаю голову. Я применил все средства, и ты думаешь, что я должен тебя понять?

Дэрек Джонс неожиданно вспотел. Он беспокойно заерзал на сидении «форда», нервно сжимая руки, и тщетно пытался устоять перед сверлящим взглядом Сильсона.

— Пит, — пробормотал он, — я...

— Послушай-ка, — перебил его Сильсон, — ты хочешь мне все испортить что ли? — На этот раз его голос звучал угрожающе.

Дэрек сглотнул.

— Ты, собственно говоря, знаешь, сколько денег я уже вложил в это предприятие? — продолжал Сильсон. — Как

же я могу упустить такой случай? Такой подарок получают лишь раз в жизни, малыш, и я не намерен от него отказываться. Кроме того, я дал обещание и не могу отступить. И ты тоже.

— Я понимаю, — тихо сказал Дэрек. — Просто это дело слишком крупное для меня, Пит.

— Слишком крупное! — Сильсон грубо захохотал. — Или, может, ты хочешь провести остаток жизни, взламывая сигаретные автоматы и обирая богатых туристов с континента?

— Во всяком случае, я хочу провести остаток жизни не в тюрьме! — взорвался Дэрек. — Черт тебя побери, Пит, до сих пор мы занимались проделками, которые под стать глупым юнцам, но то, что ты...

— Ты уже говорил, — проворчал Сильсон. — Прошло время, когда ты рос, малыш. Полчаса работы, и мы обеспечены на следующие полмесяца, а может, и дольше. Этот Смит платит чертовски хорошо. И он очень разозлится, если мы не выполним поручение.

— Я не хочу, Пит, — продолжал Дэрек, но голос его потерял решительность, поэтому слова звучали не так правдоподобно. — Я возьму твои убытки, и мы забудем это безумие...

— Возместишь мои убытки? — язвительно спросил Сильсон. — Я пошлю Смита к тебе, если он появится, так?

Дэрек изворачивался, как придавленный червяк.

— Пит, все-таки подумай, — умоляюще сказал он. — Ведь там солдаты, они мешкать не будут. Кроме того, это предательство, измена Родине!

Сильсон ошеломленно охнул. Его нижняя челюсть отвалилась, несколько секунд он оцепенело глядел на своего партнера, как будто серьезно сомневаясь в его нормальном душевном состоянии.

— Измена Родине? — растерянно повторил он. — Ты не выведешь меня из себя. Я не верю тебе, малыш. Ты боишься, вот и все. А русским и без того известен «фантом», будь уверен.

— Тогда почему Смит так хорошо платит за несколько обломков?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Сильсон. — Ладно, конец дискуссии. Пора начинать.

— Но...

— Никаких «но». Пусть ты наделаешь в штаны, но теперь заткнешь свою пасть и выполнишь то, о чем мы договаривались, — грубо сказал Сильсон.

Он загасил сигарету в пепельнице, обернулся и взял с заднего сидения ободранную сумку. Когда он ее поднял, в сумке тихонько звякнуло.

Дэрек нерешительно взял свою куртку.

— У меня нехорошее предчувствие, — сказал он, но, несмотря на это, открыл дверцу ветхого «форда», вылез и натянул куртку. Его взгляд бродил между плотно стоящими деревьями, за которыми они спрятали машину, и пытался в темноте проникнуть на ту сторону склона.

Дэрек знал все окрестности. За последние три дня они были здесь, по меньшей мере, раз десять, и в первый раз едва ли через час после падения самолета, но все равно позже полиции и военных, которые успели оцепить горящие обломки.

Катастрофа вызвала волнение не только в его родном муниципалитете Симервиль. Упавший здесь «фантом» принадлежал к первому поколению летающих боевых компьютеров. Если верить прессе и радио, это была вообще первая машина такого типа, которая разбилась. Поэтому не было ничего удивительного, что военные сразу же оцепили место падения и окутали все это дело покровом тайны.

Дэрек не понимал только одного — почему обломки так долго не убирают. Среди населения ходили различные слухи, будто машину увел русский агент или что самолет сбил НЛО. Но даже если это наполовину соответствовало действительности, то наверняка было неблагоразумно приближаться к обломкам. Но Дэрек также знал, что не может повернуть назад, хотя сам не понимал, что толкнуло его на эту авантюру.

Сначала он не принимал этого всерьез, а когда понял, что Сильсон действительно планирует пробраться к обломкам и взять пару образцов, которые он надеялся продать за большие деньги, было уже поздно давать задний ход.

— Вперед, — раздался рядом голос Сильсона.

Дэрек застегнул «молнию» темно-коричневой куртки, натянул перчатки и, крадучись, двинулся за ним. Мягкая лесная почва заглушала шаги, а темная одежда делала обоих почти невидимыми.

Хотя место падения было окружено сплошной сеткой и постоянно охранялось, им, в результате трехдневных наблюдений, удалось установить, что посты не очень бдительны. Вскоре после полуночи часовые уходили во временный барак выпить кофе и перекинуться парой слов. А им и не требовалось больше времени.

Связной Смита достаточно точно описал место в обломках, где они должны искать нужные предметы. От машины осталось не слишком много, но специалисту даже оплавленная трубка может дать богатую информацию.

Дэрек попытался утешиться мыслью, что они утащат лишь немного железного лома.

Они подкрались к опушке леса и остановились под защитой последних деревьев. Сильсон приложил палец к губам, последний раз предостерегающе посмотрел на Дэрека и достал из сумки полевой треножник. На него он установил бинокль, поспешно настроил резкость и больше минуты всматривался в темноту.

— Все в порядке, — шепнул он. — Наши храбрые мальчики сидят в бараке, и дельце может пройти. — Он ухмыльнулся, убрал треножник, поднял сумку и сделал приглашающий жест. — Теперь вперед.

Дэрек с трудом кивнул и побежал. Хотя расстояние было не больше пятидесяти метров, ему казалось, что он бежит целую милю. Инструменты в сумке Сильсона так гремели, что этот звук, казалось бы, должен был взбудоражить весь Симервиль, и каждое мгновение Дэрек ожидал, что распахнутся двери барака и выскочат вооруженные солдаты, крича: «Стой! Стрелять буду!»

Но они беспрепятственно достигли ограждения. Сильсон опустился на колени, торопливо расстегнул сумку и вытащил почти метровый резак.

— Будь внимателен! — прошипел он.

Дэрек кивнул, полуобернулся и горящими глазами уставился на низкий зеленый барак. В узких окнах горел свет, а время от времени он видел за ними смутные силуэты. За его спиной раздавалось тихое звяканье, когда Сильсон резал провололочное ограждение. Время словно остановилось. В животе Дэрека распространилась какая-то слабость.

— Готово, — шепнул Сильсон. — Вперед!

Дэрек нехотя повернулся, заставил себя опуститься на колени и пополз за Сильсоном через дыру в сетке. Внезапно у него появилось чувство, что они преодолели не только сетку, но и вторую, невидимую границу.

То, что они делали до сегодняшнего вечера, было детскими штучками. Теперь же дело обстояло совершенно иначе. Если их поймают, то ближайшие десять лет они проведут в каторжной тюрьме, если солдаты не пристрелят их сразу.

Сильсон коснулся его руки и указал ровный илистый кратер впереди.

«Фантом» взорвался, как бомба, и перекопал поле на большом расстоянии вокруг себя. Земля выглядела обожженной, под ногами хрустели обломки.

Они осторожно двинулись дальше и остановились в нескольких метрах перед обугленным корпусом самолета.

Обломки машины едва ли имели еще сходство с первоначальным объектом. Треугольные крылья были сорваны и смяты, как бумага, а там, где должны находиться двигатели, зияла черная, обожженная дыра с рваными краями.

Дэрек вздрогнул. На какое-то мгновение ему показалось, что идет война. С трудом оторвавшись от ужасного зрелища, он вслед за Сильсоном забрался в пилотскую кабину. Его поразили маленькие размеры кабины. Пилот вынужден тесниться в ней, как пресловутые сардины в банке. Но, в конце концов, кабина была сконструирована не для прогулок.

Кабина полностью сгорела. Приборная доска была расколота и наполовину расплавлена, из разорванных внутренностей машины торчала неразбериха проводов, кабелей и электронных элементов.

— Однако, все это лишь куча хлама! — проговорил Дэрек. — Нужно убираться отсюда, Пит.

Сильсон со злостью покачал головой и включил карманный фонарик. Тонкий желтый луч, дрожа, ощупал пол кабины.

— Заткни свою пасть, — тихо сказал он. — Я знаю, где искать. Лучше следи, чтобы нас никто не увидел. Я сейчас!

Он порывлся в сумке, вытащил отвертку, маленький красный резак и начал ловкими движениями копать в приборной доске. Казалось, он точно знает, что ищет.

Беспокойство Дэрека росло. Ему с трудом удалось подавить бурливший внутри страх. Они находились в оцепленной зоне лишь несколько минут, но ему казалось, что прошло много часов. Часовые могли вернуться каждое мгновение.

Сильсон тихонько выругался и, охнув, выпрямился. На его лбу блестел пот.

— Крепко сидит, зараза.

— Да брось ты ее. Мы...

— Ты не прав! — зашипел в ответ Сильсон. — За эту штуку мы получим триста фунтов. Ты что, думаешь, я стольким рискнул, а теперь уйду с пустыми руками? Дай молоток.

Дэрек вздрогнул.

— Какой...

Сильсон оттолкнул его, полез в сумку и вытащил молоток.

— Нет! — выдохнул Дэрек. — Они услышат!

— Единственное, что они могут услышать, так это твое нытье, — яростно прошипел Сильсон.

Он поднял молоток и со всей силы опустил на приборную доску. Раздался резкий звон, который прозвучал в ушах Дэрека артиллерийским выстрелом. Он повернулся и уставился на барак охраны, в то время как Сильсон продолжал стучать по приборной доске.

— Прекрати! — дрожащим от страха голосом сказал Дэрек.

«Они могут услышать», пронеслось в голове. Но солдаты не появлялись, все было тихо.

— Готово! Она у нас!

Сильсон уложил молоток и другие инструменты в сумку, с облегченным вздохом выпрямился и осмотрелся в кабине в поисках чего-нибудь еще.

— Вот это может быть интересно. — Он нагнулся, включил фонарик и направил луч на полувырванный из гнезда прибор с разбитым стеклом.

— Ради бога, Пит, скорее! — взмолился Дэрек.

Сильсон посмотрел на него. Злобная усмешка скользнула по его лицу.

— Что, наложил полные штаны?

Дэрек с усилием сглотнул.

— Да, — сказал он. — Мы здесь уже слишком долго. Ты же нашел, что искал, теперь можно сматываться. Часовые каждое мгновение могут вернуться. Они, в конце концов, не слепые.

Сильсон покачал головой, одним движением вырвал прибор и, вздохнув, поднялся.

— Честно говоря, я не знаю, почему вожусь с тобой, — сказал он. — Если боишься, тогда ты должен... А это что?

Он нагнулся, покопался в слое пепла, разбитого плексигласа и обломков и, наконец, достал плоскую металлическую папку. Тонкий слой кожи, который когда-то ее покрывал, обуглился и обгорел, но папка, казалось, не была даже повреждена.

— Возьмем ее с собой, — сказал Сильсон. — В ней наверняка что-то ценное, секретные документы или что-нибудь в этом роде. Мистер Смит, возможно, заплатит нам кое-что еще.

Он хотел сунуть папку в руки Дэреку, но тот отступил на шаг.

— Папка очень тяжелая. У нас и так больше, чем нужно. Пора удирать. Может, в ней только карта местности или бутерброды пилота.

— Такоеместилище используется для важных документов, — продолжал настаивать Сильсон. — Я уже видел когда-то такую папку. Она надежна, как сейф, и нескораема. Ну-ка, бери ее. А теперь собирайся, будем уходить.

Ни один из них не подозревал, что они уносят с собой нечто худшее, чем смерть.

38

Мужчина тщательно спрятал полевой бинокль под куртку и взглянул прищуренными глазами в темноту. Бинокль был не простой. Это был тяжелый, громоздкий инструмент с остаточным усилителем и мощной оптикой. Такие обычно используют космонавты, военные и тайная полиция. Он не мог принадлежать простому человеку, но этот мужчина обладал целым набором специальных инструментов, которые весьма бы заинтересовали полицию и тайную службу.

Он повернулся и, без особой спешки пройдя к опушке леса, почти бесшумно исчез в подлеске.

Несколькими секундами позже он открыл дверцу черного «форда», который с непогашенными фарами стоял на узкой лесной дороге.

— Ну, Торнтон? — спросил мужчина, сидевший за рулем.

Это был стройный, темноволосый человек южного типа. Сильсон знал его под именем Смит, но это имя было таким же фальшивым, как и Боландер, которым он пользовался в США, Фердинанд Кроль в Германии, Генри Асмьер во Франции. В действительности этот тридцатилетний мужчина был лучшим агентом КГБ на Западе и звали его Борис Держанович.

Торнтон с облегченным вздохом опустился на сидение и достал ремень безопасности.

— Она у них, — пробормотал он. — Я, правда, не разобрал, что они взяли, но что-то уложили в сумку. Кроме того, они нашли еще нечто похожее на чемоданчик.

Смит усмехнулся.

— Ты считаешь, что это было бы рискованно?

— Я по-прежнему так думаю, — ответил Торнтон.

Смит нагнулся и повернул ключ зажигания. Машина ожила.

— Я всегда против любителей — это опасно.

Смит равнодушно пожал плечами и тронул машину.

— Иногда необходимо избирать новый путь, мой дорогой, — насмешливо проговорил он. — Я описал этому Сильсону прибор, который нам нужен, достаточно точно. Дешевле мы бы наверняка не получили его никогда.

Лицо Торнтона потемнело.

— Ты думаешь? Английская тайная служба, может быть, и глупа, но не настолько. Не пройдет и двух дней, как они заполучат обоих мальчиков.

Смит на мгновение задумался.

Машина пошла быстрее, через некоторое время свернула на главную улицу и помчалась, когда Смит выжал педаль до предела.

— Возможно, — проворчал он, наконец. — Но мы возьмем прибор еще сегодня, а потом у них не будет больше случая болтать...

39

Стало еще темнее, когда они проникли в обломки судна. Серые сумерки, которые царили снаружи, остались позади и уступили место полной темноте.

Сердце Дамоны невольно забилось быстрее, и, хотя она сопротивлялась, стала чувствовать, как в ней поднимается панический страх.

Они обогнули обломки и вернулись к открытому люку, который обнаружили в самом начале. Сэгиттер медлил вплыть внутрь. Он предпочел бы проникнуть в судно через большее отверстие, но все грузовые люки были закрыты, а за пятиметровой рваной, зазубренной трещиной, пробитой взрывом в корпусе, лежал непроходимый лабиринт из разбитых и перепутанных обломков, кабелей и проводов. Это была смертельная ловушка, из которой они бы не выбрались.

— Где мы? — спросила Дамона.

Сэгиттер немного помедлил. Луч его фонаря скользнул по стене, на мгновение повис в открытом проеме, затем двинулся по полу, который, правда, поскольку судно лежало на боку, представлял собой правую стену.

— Середина корабля, — невнятно пробормотал он. — Во всяком случае, примерно. Нам нужно к корме, не так ли?

Дамона кивнула, хотя вряд ли Сэгиттер мог видеть ее движение.

— Я боюсь, — сказала она.

Сэгиттер тихонько рассмеялся.

— Бойтесь? Я вас предупреждал. Залезть в такое затопленное судно сможет не всякий. Мы еще можем вернуться.

— Нет, — возразила Дамона. — Сейчас, пожалуй, немного тревожно, но все худшее позади.

Водолаз бросил на нее короткий взгляд и одобрительно кивнул. Его лицо нельзя было разобрать за блестящим стеклом маски.

Дамона в который раз восхитилась элегантностью, с какой двигался Сэгиттер. На земле он выглядел маленьким, невзрачным и немного неловким, а под водой совершенно преобразался. Он плясал в воде, как рыба, каждое движение говорило о том, что его родная стихия вода, а не земля. Постепенно Дамона начала понимать, почему ей порекомендовали этого человека.

— Там лестница, — указал вперед Сэгиттер.

На какое-то время Дамона потеряла ориентировку. Судно лежало на боку, и все опрокинулось на девяносто градусов, все выглядело на редкость чуждо и причудливо.

Желтый свет фонаря Сэгиттера ощупал тонкую металлическую сетку лестницы, ведущей внутрь судна. Бледный серый туман из прыгающих, танцующих пылинок и хлопьев выхватывался лучом фонаря, так что тьма по другую сторону лестницы находилась в постоянном беспорядочном движении.

— Хотел бы я знать, что это за муть, — прозвучал в наушниках голос Сэгиттера.

— Где?

— Вон там — серая грязная муть. Она плавает повсюду. Это бросилось мне в глаза еще снаружи. Она как будто лезет из судна.

Дамона тоже заметила серые, грязные сгустки еще по пути к обломкам, но подумала, что это обычная грязь, которую можно найти повсюду в акватории Лондонского порта.

— Ничего удивительного, что наша река медленно гибнет, — продолжал Сэгиттер. — На судах перевозят огромное количество грязи, и никто не заботится, если груз пропадает или его, недолго думая, выбрасывают за борт. Я здесь, внизу, на-

ходил такие вещи... — Он вздохнул, замолчал и взялся правой рукой за поручень лестницы, чтобы залезть по ней.

Дамона следовала за ним на небольшом расстоянии. Давящее чувство страха словно усиливалось по мере того, как они продвигались вниз. Вода казалась еще холодней, чем снаружи. Дамона тщетно пыталась хоть что-нибудь разобрать в этом месиве, но не различала ничего, кроме тьмы. Она невольно тряхнула головой, пытаясь отогнать гнетущие мысли, но это не помогло.

Она подплыла к лестничной шахте, перебралась через короткий, усеянный множеством острых обломков коридор и поднырнула под наполовину сорванную с петель дверь. Свет ее фонаря внезапно потерялся в темноте.

— Главный коридор, — объяснил Сэгиттер. — Он проходит через все судно. Нам нужно налево. — Он немного помедлил, коснулся ее руки и на мгновение направил фонарик ей в лицо. Дамона заморгала. — Теперь лучше плывите вперед вы, — продолжал Сэгиттер. — Коридор достаточно высокий, никакой опасности нет, что вы где-нибудь застрянете. Но все-таки поосторожнее. Я все время буду рядом с вами.

Дамона вытянула руку и подняла вверх большой палец — международный жест ныряльщиков «все в порядке».

Сэгиттер еще раз указал в направлении кормы, отступил и подождал, пока она проплывет мимо.

Они находились неподалеку от того места, где погиб Хирлет. Дамона отметила еще одну странность: за все время их путешествия по затопленному судну они ни разу не встретили остатки кукол Хирлета, хотя судно буквально кишело ими, но сейчас оно выглядело пустым. Дамона видела только черную воду, пронизанную серой пушистой массой. Серая слизь, казалось, была повсюду. Она сочилась из-под дверей, лилась из открытых люков и большими клубящимися облаками поднималась из глубины судна. Слизи становилось тем больше, чем ближе Дамона приближалась к корме.

Дамона протянула руку и попыталась поймать комочек, хотя все в ней противилось этому. На ощупь комочек был мягким и скользким, как грязная вата, пропитанная водой.

— Хотел бы я знать, что это за гадость, — сказал еще раз Сэгиттер. — Вы знаете, что это?

— Нет.

Голос Дамоны прозвучал слегка неуверенно. Но если Сэгиттер и заметил легкое колебание, то молча пропустил мимо ушей.

Дамона выбрала его не только как опытного ныряльщика, но и как человека, который умеет молчать и не задает лишних вопросов. У нее мелькнула мысль, откуда появилась серая слизь, но мысль настолько фантастичная, что она не рискнула высказать ее вслух.

Они поплыли дальше.

Коридор казался необычно длинным, но это, скорее, зависело от нервов. Когда они были здесь в последний раз, шла борьба за жизнь, и у Дамоны не было времени рассматривать окружающую обстановку.

— Впереди что-то есть, — через некоторое время сказала она.

Сэгиттер играючи, одним движением ласт оказался рядом с ней и тоже направил луч фонаря на разбитую лестницу. Металл был покорежен и обожжен, а зазубренная дыра внизу выглядела, как жерло потухшего вулкана.

Дамона ужаснулась. На какое-то время перед глазами встало лицо Хирлета, когда он пытался подняться по лестнице, а взрыв смертоносного пара сбросил его вниз. Это была не лучшая смерть. Хирлет являлся ее врагом, человеком, который убил бы Дамону, если бы нашел такую возможность, и несмотря на это, она не испытывала торжества или облегчения. У нее появилось чувство, что Хирлет мог быть игрушкой в чьих-то руках, так как черное имя не в первый раз уже прикрывалось невинными.

— Что с вами? — спросил Сэгиттер.

Дамона вздрогнула. Она лишь сейчас заметила, что стоит на краю рваной дыры и, как загипнотизированная, смотрит в глубину.

— Вы боитесь?

Дамона молча кивнула. Какая-то опасность подстерегает ее внизу, это явно чувствовалось. Эти обломки не мертвы, как казалось.

— Если хотите, я нырну вниз один, — сказал Сэгиттер. — Можете подождать меня здесь.

Дамона покачала головой.

— Мы уже говорили об этом, — запинаясь, сказала она. — Уже недалеко. Вещь, которую я ищу, должна быть внизу.

— Здесь? — На этот раз в голосе Сэгиттера послышалось явное сомнение. — Под палубой находится машинной отделение. Судя по тому, как все это выглядит, внизу царит страшный беспорядок.

Вместо ответа Дамона направила луч фонаря в глубину и неестественно спокойно поплыла вперед.

Облака серых хлопьев поднимались ей навстречу. Тусклый луч фонаря ощупал лопнувшие трубы и разорванный бак, затерявшись где-то под ними в чередовании тьмы и серой слизи.

Кусок скользкой серой массы коснулся ее маски и зацепился за шланг кислородного баллона. Дамона с отвращением отпихнула его и поспешно протерла стекло. Серая слизь вздрогнула и затряслась, как будто наполненная внутренней мощью.

На короткий ужасный момент Дамона почти поверила, что различила нечто вроде вытянутых щупалец, как будто скользкая масса изо всех сил пыталась вцепиться в нее. Но, возможно, все дело было только в напряженных нервах.

— Куда теперь? — дошел до ее сознания голос Сэгиттера. — Машинное отделение чертовски большое, знаете ли. Не имеет особого смысла рассчитывать здесь на удачу.

— Это должно быть где-то здесь, внизу, — запинаясь, ответила Дамона. — Хирлет упал в эту дыру, когда разорвался пол.

— И теперь вы думаете, что это лежит прямо под вами? — вздохнул Сэгиттер.

— Я надеюсь.

— А вы представляете, с какой силой течет вода в затонувших кораблях?

Из предосторожности Дамона отказалась от ответа. Водолаз был прав. В обычных условиях такое предприятие было лишено всякого смысла. В этом хаосе невозможно было найти вещь, размеры которой не превышали детский кулачок, но Дамона рассчитывала на свою сверхчувствительность.

— Ждите здесь, — сказала она. — Я уверена, что знаю, где нужно искать.

Она, наконец, освободилась от сгустка слизи, погрузилась глубже и осветила пол лучом фонаря.

Ей открылось причудливое зрелище. Дамона ждала больших разрушений, но то, что ей открылось, превзошло даже самые худшие ее ожидания.

Машинное отделение было разнесено вдребезги. Взорвавшийся паровой котел вызвал цепную реакцию. Машины стояли разрушенные. Провода и трубы были спутаны в немыслимый клубок, а сантиметровой толщины листы разорваны и смяты, как бумага. На полу лежал тонкий, напоминающий туман слой.

Дамона проплыла немного вправо и попыталась устроиться так, чтобы какой-нибудь обломок не повредил кислородный шланг. Она заставила себя опуститься ниже, погрузилась до лодыжек в серую слизь и, наконец, коснулась пола.

— У вас все в порядке? — раздался голос Сэгиттера.

— Да, — ответила Дамона. — Но я была бы вам очень благодарна, если бы вы немного помолчали. Я должна сосредоточиться.

— Охотно, но...

Не долго думая, Дамона выключила переговорное устройство. Ей была необходима тишина.

Она закрыла глаза, нащупала руками надежную опору и попыталась сосредоточиться. В первый момент она ничего не почувствовала, но потом ощутила прикосновение чего-то мягкого, бестелесного, легкого и одновременно бесконечно сильного. Она вздрогнула, как от удара электрическим током. Внезапно она поняла, что глухое, беспокойное чувство, которое испытывала все время, исходит не только от таинственного скружения, холода и воспоминаний.

Судно не было мертво. Хирлет и его куклы могли умереть, но осталось что-то бестелесное и злое, что гнездилось здесь и, как терпеливый хищник, подстерегало жертву.

Дамона ужаснулась. Страх поднялся в ней еще сильнее и интенсивнее, чем прежде. У нее появилось чувство, что необходимо как можно быстрее выплыть отсюда. Она немного переждала и попыталась еще раз. Ее скрытые силы были уже не то, что прежде, но их должно хватить, чтобы отыскать «ведьмино сердце».

Но этот раз прикосновение было другим — не мягкое и ощупывающее, а требовательное. Невидимая мысленная вол-

на, которая билась в ее душу и угрожала унести с собой. Что-то злое и смертельно опасное окружало ее.

Дамона тихонько рассмеялась. На какой-то миг она подумала, что не сможет остановить наступление чужих сил. Потом, так же внезапно, как начался, приступ оборвался.

Дамона немного помедлила, прежде чем продолжать поиски.

Что-то коснулось ее плеча.

Это был Сэгиттер. Он резко жестикулировал, качая головой и показывая на наушники.

Дамона сердито повернулась и сделала ему знак подождать где-нибудь в сторонке. Сэгиттер еще некоторое время жестикулировал, потом пожал плечами и яростным движением отплыл прочь.

Дамона снова сосредоточилась. Ее взгляд ощупывал пол, покрытый обломками и грязью, но она сосредоточилась не на оптических впечатлениях, а на том, что сообщали ее колдовские чувства. Камень был здесь, совсем рядом, она чувствовала это. Дамона сделала осторожный шаг, остановилась, сделала два-три шага вправо. Ее движение подняло целое облако серой слизи, и снова возникло чувство, что эта масса реагирует на ее присутствие.

Ей стоило большого напряжения отогнать это чувство и сконцентрироваться на камне. Сейчас она находилась совсем рядом с ним. Дамона осторожно опустила на колени, вытянула руки и аккуратно ощупала пол.

Снова взвилось облако серой слизи, заколебалось на уровне ее груди и тонкий липкой пленкой легло на стекло ее маски.

Дамона закрыла глаза, подавляя подступившую тошноту, и продолжала поиски. Ее пальцы скользнули по чему-то твердому, маленькому, круглому.

Это был камень!

Дамона облегченно вздохнула. Ее рука схватила «ведьмино сердце», осторожно вытащила из сплетения обломков и прополоскала в воде, чтобы смыть липкий серый налет.

Дамона еще немного посидела неподвижно, потом надела на шею тонкую цепочку, к которой крепился талисман, и встала. Подняв руку, она включила переговорное устройство и нажала кнопку вызова.

— Простите, что я была так невежлива, мистер Сэгиттер, но я нашла то, что искала. Мы можем всплывать.

Ответа она не получила. В наушниках раздавался лишь фон электромагнитных волн. Дамона подождала еще несколько секунд, снова нажала кнопку вызова и еще раз позвала Сэгиттера.

Ответа не последовало и на этот раз. То ли Сэгиттер выключил переговорное устройство, то ли больше не мог отвечать.

Дамона озабоченно подняла фонарь и повела лучом по помещению. Повсюду была серая пушистая слизь, которая мягко двигалась взад-вперед, образуя причудливые картины и тут же распадаясь. И никаких следов Сэгиттера.

Дамона взялась за переговорное устройство и изменила частоту.

— Майк! Это Дамона! Отвечай!

И здесь в ответ раздался лишь треск в наушниках. Вероятно, мощности передатчика не хватало, чтобы пробиться сквозь корпус судна.

Дамона повернулась, направила фонарь вверх и попыталась найти выход. Вода был мутной. Движения Дамоны взбудоражили столько серой гадости, что видимость терялась уже в нескольких сантиметрах. Она еще раз вызвала Сэгиттера и оттолкнулась от пола. Помещение показалось ей выше, чем несколько минут назад. Казалось, прошли часы, прежде чем над ее головой оказался потолок. Она протянула руку, ухватилась за выпирающую металлическую болванку и двинулась на руках в направлении предполагаемого выхода.

Что-то большое и бесформенное вынырнуло из бурлящей массы. Дамона коротко вскрикнула, узнав костюм Сэгиттера. Водолаз как-то неестественно плыл на нее. Его руки и ноги слабо колебались, а тело располагалось под совершенно непостижимым углом.

Дамона нехотя протянула руку, взяла Сэгиттера за кисть и потянула к себе.

Тело начало вращаться, ударилось о потолок и снова повернулось от течения. Из заднего вентиля кислородного баллона поднималась струйка маленьких пузырьков. По крайней мере, он еще дышал.

Дамона несколько раз ударила ластами, чтобы сохранить нужное положение, схватила Сэгиттера за плечи и развер-

нула к себе. Сердце ее прыгнуло болезненным ударом, потом забилося сильнее и яростней, когда ее взгляд упал на маску Сэгиттера.

За блестящим стеклом было не лицо, а только бурлящая серая слизь.

40

Ты не находишь, что они внизу слишком долго? — спросил Майк.

Голос его звучал озабоченно, а взгляд все время скользил по свинцово-серой поверхности акватории, как будто он мог разглядеть, что происходит под ней.

— Восемнадцать минут, — ответил Мюррей, взглянув на часы.

Майк изумленно уставился на него.

— Ты уверен?

— Я заметил время, когда они начали погружение.

— Мне показалось, что дольше, — пробормотал Майк.

— Мне тоже, — после некоторых колебаний признался Мюррей. — Но нам нужно набраться терпения. У них кислорода на полтора часа. Возможно, среди обломков двигаться трудно и опасно.

— Верно, — кивнул Майк.

— Сэгиттер знает свое дело. Он лучший водолаз, какой только есть на пятьсот миль вокруг. Ты можешь не беспокоиться.

Майк вздохнул, еще раз посмотрел на поверхность воды и, покачив головой, пошел обратно к машине.

— Все это чистое безумие, — проворчал он. — Я никогда бы не дал своего согласия.

— Она все равно бы нырнула, — отозвался Мюррей, — и вероятнее всего, одна. Тогда бы ты имел основания беспокоиться.

Майк рывком открыл дверцу машины, кряхтя, перегнулся через сидение и достал из бардачка пачку сигарет.

— Я уже думал об этом. — Он щелкнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку. — Ты будешь?

Мюррей взглянул на предложенную пачку и покачал головой.

— Нет, спасибо. Я и так достаточно нервничаю.

Майк положил зажигалку в карман, сморщил лоб и почти укоризненно посмотрел на Мюррея.

— Я думаю, мы можем не беспокоиться, — передразнил он инспектора.

— Все же это не прогулка, — уступил Мюррей. — Но я не так беспокоюсь за Дамону — ведь она в надежных руках, — как меня тревожит Теракис. Он буквально исчез с лица земли.

Майк немного помолчал, затянулся и задумчиво посмотрел на небо. Горизонт начал темнеть, затягиваемый низкими, грязно-серыми тучами. Скоро должны наступить сумерки.

— Прошло всего три дня, — сказал он, — а Лондон большой.

Мюррей засопел.

— Ты хотя бы имеешь представление, что может Скотланд-Ярд, если захочет?

Майк вынул изо рта сигарету и усмехнулся.

— Это можно понимать так — работать в обычных условиях вы не хотите!

— Чепуха! — фыркнул Мюррей. Казалось, его чувство юмора за последнее время сильно пострадало. — Но ведь Теракис не кто-нибудь, Майк. Для личности его калибра никакие издержки и затраты не играют роли. Могу заверить тебя, что мы практически поставили на голову весь район. Он просто исчез. Совсем.

— Может, он мертв?

— Едва ли. Найдены почти все жертвы Хирлета. Я не думаю, что он потрудились именно Теракиса доставить в другое

место. Теракис не мог покинуть город, если ты это предполагаешь.

— Что, собственно, в этом человеке такого важного?

— Что важного? — воскликнул Мюррей. — Ты это серьезно?

— А почему бы и нет? — невозмутимо сказал Майк.

— Потому что... — Мюррей оборвал себя, несколько секунд судорожно подыскивал слова, а потом начал все сначала, но сдержанным тоном: — Теракис не кто-нибудь, Майк. С одной стороны, он не гражданин Англии, а лишь приглашенный профессор. С другой стороны, у себя на родине он персона величайшего ранга. Если он так просто исчезнет, то поднимется суматоха, которую ты и представить себе не можешь даже в самых смелых предположениях.

— А с третьей?

— С третьей? Откуда ты взял, что есть третья сторона? Тебе не достаточно первых двух?

— И все же? — спокойно спросил Майк. — Я знаю тебя немного дольше и лучше, чтобы ты мог водить меня за нос. Теракис мог быть императором Китая, и ты не пошел бы на такие издержки, если бы не имел еще важной личной причины поговорить с ним. Итак, что скажешь?

Мюррей немного помялся, потом с фатальным вздохом пожал плечами.

— Причина — это, пожалуй, слишком громко сказано, — пробормотал он. — Скорее, предчувствие. Я уверен, что он больше знает о Хирлете, чем сказал нам. Я знаю это наверняка, но...

— А почему ты думаешь, что со смертью Хирлета не все закончилось? — спросил Майк.

— С чего это ты взял?

Майк сделал пренебрежительный жест, затанулся и поморщился.

— Кончай балаган, Бен. Для меня все это значит не меньше, чем для тебя. Номер, который снимал Хирлет, был несколько великоват для него. За последние три дня я, знаешь ли, основательно все обдумал. Имеется несколько вещей, в которых нет смысла. Например, нападение на военную базу в Арлингтоне. Что это значит? Ясно как божий день, что это

у него бы не прошло. И потом, дело с истребителем «фантом», о котором ты рассказывал мне...

— Чего я, собственно, не имел права делать, — пробормотал Мюррей.

Майк коротко усмехнулся и невозмутимо продолжал:

— Я не могу отделаться от чувства, что Хирлет, в конце концов, был тоже не больше, чем марионетка. Я почти уверен, что за ним кто-то стоит. Возможно, Теракис.

— По крайней мере, он знал, кто это, — кивнул Мюррей. — Я пришел к такому же заключению и поэтому очень хочу увидеть Теракиса. То, что он случайно оказался важной персоной, облегчает мне дело. Я могу использовать любые средства, чтобы найти его. — Несколько мгновений он задумчиво рассматривал носки своих ботинок, потом с разочарованным видом покачал головой и вытащил из кармана пачку сигарет. — Надеюсь, Дамона все же найдет камень, — пробормотал он. — Мысли, что тот, кто за все здесь ответственен, получит в руки талисман, хватит, чтобы я заработал пять дополнительных язв желудка... — Он попытался рассмеяться, но это вышло так натянуто и неестественно, что получилось скорее отвратительно, чем смешно. — Я... — Он замолчал, секунду пристально глядел прищуренными глазами на вход порта и вынул изо рта сигарету.

— Что с тобой? — спросил Майк.

Вместо ответа Мюррей взял его за руку, вытащил из машины и молча указал на реку.

Прямо перед входом в безветренную акваторию порта остановилась стройная, белоснежная моторная яхта из тех, что никогда не заходят в эту часть порта.

— Смотри! — удивленно выдохнул Мюррей.

— Что? — спросил Майк. — Не вижу ничего из ряда вон выходящего, кроме этой яхты.

— Вода!

Майк посмотрел и увидел то, что заметил Мюррей.

Серая поверхность воды повсюду была неподвижной и такой ровной, словно ее полили нефтью, и только под яхтой вода кипела и бурлила, будто на дне был гигантский кипятильник. Большой вялый пузырь поднялся на поверхность, беззвучно лопнул и образовал тонкую дымовую завесу, ко-

торая, несмотря на порывистый ветер, почти неподвижно висела над яхтой и рекой.

— Что это? — испуганно прошептал Майк.

— Не знаю, — отозвался Мюррей, — но мне это совершенно не нравится.

Он отпустил руку Майка, вернулся к машине и снял трубку радиотелефона.

— Что ты собираешься делать? — спросил Майк.

— Прикажу проверить, кому принадлежит эта яхта. Ты можешь разобрать название?

— Не точно, — ответил Майк. — Но я... — Он резко замолчал.

Серый туман над яхтой начал изменяться. Облако сжалось, образовало бурлящую воронку, потом форму, которая удручающе напомнила Майку кулак и, наконец, растянутую в ухмылке дьявольскую рожу.

— Боже мой, что это? — растерянно произнес Мюррей.

На яхте открылась дверь. Стройная, смутно различимая на таком расстоянии фигура вышла на палубу, на мгновение подошла к корме и повернулась к ним.

Яхта находилась более чем в двухстах метрах от причальной стенки, но у Майка появилось ощущение, что за ним пристально наблюдают.

Человек мгновение стоял неподвижно, затем поднял руку и сделал быстрый, решительный жест.

Облако над его головой среагировало на это.

Майк в ужасе наблюдал, как гигантское бурлящее основание снова распухло, сжалось и развалилось, чтобы сформировать дюжины три маленьких причудливых образований.

Майк заметил опасность слишком поздно.

Облако неожиданно рванулось ввысь, помчалось под крутым углом к автомобилю и опустилось, как рой хищных птиц, прямо на них.

В воздухе повисло глубокое вибрирующее жужжание, как от пчелиного роя.

В последний момент Майк бросился в сторону.

Одно из туманных образований промахнулось мимо него на сантиметр, задело крышу полицейской машины и свалилось с нее. Краска машины в том месте, где коснулось ее об-

лако, начала изменяться. Она стала коричневой и хрупкой, и рвалась, словно обгорела. Все длилось не больше секунды.

— Осторожно! — закричал Майк. — Эти штуки опасны!

Краем глаза он заметил движение, чисто инстинктивно увернулся, упал и отчаянным рывком вскочил на ноги.

Весь рой полупрозрачных туманных привидений набросился на него, но опять промахнулся на какие-то миллиметры.

Майк испуганно отшатнулся, увернулся от следующей прозрачной лапы и в отчаянии огляделся. Мюррей сделал единственно правильное — захлопнул за собой дверцу машины. Четыре-пять смертоносных облачка прилипли, как медузы, к стеклу машины, но были не в состоянии проникнуть через него.

Мюррей стал заводить машину. Мотор чихнул, заработал и тут же заглох.

Майк зигзагами побежал к складу на краю порта. Между зданиями он, возможно, и получил бы какой-нибудь шанс отделаться от этих дьявольских штук. На открытом же месте было лишь вопросом мгновений, когда его коснется одно из смертоносных облачков.

Позади него ожил мотор машины Мюррея.

Майк оглянулся через плечо, прыгнул вправо, чтобы уклониться от несущегося прямо на него облака, и в последний момент наклонился, когда три маленьких проворных образования, догоняя его, двинулись сразу с трех сторон.

Взвизгнули покрышки полицейской машины, когда Мюррей нажал на газ и рванул машину мимо Майка. Весь рой серых образований последовал за автомобилем, как выводок маленьких, алчных, хищных рыбешек.

Мюррей затормозил, развернул машину и, резко нажав на тормоза, остановился.

— Нет! — испуганно закричал Майк, сообразив, что тот собирается делать.

Но было слишком поздно.

Мюррей решительно перегнулся через сидение и распахнул дверцу.

У Майка не было ни малейшего шанса добраться до машины. Три-четыре дьявольских облака пронеслись мимо него, скользнули в широко распахнутую дверцу и набросились на Мюррея. Тот вскрикнул и стал панически отбиваться.

Но Майк этого уже не видел. Жгучая боль пронзила его тело, когда призрачное облачко коснулось руки. Он отшатнулся, рухнул на колени и, слепо защищаясь, поднял руки, когда на него набросились другие смертоносные облака. Потом он чувствовал только боль, возникло ощущение, будто он парит в воздухе, жар, тошнота... потом не было ничего.

41

Сильсон захлопнул за собой дверь на замок, поставил портфель и быстро вошел в помещение.

— Подожди, — пробормотал он, — я включу свет.

Он повозился в темноте, потом раздался тихий щелчок, и под потолком загорелась тусклая, питаемая от аккумулятора лампочка.

Дэрек с любопытством огляделся. Комната была битком набита старой мебелью, коробками, картонками и бесчисленными стопками старых журналов. Узкий проход вел от двери к треногому низкому столу, рядом с которым стояли две колченогие табуретки и ржавый электронагреватель.

— Что это? — спросил он. — Личная свалка?

— Ничего подобного, — усмехнулся Сильсон. — Мой старый хозяин купил этот сарай лет десять назад и хотел сделать из него нечто вроде охотничьего домика, но до этого дело не дошло. С тех пор он использует его для того, чтобы складывать сюда всевозможный хлам. Но сарай превосходно годится для убежища. Эту штукину мы можем спокойно хранить здесь, пока не появится Смит с «капустой». — Он опустил на табуретку и вызывающим жестом указал на портфель. — Принеси-ка эту штуку. Я очень хочу знать, что там у нее внутри.

Дэрек взял портфель и принес к столу. Руки его все еще дрожали, он нервничал не меньше, чем среди обломков самолета.

— Что, — спросил Сильсон, — штаны все еще полные?

— Нет, — солгал Дэрек. — У меня нехорошее предчувствие. Военные поставят на уши все окрестности, если узнают, что кто-то копался в обломках.

— Если заметят, — спокойно сказал Сильсон. — Но этого не произойдет. Ты действительно думаешь, что они заметят исчезновение двух маленьких вещичек при том количестве железного лома, который находится там?

— Но они заметят, что нет папки, — продолжал настаивать Дэрек.

Сильсон немного помолчал.

— Возможно, — проговорил он потом, — но даже если и так, это им ничего не даст. Завтра вечером эта штука будет уже где-нибудь в Лондоне, или вообще черт знает где. Нас никто не заподозрит.

— Ты уверен? — спросил Дэрек.

Сильсон сделал злобный жест рукой.

— Прекрати каркать и лучше дай сумку с инструментами, — яростно сказал он. — Я хочу открыть эту штуку.

Дэрек испуганными глазами уставился на плоскую, продавленную папку.

— Ты хочешь вскрыть ее? — спросил он.

— Конечно, — быстро ответил Сильсон. — Я хочу знать, что внутри. Может, там секретные документы или что-то в этом роде. Мы выудим у Смита больше, чем смехотворные три сотни, если содержимое достаточно ценно. Дай мне молоток, долото и клещи.

Дэрек не пошевелился.

— Мне это не нравится, — сказал он. — Ты же сам говорил, что такие папки используют только для важных документов. Это может быть опасно.

Сильсон озадаченно уставился на него.

— Ну, конечно, — саркастически сказал он, — в нее вмонтировали атомный заряд, который подымет на воздух все окрестности, как только мы ее взломаем. Давай клещи. Мне что, самому идти за ними?

Дэрек нехотя повиновался.

— У меня нехорошее предчувствие. — Он передал Сильсону инструменты. — Давай забудем об этом штуке. Три сотни — это даже больше, чем можно заработать на таком деле.

Сильсон вырвал у него молоток с клещами и встал.

— Если боишься, то можешь выйти из дела, — прошипел он. — Тебе стоит лишь уйти. Я охотно оставляю деньги себе. До сих пор ты ничего не делал.

Он вставил долото в один из двух сложных секретных замков и с силой ударил молотком. Долото соскользнуло, врезалось в стол и откололо от него щепку.

— Зараза! — выругался Сильсон. — Эта штука прочнее, чем я думал. Держи крепче!

Дэрек нерешительно подошел и взялся за папку.

Сильсон четыре раза подряд ударил молотком, но не сумел повредить замок. Лицо его помрачнело.

— Так дело не пойдет, — проворчал он. — Нужен инструмент получше. Дай-ка мне лом.

Дэрек хотел что-то сказать, но Сильсон ледяным взглядом заставил его замолчать. Дэрек послушно наклонился над сумкой, вытащил «фомку» и передал ее Сильсону.

— О'кей, — сказал тот. — Теперь-то уж мы откроем эту штуку. Держи-ка как следует.

— Пит, — измученно сказал Дэрек, — я...

Он не успел закончить фразу. Сильсон неожиданно повернулся, схватил Дэрека за отвороты пиджака и дернул к себе.

— Теперь послушай меня, — злобно прохрипел он. — Весь вечер ты лезешь ко мне со своим нытьем. Хватит! Или ты займешься делом, или исчезнешь так, чтобы я тебя долго искал. Ты понял?

Дэрек тщетно пытался вырваться из его хватки. Сильсон был намного сильнее и уже не раз доказывал это. Поэтому Дэрек не сомневался, что Сильсон может заставить его помогать насильно.

— Отпусти меня! — Сильсон держал так крепко, что тяжело было дышать. — Я же помогаю тебе!

Сильсон рассмеялся, толкнул Дэрека в грудь так, что он сел, и наклонился за ломиком.

— Смотри в другой раз, малыш, — неожиданно мягко сказал он. — Может, содержимое папки настолько ценно, что

мы будем обеспечены на ближайшие годы. Теперь помоги мне. — И добавил с нервным смешком: — Могу же я хоть немного пожить!

Дэрек нерешительно подошел. Горло болело, все еще чувствуя хватку Сильсона. Дэрек почувствовал страх перед ним, поэтому не стал больше возражать, а шагнул к столу, нагнулся над папкой и сжал ее изо всех сил, пока Сильсон пытался всунуть конец ломика между дном и крышкой.

В обычных условиях такая папка не открылась бы и более хорошим инструментом, но чудовищная температура, возникшая при взрыве «фантома», сделала свое дело. После нескольких рывков Сильсону удалось всунуть ломик. Он навалился на него всем весом. Металл заскрипел.

Сильсон запыхался, лицо покраснело от напряжения, под кожей явственно проступили вены и сухожилия. Он застыл, на мгновение ослабил нажим, потом снова навалился на «фомку».

Папка подпрыгнула с глухим щелчком. Сильсон потерял равновесие, отшатнулся и ударился о дверь. Ломик выскользнул из рук и с резким звоном упал на пол.

— Видишь, — тяжело дыша, проговорил Сильсон, — я же сказал, что это не опасно. Еще не изобрели замок, который я бы не открыл. — Он нервно засмеялся и потер уши. — Запястье. — Открой крышку. Я хочу посмотреть.

Дэрек неохотно наклонился и открыл папку. Она оказалась пустой. На дне легкой пушистой пеленой лежал слой светло-серого пепла толщиной около двух сантиметров.

— Но это... — Сильсон заикался. — Это же...

— Сгорело, — пробормотал Дэрек. — То, что находилось внутри, сгорело дотла. Остался один пепел.

Сильсон нерешительно подошел поближе. На его лице было написано разочарование. Он протянул руку, провел ею по пеплу и снова покачал головой, как будто не мог поверить в то, что увидел.

— Но это же невероятно, — сказал он. — Ведь эта папка нескораемая.

— Может, она повредилась при ударе или жар был слишком силен, — пробормотал Дэрек, наклонился, взял щепотку серой пыли и растер ее между пальцами. — Такое ощущение, словно это не пепел.

Сильсон, казалось, не слышал его слов. Он смотрел на серое вещество, кусал нижнюю губу и интенсивно размышлял.

— Пожалуй, — пробормотал он, — мы все же заработаем на этом несколько фунтов.

— Каким образом? — недоверчиво спросил Дэрек.

— Закроем папку, — усмехнулся Сильсон, — и скажем, что не знаем о содержимом. Смит так же любопытен, как и мы, я в этом уверен. Он наверняка отдаст еще пару бумажек. — Сильсон закрыл папку, поправил крышку и несколько раз ударил молотком по замку. — Будет держаться, — сказал он. — Она выглядит, правда, изрядно потрепанной, но это могло произойти при катастрофе.

— То, что ты хочешь сделать, слишком рискованно, — сказал Дэрек. — Этому Смиты может не понравится, если ты его обманешь.

— Как обману? — широко улыбнулся Сильсон. — Я же не утверждаю, что внутри что-то ценное. Мы просто скажем, будто не смогли ее открыть.

— Это у тебя не пройдет, — испуганно продолжал Дэрек. — Мы...

— Тихо! — Сильсон сделал предостерегающий жест и посмотрел на дверь. — Там кто-то есть. Выключи свет! Быстро!

Дэрек сдернул зажимы с аккумулятора, от которого питалась лампочка, и тусклый свет погас. Он напряженно прислушался. Сначала он ничего не услышал, кроме быстрых ударов собственного сердца, потом уловил тихое, нарастающее гудение.

— Сюда едет машина, — прошептал он. — Они заметили нас, Пит! Они уже знают!

— Закрой пасть! — прошипел Сильсон. — Никто не заметил. А даже если и так, они не могут знать, где мы. Может, это парочка влюбленных или..

Он замолчал, когда шум мотора стал громче, а потом затих совсем рядом с домом. Открылась дверца, заскрипели по гравию шаги.

— Пит, — захныкал Дэрек, — я...

— Заткни пасть, черт тебя побери! — прорычал Сильсон. — Только не вздумай выть. Может, это не полиция.

Он боялся так же, как и Дэрек, если не больше, но старался держать себя в руках.

Шаги приблизились к двери и затихли. Несколько бесконечных секунд ничего не происходило, потом дверь медленно открылась. Яркий луч лунного света проник в помещение.

Дэрек испуганно затаил дыхание, заметив приземистую тень перед дверью.

— Можете включить свет, мистер Сильсон, — раздался голос. — Мы знаем, что вы здесь.

Сильсон облегченно вздохнул.

— Смит! — простонал он. — Откуда... Как вы попали сюда?

— Обычно меня информируют люди, работающие на меня, — рассмеялся Смит. — Но все-таки, пожалуйста, включите свет.

Сильсон помедлил, потом повернулся и, найдя аккумулятор, включил освещение.

Смит закрыл за собой дверь, осмотрелся с явным любопытством и засмеялся.

— Действительно, со вкусом. Но в качестве убежища подходит не очень. — Он повернулся и посмотрел на Дэрека. — Это и есть ваш друг, о котором вы говорили? Заказанная вещь у вас?

Сильсон усердно закивал, поднял с пола сумку и вытащил оба прибора.

— Надеюсь, это именно то, что нужно, — сказал он. — Они были на том месте, которое вы мне описали.

Смит взял у него полуразбитые приборы и внимательно осмотрел. Его лицо ничего не выражало, как у игрока в покер.

— Все в порядке, — сказал он. — Вы проделали хорошую работу. Я очень доволен. — Он улыбнулся, сунул руку в карман и достал дорогой бумажник из крокодиловой кожи. — Я думаю, что добавлю еще пятьдесят фунтов, — продолжал он. — Так сказать, в качестве премии.

Он открыл бумажник, отсчитал несколько пятидесятифунтовых банкнот, но остановился, уже почти передав деньги, когда его взгляд упал на папку, все еще лежавшую на столе.

— Что это?

Сильсон победоносно улыбнулся.

— Она лежала под пилотским креслом, — объяснил он. — Под целой грудой мусора и пепла. Я подумал, что вы, может быть, заинтересуетесь ею.

— Заинтересуюсь? — Смит закрыл бумажник, подошел к столу и провел пальцем по замку. — Вы открывали ее?

Сильсон и Дэрек обменялись молниеносными взглядами.

— Пытались, — признался Сильсон, — но эта штука чертовски прочная.

— Радуйтесь, что вам повезло, — кивнул Смит. — Иногда такие штуки имеют взрывной механизм, который автоматически срабатывает, если папку пытаются открыть. За нее я дам вам еще две сотни. Согласны?

Сильсон подавил торжествующую ухмылку.

— Мы не знаем, что внутри, — поспешно сказал Дэрек.

Смит посмотрел на него, между его бровями появилась вертикальная складка.

— Вот-вот, мой мальчик, — сказал он. — И я этого тоже не знаю. Может быть, там что-то ценное, а может, ничего нет. Может случиться так, что я плачу две сотни за чемодан, набитый пеплом.

— Дэрек не имел в виду ничего такого, — поспешно сказал Сильсон. — Он только пытался сказать, что мы не хотим вас обмануть. Может, внутри действительно нет ничего важного, а...

— Я знаю, что он хотел сказать, — резко оборвал его Смит.

— Две сотни — в самый раз, — поспешно заверил его Сильсон. — Правда, в самый раз.

Смит пожал плечами, взял папку и щедрым жестом полез в карман куртки. Но достал не бумажник, а крупнокалиберный пистолет.

Сильсон охнул.

— Что это значит?

— Ты в самом деле не знаешь, мой мальчик? — спокойно спросил Смит. — Неужели ты серьезно думаешь, что я оставлю в живых того, кто хорошо знает меня в лицо?

Сильсон медленно поднял руки над головой и попятился к двери.

— Пожалуйста, мистер Смит, — умоляюще сказал он, — не делайте этого. Я никому вас не выдам и не скажу, как вы выглядите. Я не хочу никаких денег. Вы можете оставить себе все, и папку, и...

— Идиот! — тихо сказал Смит и выстрелил.

Дэрек от страха упал на пол. Его нога дернулась и отшвырнула аккумулятор.

Свет погас.

Смит сделал еще два выстрела, отпустил грязное ругательство на русском языке и выстрелил еще раз. Пуля ударила в пол в метре от лица Дэрека.

— Где ты там? — прошипел Смит. — Я все равно поймаю тебя, малыш. Лучше встань и покажись, тогда все кончится быстрее.

Дэрек в отчаянии вжимался в пол. Смит находился максимум в двух метрах от него, поэтому он старался дышать как можно тише. Смит двинулся, его обувь тихонько заскрипела.

Дэрек осторожно протянул руку и пошарил по полу вокруг, пока не почувствовал что-то мягкое и теплое. Он чуть не закричал, поняв, что это такое. Он понял, что ощупывает лицо Сильсона, а на руке у него кровь. Несколько минут Дэрек лежал неподвижно и ждал, пока пройдет тошнота.

— Сдавайся, малыш, — совсем рядом произнес Смит. — У тебя, вероятно, уже полные штаны, а шансов никаких. Я сохраню тебе жизнь, если будешь благоразумным и вылезешь.

Дэрек испустил резкий, отчаянный крик, вскочил и бросился в направлении, в котором, примерно, находился Смит.

Пистолет разрядился со страшным грохотом. Оранжево-красная молния пронзила темноту, что-то просвистело мимо виска Дэрека. Он прыгнул на Смита, толкнул его изо всех сил, которые возросли от страха, и ринулся к двери.

Смит вскрикнул от боли и выстрелил ему вдогонку.

Дэрек почувствовал грубый толчок в плечо, пошатнулся и ударился о дверь. Едва ли он чувствовал боль, но левая рука и плечо внезапно обмякли и онемели. Он отчаянно зашарил ручку, нажал и метнулся из сарая. Позади раздался еще один выстрел.

— Задержи его, Томпкинс! — закричал Смит.

Дэрек, шатаясь, немного пробежал к машине и прыгнул в сторону, когда распахнулась дверца «форда» и из нее выскочила черная тень.

— Пристрели его! — вопил Смит. — Не дай ему уйти!

Дэрек отчаянно увернулся.

Томпкинс дважды выстрелил по нему, потом встал на колени, прицелился и выстрелил еще раз.

Пуля зацепила бедро Дэрека, оставив длинный кровавый след. Он вскрикнул от боли и страха, слепо качнулся и кинулся через кусты в подлесок.

Позади раздалось еще несколько выстрелов. Пули жужжали совсем рядом, щелкали по кустам и деревьям, зарывались в землю у самых его ног.

Дэрек сделал крюк, перепрыгнул через узкий ручей и, задыхаясь, бросился за ствол поваленного дерева. Он вжался в землю и закрыл глаза. Плечо начало болеть. Дэрек чувствовал, что рука словно опухает и становится бесформенным комком.

— Где он? — донесся до него голос Смита.

— Исчез, — ответил Томпкинс.

— Идиот! — зашипел Смит. — Ты дал ему убежать!

— Все произошло очень быстро, — тихо сказал Томпкинс.

— Он исчез в подлеске, прежде чем я...

— Замолчи! — грубо перебил его Смит. — Может, он где-то поблизости. Надо искать. Малыш не должен уйти.

Сердце Дэрека болезненно подпрыгнуло.

— Это невозможно, — сказал Томпкинс. — В такой темноте мы можем споткнуться о него и не заметить. Вещи у тебя?

— Да! — рывкнул Смит.

— Тогда пусть уходит. Едва ли он видел тебя настолько отчетливо, чтобы составить точное описание. И пока он успевает все это выложить, мы давно уже будем в...

— Заткнись! — прорычал Смит. — Еще укажи ему название нашего отеля!

Они замолчали. Единственное, что теперь слышал Дэрек, это тревожные, нервные шаги.

— Ладно, ты прав, — сказал, наконец, Смит. — Парень не стоит затрат. Уходим.

Послышался звук захлопывающейся дверцы, потом завелся мотор, и машина уехала.

Дэрек громко вздохнул и заскулил от боли.

42

На секунду Дамона оцепенела от ужаса. Серая масса за стеклом маски Сэгиттера бурлила и колыхалась, и Дамоне внезапно бросилось в глаза, каким необычно сонным и вялым казалось его тело. Она отпустила его плечо, в ужасе отпрянула и широко раскрытыми глазами смотрела, как тонкие, кажущиеся серой кровью ручейки сочатся из рукавов водолазного костюма. Ласты свалились, но под ними не оказалось ног, а только серая, скользкая масса, которая, точно дым, вырывалась из штанин. Секундой позже это произошло и с перчатками. Тело Сэгиттера, казалось, оседало, как баллон, из которого выпустили воздух. Водолазная маска съехала с головы и медленно опустилась на пол.

Дамона резко вскрикнула, повернулась и в панике поплыла прочь. Тело Сэгиттера продолжало вращаться и покачиваться у нее за спиной, подняло в гротескном умоляющем жесте руку, потом окончательно сникло. Водолазный костюм под тяжестью кислородного баллона опустился вниз.

Дамона, слепо двигаясь дальше, ударилась о препятствие и на какое-то время потеряла ориентировку. Зазубренная дыра, через которую они проникли сюда, на секунду появилась в поле зрения, но тут же исчезла. Дамона повернулась и мощ-

ным ударом ласт бросила свое тело вперед. Кислородный баллон приобрел вес центнера, и она почувствовала, что опускается глубже вместо того, чтобы подняться. Но тут луч ее фонаря скользнул по краю пробоины. Она бросилась к ней и мощный рывком буквально ворвалась в главный коридор.

Рядом с ней неожиданно появилась плотная серая стена. Прошло несколько секунд, прежде чем Дамона поняла, что это не та стена, которая была здесь, когда они с Сэгиттером спускались вниз. Нынешняя состояла из такой же серой массы, с которой она столкнулась в машинном отделении.

Дамона охнула, повернулась и вскрикнула во второй раз, когда ее взгляд упал вниз.

Пол глубоко под ней, казалось, пришел в движение. Как лава из кратера, серая масса появлялась из пробоины и щелей, расплываясь во все стороны.

Дамона выскочила из коридора, подплыла к лестнице и свернула на узкий мостик. Все пространство за ее спиной уже было заполнено серой смертью, бестелесными облаками, которые неумолимо приближались.

Наконец, после того, как прошла целая вечность, впереди появился светлый проем выхода. Дамона бросила последний взгляд через плечо. Увиденное заставило ее плыть еще быстрее.

Смертоносные серые облака приближались. Их мягкие, ленивые движения казались медлительными, но это было не так. Масса двигалась быстрее Дамоны, не намного, но достаточно, чтобы расстояние сокращалось.

Когда, наконец, Дамона добралась до люка, первые ощупывающие отростки серой массы были лишь в нескольких метрах от нее. Дамона дотянулась до края люка, вцепилась в него и отчаянным рывком выбралась на свободу. Кислородные баллоны ударились о корпус судна. Удар прозвучал колокольным звоном и болью отдался в ушах.

Как можно быстрее Дамона поплыла прочь от обломков судна, изредка бросая взгляд через плечо.

Вода вне останков баржи была почти такой же жуткой, как и внутри, поэтому казалось, что со светом не все в порядке. Луч фонаря мигал и терялся в нескольких метрах. Кругом стояла какая-то серая неопределенность.

Дамона подняла голову, когда поняла все до конца. Над ней, не более, чем в пяти метрах, висел плотный серый потолок.

Дамона испуганно обернулась и увидела, что окружена со всех сторон. Это были не движущиеся серые снежинки, которые она видела, когда спускалась вниз, а бурлящая серая стена, колеблющаяся и неумолимо приближающаяся.

Дамона заметалась, но везде наталкивалась на серую слизь.

Она оказалась в западне — в пузыре относительно чистой воды диаметром около десяти метров, охваченным со всех сторон смертоносной серой массой. И пузырь неуклонно сжимался...

43

Форд почти с двухсоткилометровой скоростью мчался на восток. Автострада в это время была настолько пустынна, что водитель едва ли рисковал попасть в поле зрения радара или обогнать по ошибке полицейскую машину. Расстояние до Лондона постепенно сокращалось, и световой колокол этого огромного города уже долгое время висел над горизонтом, как мягкое желтое мерцание.

Томпкинс протянул руку и включил радио. Тихий ритмичный кантри-рок донесся из динамика и заглушил монотонный гул мотора.

Смит сморщил лоб, бросил на своего напарника укоризненный взгляд и выключил радио.

— У меня болит голова, — объяснил он.

— Сильно?

— Нет, просто немного устал, вот и все. — Он демонстративно зевнул, посмотрел на вмонтированный в приборную доску хронометр и удовлетворенно кивнул. — Через двадцать минут будем в отеле, а завтра в это время в самолете, летящем в Париж. Товарищ Борович очень обрадуется нашему подарку, — усмехаясь, добавил он.

Томпкинс полуобернулся, чтобы поглядеть на маленькие невзрачные приборы на заднем сидении.

— Они хотя бы притащили все, что нужно?

— Сильсон-то? — засмеялся Смит. — О, да! Прибор телеуправления и что-то еще, чего мы до сих пор не видели. Насколько я понял, это модернизированный «горизонт». Там, естественно, разберутся, дружище. — Он опять стал серьезным. — Иногда у меня появляется желание все бросить и вернуться назад в деревню. Такие дни, как сегодняшний, доконают меня.

— Из-за Сильсона? — удивленно спросил Томпкинс.

— Он был еще наполовину ребенок.

— Это точно. Но мы находимся как бы на войне, а война без жертв не бывает.

— А безвинные жертвы? — спросил Смит.

— Безвинные? — переспросил Томпкинс, как будто это слово было непристойным. — Он был гражданином этой страны, и я считаю, этого достаточно.

— Возможно, — вздохнул Смит, — именно поэтому вы и не получите пост, равный моему, дорогой Томпкинс. Хладнокровный убийца редко делает карьеру.

Лицо Томпкинса помрачнело. Задрожавшие губы выдали его волнение, но он взял себя в руки и молча уставился на дорогу.

— Не обижайтесь, Томпкинс, — улыбнулся Смит. — Это не значит, что я плохо к вам отношусь. Только мне действует на нервы, когда приходится хладнокровно убивать человека.

— Это нужно, — тихо сказал Томпкинс.

— Знаю, — вздохнул Смит, — и это еще хуже. — Он сжал губы, еще раз громко вздохнул и покачал головой. — У вас не найдется сигаретки?

— Разумеется. — Томпкинс порылся в «бардачке», достал сигарету и передал ее Смиту. — Папка, — сказал он больше из желания сменить тему, чем из действительного интереса. — Вы видели, что в ней?

Смит покачал головой.

— Сильсон пытался ее открыть, но ему не удалось. Я вскрыю ее в отеле. У меня есть необходимые инструменты.

Томпкинс еще раз обернулся и внимательно посмотрел на папку.

— Что в ней может быть? — спросил он.

— Все, что угодно, начиная от утреннего завтрака пилота до секретных государственных документов, — пожал плечами Смит. — Но я не думаю, что там действительно что-то ужасное.

— Почему?

— Ее бы не оставили лежать три дня в обломках самолета, если бы там находилось что-то важное, — рассмеялся Смит.

Они в тот момент не знали, что папка содержит бомбу замедленного действия, которая, возможно, опаснее атомных и водородных, взятых вместе во всем мире. Эта бомба затикала в тот момент, когда Сильсон открыл папку.

44

Совсем потеряв надежду, Дамона, едва шевеля лапами, висела посредине пузыря, который уменьшился до пяти метров в диаметре. И эта своеобразная камера двигалась в определенном направлении вместе с Дамоной.

Уже в который раз Дамона посмотрела на манометр кислородного прибора. Запаса кислорода хватит еще на двадцать минут. Но она сомневалась, что продержится столько. С каждой минутой ей становилось все труднее удержаться в этом пузыре и одновременно следовать движению своей странной тюрьмы. Почти часовая подводная экспедиция и поспешное бегство из обломков истощили ее больше, чем она думала.

Она поняла это, когда попыталась еще раз связаться с берегом. Или серая масса поглощала все радиоволны, или на берегу что-то случилось. Эта мысль, несмотря на то, что пугала ее, казалась самой логичной. Не было сомнения, что они попали в ловушку. То, что серая смерть убила Сэгиттера, а ее оставила в живых, говорило о том, что этой серой массой кто-то управляет, и что она является чем-то большим, нежели просто безмозгая протоплазма. Дамона не знала, чего ей больше бояться.

Постепенно стало светлее. Луч фонаря значительно потускнел — начали садиться батарейки. Но через серую стену стал проникать мутный свет, говорящий, что они приближаются к поверхности.

Появилась маленькая яркая точка, которая быстро выросла до размеров солидного круга — это была свободная вода.

Двумя-тремя сильными гребками Дамона вырвалась на поверхность и зажмурилась. Хотя уже наступили сумерки, после плохой видимости, царившей под водой, даже слабый сумеречный свет показался ей ослепительным.

Она ударила по воде ластами, развернулась и затравленно огляделась.

Ее вынесло из акватории порта, и она уже находилась в самой реке. Прямо перед ней было судно — белая моторная яхта с низкой надстройкой и греческой надписью на борту.

Дамона повернулась и посмотрела на причал. Машина, на которой прибыли Майк и Мюррей, стояла на месте, но ни от ее жениха, ни от Мюррея не осталось никаких следов.

Маленький круг, в центре которого она находилась, начал медленно стягиваться. Дамона тщетно искала путь к отступлению. Единственной возможностью избежать соприкосновения с серой массой было судно, но Дамону не покидала уверенность, что там ее ждет еще большая неожиданность, хотя в воде она не могла оставаться. Несмотря на отличное качество костюма, она начала страдать от переохлаждения. Конечности сделались жесткими и окаменевшими. Дамона почти зримо ощущала, как силы покидают ее.

Она повернулась и кролем проплыла последние метры до яхты.

Когда Дамона по лесенке взобралась на яхту, силы покинули ее, и ей пришлось минут десять просидеть на корточках, чтобы хоть как-то восстановить их.

Потом она стащила баллон, сняла маску, выключила бесполезное переговорное устройство. Ее рука нащупала ручку широкого водолазного ножа. И хотя Дамона была уверена, что вряд ли он пригодится, ощущение оружия в руке давало какое-то успокоение.

Палуба яхты была совершенно безлюдна. В каюте мерцал неоновый белый свет, а доски под ногами дрожали в такт работы дизеля.

Дамона переложила нож из левой руки в правую, внимательно осмотрелась и быстрыми шагами пошла к носу судна.

Яхта была невелика и, казалось, на ее узкой палубе невозможно устроить засаду, но несмотря на это, Дамона тщательно осмотрела всю палубу, прежде чем вернуться к каюте.

Вокруг царила предательская тишина. Прежде чем войти в каюту, Дамона еще раз подошла к борту и взглянула на поверхность реки. Серая масса окружала судно со всех сторон, делая побег невозможным.

Дамона пожала плечами, крепче перехватила рукоятку ножа и взялась за ручку двери каюты. Дверь оказалась не запертой. За ней была удивительно большая, освещенная единственной неоновой лампой каюта. Обстановка казалась специально подобранной скорее с точки зрения целесообразности, нежели вкуса, но все равно выглядела очень дорогой.

Войдя, Дамона закрыла за собой дверь на щеколду и быстро скользнула ко второму проходу на противоположной стороне. Он был закрыт тяжелым занавесом. Дамона откинула занавес, взглянула на лежащее перед ней помещение и вошла с колотящимся сердцем.

Это было нечто вроде спальни. На обеих стенах находились потрепанные узкие койки, висевшие одна над другой. Заднюю стену занимал шкаф. Освещение обеспечивалось лишь одной неонкой.

Несмотря на тусклый свет, Дамона отчетливо разглядела две неподвижные фигуры на нижних койках.

— Майк! — испуганно вскрикнула Дамона. — Бен!

— Совершенно верно, моя дорогая, — раздался позади нее голос.

Дамона обернулась с быстротой змеи и занесла руку с ножом для удара.

— Не стоит, Дамона, — мягко сказал Теракис. — Вы давно уже должны были понять, что сопротивление бессмысленно.

45

Дома высились перед ним плотной черной массой. Ее тень делила улицу вдоль, как прямая, проведенная по линейке черта, на светлую и темную часть. Создавалось впечатление, что перед ним тянулась фантастическая трещина через всю действительность.

Дэрек стонал. Плечо невыносимо болело и, казалось, от этой боли он не мог оценить окружающую действительность. Он видел и слышал все совершенно иначе, чем привык, ясные мысли давались с трудом. Его лихорадило. Рана перестала кровоточить, но вся левая половина туловища тлела медленным огнем. Дэрек никогда не думал, что существует такая невыносимая боль.

Он пошатнулся, сделал шаг к домам и упал посреди улицы на колени, на какое-то мгновение едва не потеряв сознание. Перед глазами все изменилось и поплыло, будто он смотрел сквозь водяную завесу.

Приступ прошел так же быстро, как и начался, но после него Дэрек почувствовал еще большую слабость. Ему удалось встать на ноги. В голове царил хаос паники, боли и смятения. Но была одна главная мысль — домой.

Он находился не так уж далеко от дома родителей. Этот дом был третьим по счету от него. Рядом узкая дорожка — собственно, почти случайно возникшая брешь между домами — вела во внутренний двор. Если он доберется туда, то будет спасен. Дэрек знал, что родители не выдадут его полиции. Он должен добраться туда!

Шатаясь как пьяный, Дэрек поковылял дальше. Боль в левом плече было утихла, но тут же вернулась с новой силой. Ему казалось, что рука пульсирует. Он прислонился к стене и поднял руку к лицу.

Рука была скрюченная и онемевшая, состоящая из одной боли. Он не мог двигать пальцами.

Дэрек побрел дальше. Целую вечность спустя ему удалось добраться до узкого прохода между домами. С ним что-то происходило, и он не мог описать этого чувства.

Это была не боль, а ощущение, какого он не испытывал никогда в жизни — чувство сильной ласкающей руки в душе. Боль в плече угасла, зато тело, казалось, внезапно наполнилось мощным внутренним напряжением. Это было чувство, словно внутри находится туго скрученная пружина, чувство настолько неприятное, что он вряд ли предпочел бы его боли. Он попытался закричать, но тут же задохнулся. Горло внезапно наполнилось тонкой, удушающей пылью. Внутри продолжало нарастать напряжение.

Потом у Дэрера появилось чувство, будто что-то рвется из него наружу. Тело согнулось, как от сильной судороги, руки рванулись вперед и вверх. И одна рука взорвалась.

Дэрек растерянно глядел, как его правая рука растворилась в сером пылевом облаке. Он качнулся и упал на бок. Ноги перестали держать его собственный вес, но боли Дэрек не чувствовал.

Потом правая нога словно растворилась и распухла, носки вяло обмякли, а из брючины начал струиться поток тонкой серой пыли. То же произошло и с левой ногой.

Остальное случилось достаточно быстро. Тело рассыпалось в одну секунду. Костюм осел с легким шелестом. Через несколько мгновений от Дэрера Джонса остались лишь рубашка и брюки, которые он носил, и стертое серое пятно с примерными очертаниями человеческого тела.

Серая смерть получила свою первую из возможных миллионов жертв.

46

Профессор Теракис! — простонала Дамона.
Теракис сделал невольное движение рукой.

— Прекратите этот балаган, Дамона. Мы здесь одни и можем говорить откровенно. Вы уже давно подозревали меня, не так ли?

Дамона вынужденно кивнула. Мысленно она просчитала свои шансы броситься на грека и воткнуть ему в горло нож, но тут же отказалась от этой затеи. Едва ли Теракис держался бы так непринужденно, если бы не был абсолютно уверен в своем превосходстве.

— Это верно, — сказала она. — Только я не могла это доказать. Хирлет ведь не был настоящим заправилкой?

— Конечно, не был, — рассмеялся Теракис. — Он был маленьким обманутым человечком с очевидной склонностью к мании величия. Им было легко воспользоваться. Но с вами он не справился. Правда, этого я не ожидал, — добавил он с оттенком явного неодобрения, — но несмотря на это, свою задачу он выполнил.

— Куклы... — начала Дамона.

— Они были лишь первой фазой моего плана, — равнодушно сказал Теракис. — Я полагаю, вы заметили моего помощника?

— Серая слизь?

— Серая слизь, — кивнул Теракис. — Протоматерия, как вы ее называете, жизнь в своей изначальной форме. И она подчиняется моей воле.

Дамона молчала. На какой-то момент она вновь увидела блестящую водолазную маску Сэгиттера и бурлящую серую смерть, сочившуюся из всех щелей ее водолазного костюма.

Теракис злобно засмеялся. Ему, казалось, не составляло труда угадывать ее мысли.

— Зачем вы это сделали? — через некоторое время спросила Дамона. — Человек с вашими способностями...

Теракис издал резкий звук.

— Вы, кажется, еще не поняли, что я не тот, за кого вы меня принимаете. Профессор Теракис прекратил свое существование больше года по вашему летоисчислению.

— Вы убили его? — с ужасом спросила Дамона.

— Нет. Скажем, я присвоил его тело. Представитель жалкой расы был не в состоянии что-либо понять в научных предпосылках, которые были необходимы для моего мероприятия. — Он тихо и мерзко засмеялся. — Я хотел снова увидеть вас, Дамона, но даже в самых смелых мечтах не надеялся, что это произойдет так скоро. Вы, правда, поработали, чтобы лишить меня магических способностей, но, как видите, я все еще в состоянии сопротивляться.

— Кто вы? — запинаясь, спросила Дамона.

— В настоящий момент я профессор Теракис. И это выглядит так, что, пожалуй, я пойман в его теле, пока он не умрет естественной или насильственной смертью. Но то, что вы видите, только внешняя оболочка. Мы однажды уже встречались, мисс Кинг, на родине человека, которого вы остерегаетесь.

Дамона лихорадочно размышляла. Теракис как будто соизволил играть в прятки, но она начала медленно понимать, что он имел в виду.

— Вы правы, — сказал Теракис. Его голос внезапно зазвучал не дружелюбно, а с оттенком ненависти. — Я являюсь или, вернее, должен сказать, был мурдором.

Дамона испустила страшный короткий крик и отступила на два-три шага. Теракис тихонько засмеялся, но смех прозвучал злобно и расчетливо.

— Не бойтесь, Дамона. У меня осталось мало сил. Вместе с телами мы потеряли все наши способности, почти все, во всяком случае.

— Значит, вы все еще живы? — поразилась Дамона.

— Нас пятеро. Мне пока не удалось найти других, но это вопрос времени. Для того, чтобы их разыскать, мне понадобится менее двадцатичетырех часов. — Он усмехнулся. — Возможно, — продолжал он, — вы почувствуете удовлетворение, узнав, что мы начали свое триумфальное шествие не с помощью магии, а с помощью науки, которая вам, конечно, может показаться волшебством. Наш народ уже летал к звездам, когда ваши предки еще жили на деревьях. То, что вы сейчас пережили, совсем маленькая демонстрация нашей силы. — Он засмеялся, немного повременил и протянул руку к двери. — Если вас интересует, почему вы еще живы, я охотно дам ответ.

— Я не хочу этого знать.

— И все же, — тихо сказал Теракис, — вы этого хотите, Дамона. Ваша раса всегда была чужда нам, несмотря на миллионы лет, в течение которых мы за вами наблюдаем. Но с тех пор, как я нахожусь в теле человека, я начал понимать вашу эмоциональную жизнь, и поэтому хочу, чтобы вы стали свидетельницей моего триумфального шествия во всех подробностях. И еще я хочу, чтобы вы увидели, как умирает ваш родной город. Я возьму себе некоторые ваши чувства. Жажда мести требует этого. — После короткой паузы он продолжал: — Сейчас я покину вас. Можете устраиваться удобнее. В шкафу за вашей спиной находится еда и напитки. Не пытайтесь бежать, это совершенно бессмысленно.

Он не потрудились даже запереть за собой дверь.

Дамона, точно парализованная, уставилась на эту дверь. Несмотря на бурю чувств в душе, она ощущала себя оглушенной, не способной успокоиться или хотя бы прийти к ясности мышления.

Мурдоры...

Она думала, что кошмар битвы на Джар-Морефарк миновал окончательно, несмотря на случайное предостережение,

которое она получила. Но это было не так. Мурдоры живы и не стали менее опасными, чем раньше.

Тихий звук заставил ее оторваться от своих мыслей. Она оглянулась. Майк открыл глаза и приподнялся. Выражение его лица выдавало смущение. Дамона быстро подошла к нему и взяла за руку.

— Что? — прошептал Майк. — Где я? Как ты попала сюда?

— Так же, как и ты. Меня дружески пригласил один наш общий знакомый. Что случилось?

— Случилось? — Майк покачал головой, протер глаза и приподнялся, насколько позволяла узкая койка. — Если бы я только знал, — тихо сказал он. — Мы были на пирсе, когда появились эти странные штуки.

— Что за штуки?

— Понятия не имею, — пробормотал он. — Это было нечто вроде облака. Может, газ... В общем, какая-то серая дрянь. Мы попытались удрать, но не смогли. — Внезапно он вздрогнул, сел на кровати и больно ударился головой о верхнюю койку. — Как там Бен?

— Он в порядке, — успокоила его Дамона. — Теракис придает большое значение тому, чтобы держать нас у себя невредимыми.

— Теракис? — изумленно переспросил Майк. — Ты думаешь, за всем этим стоит он?

— Не думаю, а знаю. Он сам рассказал мне обо всем минуту назад.

Она отпустила руку Майка, села на стул и закрыла руками лицо. Потом начала пересказывать тихим, неестественно спокойным голосом то, что слышала от Теракиса и что пережила сама. Когда она начала описывать гибель Сэгиттера, самообладание изменило ей, но большим усилием воли ей удалось подавить рыдание.

— О, черт побери! — пробормотал Майк, когда она подошла к концу рассказа. — Похоже, на этот раз мы действительно сели в лужу. — Он встал, подошел к Мюррею и склонился над ним. — Мы должны убраться с яхты, — сказал он, не глядя на Дамону.

Дамона чуть было не рассмеялась.

— Может, ты еще посоветуешь, как?

Майк повернулся, немного помолчал и уныло пожал плечами.

— Давай осмотримся снаружи, — предложил он. — Теракис не запрещал тебе покидать каюту?

— Нет, но это почти не имеет смысла. Уплыть невозможно. А судя по тому, что ты рассказал, его власть не ограничивается водой.

Но она все равно встала и пошла за Майком.

Было уже довольно темно. Над акваторией порта лежала тонкая, едва заметная пелена тумана, и силуэты складов обозначались, как зубчатая линия странных, необычно угловатых гор на фоне освещенного города.

Дамона молча показала на поверхность воды рядом с яхтой.

Даже при тумане и плохой видимости была ясно различима грязно-серая слизь. Вода пульсировала, как живое существо, и на какой-то момент Дамона снова почувствовала присутствие злого, враждебного призрака. Она содрогнулась.

— Что с твоим «ведьминым сердцем»? — спросил Майк. — Ты нашла его?

Дамона кивнула.

— Это ни к чему, — ответила она на незаданный вопрос Майка. — Он не помог мне внизу против этой дьявольской дряни. Я не верю, что он вообще в состоянии это сделать. Не забывай, что сказал Теракис. Это не магия, если она и была раньше. Это бесконечно чуждая наука.

Майк издал недовольный взглас.

— Слова «невозможно» для меня не существует, — заявил он. — Мы найдем возможность попасть на берег.

— Ты забыл про облака-убийцы, — напомнила Дамона. — Даже если это нам удастся, они нападут, как только мы попытаемся покинуть судно.

Майк вздрогнул и прикоснулся к голове. Слова Дамоны напомнили ему ужасную боль, которую причинило прикосновение газообразной материи.

— На яхте должна быть рация, — пробормотал он. — Мы могли бы вызвать помощь.

— Ставлю нашу фирму против палки колбасы, что Теракис привел рацию в негодность, — сказала Дамона. — Но все-таки можно посмотреть.

Она повернулась и быстрыми, почти торопливыми шагами пошла в каюту, словно не могла находиться на палубе и терпеть вид пульсирующей серой массы рядом с яхтой.

Они сразу же нашли передатчик, вернее, то, что от него осталось. Лицо Майка вытянулось, когда он уставился на нечто изуродованное, что когда-то было отличным радиопередатчиком.

— Меня удивляет только то, что он не приклеил на этих обломках этикетку с надписью: «Ну что, съел?» — саркастически проговорил он.

Дамона устало рассмеялась.

— Посмотрим, как там Бен, — предложила она, отбросила занавес и отпрыгнула назад с коротким испуганным криком.

Что-то маленькое и серое, пища, метнулось мимо нее и исчезло под койкой.

— Что случилось? — озабоченно спросил Майк.

Дамона покачала головой и смущенно рассмеялась.

— Ничего. Кажется, в последнее время я стала бояться всего. Это была лишь мышь, и ничего больше.

— Мышь? — Майк задумался. — Ты уверена?

— Конечно. Я узнаю мышь, когда вижу ее. А что?

— Объясню тебе позже, — взволнованно сказал Майк. — А сейчас помоги разбудить Бена. Надо будет поймать эту мышь.

47

Томпкинс, кряхтя, поднял тяжелый чемодан на кровать, открыл замки и откинул крышку. Под ней оказалась стопка выглаженных, аккуратно сложенных белых рубашек, носки, белье и непропорционально большая груда цветных платков.

На все это он не обратил ни малейшего внимания, вытащил, небрежно бросил на кровать и ловким движением перевернул чемодан.

Дно отсоединилось с легким металлическим щелчком и показалось низкое, заполненное инструментами, оружием и стопкой фальшивых документов и водительских прав отделение.

— Не слишком ли рискованно таскать с собой весь этот венигрет? — спросил Смит.

Томпкинс посмотрел на него, сморщил лоб и снова наклонился над чемоданом. Его пальцы почти ласково ощупали тщательно уложенный инструмент и выбрали тонкую, особым образом изогнутую отвертку.

— Иногда этот венигрет необходим, — подчеркнуто сказал он. — Например, сейчас. Или, может быть, вы с этой папкой отправитесь к ближайшему слесарю?

— Может быть, — рассмеялся Смит. — Вы бы удивились, как просто можно иногда дойти до цели.

— Могу я задать один нескромный вопрос?

— Конечно, — сказал Смит.

— Я в вашей фирме уже пять лет, и за эти годы слышал о вас настоящие чудеса.

— И сейчас разочарованы, потому что не встретили второго Джеймса Бонда, — засмеялся Смит.

— Да нет, — сказал Томпкинс. — Но...

— Именно так говорили все, кто работал со мной. И всем я даю один и тот же совет: если вы в этом деле хотите жить долго, оставьте желание чувствовать себя суперменом. По-настоящему хороший разведчик никогда не бросается в глаза. Вы должны попытаться стать неприметным, чтобы никто и не вспоминал о встречах с вами.

— Так просто? — насмешливо спросил Томпкинс.

— Это просто звучит, — кивнул Смит, — но до сих пор к моему совету прислушивались. А я боюсь, что вы не прислушаетесь. — Он вздохнул, покачал головой и показал на металлическую папку. — Лучше позаботьтесь о ней. Позднее у нас еще будет много времени на беседы. Сейчас я больше хочу знать, что в этой штуке. Вы разбираетесь в таких устройствах?

— Я знаю эту модель, — кивнул Томпкинс. — Это переносной сейф без всякого взрывного приспособления. Открыть его трудно, но можно. — Он наклонился, поковырял отверткой в замках и поморщился. — Странно, — пробормотал он.

— Что именно?

— Замок не защелкнул. Похоже, его пытались открыть силой.

— Сильсон говорил мне что-то об этом, когда передавал папку, — задумчиво сказал Смит. — Возможно, они с ним долго возились, не замечая, что он не заперт.

— Так оно и есть, — подтвердил Томпкинс.

Он положил отвертку, рассеянно посмотрел на Смита, взял ломик и решительно вставил его в замок. Раздался тихий металлический скрип и крышка папки открылась. Торжество на лице Томпкинса сменилось разочарованием.

— Пепел, — протянул он. — Здесь нет ничего, кроме пепла.

Он отложил ломик и нерешительно протянул руку к серой порошкообразной массе на дне папки.

— Нет! — Смит решительно оттолкнул его руку. — Не трогайте!

— Почему?

— Вы уверены, что в папке только пепел? — улыбнулся Смит.

Томпкинс изумленно промолчал. Он уставился на Смита, потом на раскрытую папку, потом на свою руку, которой успел схватить горсть пепла, и побледнел.

— Конечно, — пробормотал он. — Это глупость с моей стороны. Простите.

Смит махнул рукой.

— Ничего не случилось. Возможно, это и в самом деле пепел. Возьмем пробу и опечатаем папку. Принесите пробирку и пипетку.

Томпкинс кивнул и послушно повернулся, чтобы принести требуемое.

— Поторопитесь, пожалуйста, — пробормотал Смит позади него. — Что-то мне не нравится эта дрянь. Лучше бы я...

Он замолк на полуслове и издал странный, придушенный звук. Томпкинс обернулся. Смит падал ему навстречу. Томпкинс попытался его подхватить, но руки не встретили в одежде Смита никакого сопротивления. Она смялась, словно костюм был пустым или наполненным рыхлым песком.

Томпкинс вскрикнул, увидев, что произошло. Голова и руки Смита исчезли. Сухая серая пыль струилась из рукавов и воротника, вытекала из петель и из-под пояса.

Томпкинс в ужасе отпрыгнул назад, ударился о стену и стал отчаянно нащупывать дверную ручку.

Тело Смита продолжало разваливаться со страшной скоростью. Одежда осела. Пыль сверкающими блестками танцевала в воздухе.

Томпкинс закашлялся и изо всех сил бросился на запертую дверь. Она затрещала, но выдержала. Ключ от двери все еще находился в куртке Смита.

Томпкинс отскочил, собрался с силами и ударил ногой по замку. Ботинок слетел с ноги. Серое облако пыли рванулось вверх. Правая нога Томпкинса исчезла по самое колено. Он вскрикнул, потерял равновесие и упал на пол. Потом он вне-

запно почувствовал слабость и смутную, почти благотворную боль. Мир стал серым, потом черным, а затем не стало больше ничего...

48

Мюррей, ругаясь, поднялся и тыльной стороной руки потер лоб. Над правым глазом красовался свежий синяк. Одежда была испачкана и измята.

Последние полчаса он занимался тем же, чем Дамона и Майк — ползал по полу и заглядывал под койки и во все углы.

— Мне это начинает надоедать, — проворчал он. — Если вы мне сейчас же не объясните, что задумали, то я устрою забастовку.

— Перестань брюзжать и ищи дальше, — донесся из-под койки голос Майка. — Нам нужна мышь, если хочешь вообще отсюда выбраться!

— Зачем? — спросил Мюррей. — Ты хочешь послать ее с сообщением в Скотланд-Ярд, или как?

Майк выполз задом из-под койки и встал на колени. Лицо его было измазано, а одежда выглядела так, будто он целый час рылся в куче угля.

— Нам нужно что-нибудь живое, — нетерпеливо объяснил он. — Я хочу кое-что попробовать.

Он подошел к шкафу и начал осторожно вытаскивать ящики.

— Но ведь здесь три живых существа, — сказала Дамона. Майк помотал головой.

— Мы же решили, кого использовать. Может случится так, что он не переживет эксперимента. — Он толкнул ящики назад. — Я хочу выяснить следующее. Совершенно очевидно, что эта протоматерия реагирует на наше присутствие — на меня, на тебя, Дамона, и на Бена. Но я не верю, что она настолько вежлива. Теракис ее, наверное... — Он замолчал, некоторое время подыскивал подходящее слово, потом пожал плечами. — Не знаю, как он это делает, но, возможно, правильнее будет сказать — программирует. Наши мысли, запах нашего тела или что-то еще. Если бы такая гадость слепо нападала на все живое, она давно бы покинула акваторию порта и искала бы для себя многообещающие охотничьи угодья.

— Ты думаешь, она приставлена к нам троим в качестве сторожевой собаки? — пробормотала Дамона.

— Ты начинаешь потихоньку понимать, золотко, — кивнул Майк. — Я хочу выяснить, реагирует ли она на других существ. То есть, я надеюсь, что других людей или животных она не трогает. Для этого мне нужна мышь.

— А что нам это даст? — спросил Мюррей.

— Тебе и мне ничего, Бен, — рассмеялся Майк. — Но среди нас есть кое-кто, кто может изменить свой облик.

Дамона побледнела.

— Ты думаешь...

— Ты делала это уже много раз, — тихо сказал Майк.

— Нр... — Дамона запнулась, на ее лице появился испуг. — Но этого не было так давно, и я не знаю, получится ли...

— Я понимаю, что это неприятно, Дамона, — терпеливо сказал Майк, — но это наш единственный шанс. Теракис наверняка не шутил, когда сказал, что решение будет принято сегодня ночью. Он планирует какую-то дьявольскую штуку. Ты уже много раз превращалась в кошку. Этого достаточно, чтобы доплыть до берега и отойти от него на несколько сот метров.

— Доплыть? — содрогнулась Дамона. — Кошки боятся воды, не забывай этого!

— Но ведь ты не боишься, — усмехнулся Майк.

— Ты не понимаешь, — покачала головой Дамона. — Я даже не знаю, что происходит в моем теле во время превращения, но изменение не только внешнее. Я на самом деле становлюсь животным, понимаешь? У меня еще сохраняется умение мыслить и память, но это немногим больше, чем если бы я была гостьей в жутком чужом теле. Все кошачьи рефлексы и инстинкты сохраняются, и мне не всегда удается действовать так, как нужно.

— Все равно ты должна попытаться, — настаивал Майк. — Когда ты окажешься на берегу, то позвонишь в Скотланд-Ярд и пошлешь нам помощь.

Дамона не ответила. Бесконечно долго она сидела, уставившись в какую-то точку на стене за спиной Майка.

— По крайней мере, мы можем попытаться, — наконец сказала она. Голос ее колебался.

— Сперва нам нужен подопытный кролик, — засмеялся Майк, — вернее, подопытная мышь. Будем искать дальше. Она должна быть где-то здесь.

Он хотел встать и продолжить поиски, но Дамона остановила его быстрым жестом.

— Оставь это, — спокойно сказала она. — Если я должна это сделать, то не играет роли, когда. Или ты знаешь лучшего охотника за мышами, чем кошка?

— Конечно, нет, — ответил Майк. — Но не забывай, что она нужна нам живая.

Дамона с усилием рассмеялась.

— Возьму это на заметку. — Она встала и расстегнула молнию водолазного костюма. — Процесс очень болезненный, — продолжала она. — Я сохраню свой облик, пока вы будете проводить эксперимент. Будет лучше, если кто-то из вас будет меня крепко держать. Едва ли я прыгну в воду по своей воле.

Она стащила с себя костюм, отбросила его в сторону и осталась в одном купальнике. Лицо ее было спокойным, собранным.

В первый момент казалось, что ничего не происходит, но потом...

Ни Майк, ни Мюррей не поняли, что произошло на самом деле.

Тело молодой женщины, казалось, замерло на мгновение, потом странно скрючилось и изогнулось. Там, где долю се-

кунды назад была Дамона, появилась сидящая черная кошка. Мюррей отшатнулся.

— Если бы я этого не видел, то никогда бы не поверил, — пробормотал он. — Я и сейчас не верю в это.

— Это жутко, — подтвердил Майк, наклонился и протянул руку к кошке.

Кошка фыркнула, прижала уши и отскочила на полметра назад. Шерсть на ее спине встала дыбом.

Внутри у Дамоны царил ужасный беспорядок. Уже не в первый раз она производила превращение, но сейчас все оказалось иначе, чем прежде. Ее душа была словно заперта в маленькой комнатке. Дамону захлестнула и подавила волна глупых животных чувств. Кошка в ней была гораздо сильнее, чем раньше. Дамона попыталась взять верх над сознанием животного, но ничего не получилось. Она чувствовала только страх и тягостную смесь из жутких, чуждых ей чувств, и что-то еще, не оформившееся в ясную мысль. Зато ее зрительные и слуховые способности резко усилились.

Она отступала шаг за шагом от Майка и Мюррея, издавая предостерегающее шипение. Когти на ее лапках были выпущены, как маленькие отточенные лезвия. Она знала, что оба этих человека ее друзья, но зверь был в ней намного сильнее.

— Мышь, — сказал Майк. — Попробуй найти мышь.

Дамона слышала его слова, но почему-то не удалось, как обычно, переводить их в понятия и мысли. Все было не так, как раньше. Ее сознание не сливалось с сознанием кошки, а как бы существовало рядом с ним.

Дамона попыталась вызвать в памяти образ мыши. Сперва это удавалось с трудом и получилось не больше, нежели серое горбатое пятно с мутными контурами. Потом чужеродное сознание кошки перехватило и молниеносно дополнило этот образ. Она увидела перед собой грызуна живее и ярче, чем до этого.

И в ней проснулся охотничий инстинкт кошки.

Тело Дамоны внезапно охватила волна кровожадности и едва управляемой энергии. Она забыла своих друзей, опустила взгляд и внимательно осмотрела комнату. Уши ее нервно вздрагивали, отмечая шумы и звуки, которые людям показались бы чуждыми и, возможно, страшными.

Потом она бесшумно скользнула в сторону и начала охоту.

49

Река спокойно и почти неестественно ровно лежала перед яхтой. Поднялся легкий порывистый ветерок, так что стена тумана перед портом все время рвалась и, казалось, находилась в непрерывном пульсирующем движении. Было далеко за полночь, но свет над центром города мерцал еще ярче, чем раньше, словно город проснулся только сейчас.

Майк содрогнулся. Он замерз, хотя ночь для этого времени года была необычайно мягкой. Он поднял воротник куртки, сунул руки поглубже в карманы и перегнулся через поручень.

Серая мерзкая слизь двигалась в воде, огибала корпус яхты и образовывала причудливые фигуры.

Майк отошел назад, взглянул на небо, но не смог разобрать, были ли там смертоносные облака Теракиса.

— Я готов, — сказал позади него Мюррей.

Майк обернулся. Мюррей мелкими, осторожными шажками вышел из каюты, держа на вытянутой руке пойманного зверька.

Несмотря на помощь Дамоны, потребовалось около часа, чтобы выгнать мышь из укрытия и поймать. Майк горько подумал, что они теряют время, которого и так нет.

— Включи лампу, — сказал Мюррей.

Он подошел к поручням, перегнулся как можно ниже и опустил мышь к самой воде. Зверек запищал и начал испуганно дергать лапками.

Майк включил переносный фонарь из водолазного снаряжения Дамоны и направил луч на воду.

Мюррей разжал руку. Мышь пролетела полметра, шлепнулась в воду и исчезла из виду.

Серый туман над поверхностью воды забурлил, образовалось маленькое подводное течение, которое тут же исчезло, а потом появилось вновь.

— Не получилось, — прошептал Мюррей. — Эта гадость сожрала ее, если она прежде не захлебнулась.

— Тихо! — резко прошипел Майк.

Фонарь задрожал. Луч света передвинулся немного вправо, рывком вернулся на место и замер.

Около десяти бесконечно долгих секунд ничего не происходило, потом над водой появилась маленькая серая головка с блестящими бусинками глаз.

— Получилось! — воскликнул Майк. — Смотри, она еще жива! Эта чертова дрянь реагирует только на нас!

Мышь отчаянно работала лапками. Слышался тихий испуганный писк. Серая протоматерия бурлила и булькала вокруг нее, но не трогала. Зверек несколько раз повернулся на одном месте, затем целеустремленно поплыл к берегу.

— Рискнем, — сказал Майк.

Мюррей медлил. На его лице было написано сомнение.

— У меня нехорошее предчувствие, — еле слышно сказал он, — но это наш последний шанс. Если мы прождем до утра, то будет поздно. И не только для нас. Я бы пошел сам, если бы имел хоть малейший шанс, ты же знаешь... Мы могли бы попытаться оборвать якорную цепь, — поспешно добавил он. — Яхту подхватило бы течением и прибило где-нибудь к берегу.

Вместо ответа Майк указал на мотававшиеся обрывки тумана вокруг яхты. Мюррей немного помолчал, удрученно повернулся и исчез в каюте. Через несколько секунд он вернулся с шипевшим и бившимся в руках комком шерсти.

— Не понимаю я этого, — пробормотал Майк. — Сейчас она не такая, как раньше. Ей с трудом удастся справиться со зверем.

Мюррей подошел к поручням, поднял царапающееся животное над водой и ждал, пока Майк включит фонарь. Кошка почувствовала близость воды и стала еще яростнее вырываться из рук. Острые когти полоснули Мюррея по руке, оставив глубокие кровоточащие царапины. Мюррей громко вскрикнул и разжал руки.

Кошка заорала и со звонким плеском упала в воду.

Река забурила. Пенившиеся серые волны ударили о яхту. Майк и Мюррей, полные непередаваемого ужаса, наблюдали, как серая протоматерия пробудилась к пульсирующей жизни.

Огромный, напоминающий многопалую руку отросток поднялся, подхватил кошку и окутал серым плащом. Зверек отчаянно бил лапами, но его движения лишь усиливали агрессивность протоматерии.

Внезапно со всех сторон рванулись скользкие щупальца, словно гибкие лианы обвились вокруг тела кошки и спутали ей лапы. Она превратилась в бесформенный комок и камнем пошла в глубину.

50

Сначала Дамона не чувствовала ничего, кроме страха — смертельной, неодолимой паники, которая удушливой волной накрыла сознание кошки. Она не получала воздуха, а скользкие щупальца окутали ей лапы, так что она не могла ими шевельнуть.

Дамона тонула. Что-то происходило с ее телом, пока она медленно опускалась на дно речного ложа. Она чувствовала, как сначала шерсть, потом кожа и мышцы и, наконец, кости и внутренности растворились, соединения клеток и групп молекул распадалась и разламывались.

Но она не чувствовала никакой боли.

И она думала...

Это длилось долго, пока ей казалось, что она жива. Тело неумолимо разрушалось, но душа продолжала существовать, а сознание двигалось по черному, беспросветному космосу, и она почувствовала, что не одинока. Что-то было совсем рядом с ней — большое, мягкое, пульсирующее.

Внезапно Дамона подумала о чувствах, которые испытала внизу, в обломках баржи. Там у нее тоже появилось чувство, что она соприкоснулась с большим, бесконечно враждебным духом. Сейчас она ощущала то же самое, но гораздо сильнее.

Дамона чувствовала, как чуждое сознание протягивает к ее душе хищные, осторожные, обшаривающие щупальца. Потом она поняла, что это был Теракис или то существо, которое завладело его телом, создало с помощью своей протоматерии жизнь, полную неопределенного сознания, дух которой еще не совсем перешагнул границу сознательного мышления, но который живет, существует, возможно, не мыслит, но в состоянии разобраться, прореагировать на внешние раздражения, как это делает зачаточное сознание растений.

И так, как растворилось ее тело в смертоносной протоматерии, так растворилось бы и сознание в этом органическом мыслящем болоте.

Дамона начала отчаянно сопротивляться, так как поняла, какая судьба ей уготована. Этот гигантский дух бы не таким пустым, как казалось. Очень далеко она почувствовала присутствие другой души, тихие, бесконечно мучительные крики и стоны которой, видения чистилища, звуки, поднимавшиеся из самых глубин ада, дошли до нее. То была душа другой жертвы, которую уже поглотила эта жуткая штука — Сэгиттера, но не только его, а и души других, кто попался в адские сети ужасного существа.

Дамона боролась. Уже не в первый раз ей приходилось вступить в дуэль на чисто духовной основе, но на этот раз получилось иначе. Не было противника, не было враждебного духа, который хотел ее победить или убить, а существовала лишь жуткая пустота, в которой грозило потеряться ее сознание, как горсть пыли в мировом пространстве. Центр этого враждебного духа, казалось, находился где-то рядом с ней, как большое, невидимо бьющееся сердце, но ей не удавалось локализовать его точное местоположение, потому что там, где она находилась, не было ни верха, ни низа, никаких измерений или расстояний.

Ей хотелось закричать, но у нее не было тела, не было горла, и даже то маленькое, что у нее осталось, грозило затеряться в этой страшной бесконечности. Ее окружала враждебная, неумолимая сеть, машина из переплетенного безумия, которая мягко, но неумолимо рвала и уничтожала ее духовные барьеры.

Дамона ушла в себя, попыталась сосредоточиться и вслушаться в бесконечность. Неясный шепот и шелест наполнял

этот могущественный пустой космос, шум, как от далекого морского прибоя, который то становился громче, то снова характерно затихал.

Она попыталась ухватиться за него, настроить свои мысли на причудливый ритм души, понять ее, но там не было никаких мыслей, никакого «я», только огромная бесформенная мысленная масса, сознание, как у еще не родившегося младенца.

Дамона чуть было не потеряла на мгновение контроль над своим мысленным барьером, когда поняла, что на самом деле находится перед ней. Это гигантское нечто было не злым и не добрым. Оно жило, но не обладало способностью разбираться или действовать по своей воле. Она могла сладить с ним, властвовать точно так же, как Теракис, только лучше, более непосредственно и неограниченно, потому что ее душа слилась с сознанием огромного нечто.

Предусмотрительно, осторожно, готовая каждую секунду снова уйти в себя, она убрала свои мысленные барьеры и начала понемногу брать чуждое существо под свой контроль.

Внезапно она снова почувствовала тело, но не свое и не кошачье, а фантастическое, невероятное тело, состоявшее, казалось, из миллиардов отдельных частей и, несмотря на это, подчинявшееся ее воле. Она не могла видеть, слышать или чувствовать, зато у нее появился другой смысл, полностью отличавшийся от всего, что она когда-либо переживала. Дамона сразу же почувствовала свое окружение, яхту, ледяной холод воды и воздуха, Майка, Мюррея и Теракиса.

А потом она овладела этим огромным, безмолвным нечто. Внезапно она поняла, какие фантастические возможности таит в себе это собрание едва сформировавшейся хищной жизни, возможности, о которых и не подозревал Теракис.

Ни Мюррей, ни Майк не заметили, как над судном собрался слой движущихся облаков и, направленный невидимой силой, скользнул на запад, к центру города.

51

Отель находился в самом центре. Он не был таким важным, чтобы бросаться в глаза, но и не таким облезлым, чтобы привлекать внимание полуночников. Трехэтажное здание располагалось на узкой боковой улочке, на которой сейчас, когда ночная жизнь Лондона и Сити только начиналась, никого не было. Окна были темными, только из маленькой, наполовину остекленной швейцарской у входа падал на тротуар мутный желтый свет. В здании было необычайно тихо. Это была не просто тишина спящего здания, а покой смерти, молчание гигантского склепа. Воздух казался пропитанным едва уловимым чужеродным ароматом, а наверху крутой лестницы, ведущей из вестибюля на второй этаж, виднелось мягкое золотистое мерцание.

Дамона осторожно пошла через помещение. Под ногами клубилась серая пыль, повисая в неподвижном воздухе.

Ее тело было возрожденной, совершенной копией прежнего. Не впервые ей приходилось осуществлять обратное превращение. Гигантское нечто из протоматерии в ее руках стало не более, чем послушный инструмент, который она могла брать по своему желанию. Мысль о чудовищной власти, что она внезапно приобрела, внушала ей чуть ли не страх. Если она

действительно властвует над этим существом, то для нее нет ничего невозможного.

Дамона бросила взгляд на стойку. Стул, на котором должен был сидеть ночной портье, пустовал. На полу перед ним валялся раскрытый иллюстрированный журнал, на маленьком столике стояла чашка еще горячего кофе и лежал надкушенный бутерброд, но от человека не осталось и следа, была только блестящая серая пыль, висевшая в воздухе и, как легкая паутина, поблескивающая на окнах.

Дамона остановилась, осмотрелась и, наконец, взяла книгу записей постояльцев.

В отеле находилось не очень много жильцов. Восемь из двенадцати номеров пустовали, но на доске за стойкой не хватало только трех ключей.

Дамона вздохнула с облегчением. Даже если она пришла слишком поздно и не смогла задержать Теракиса, его дело еще не лишило жизни слишком много людей.

Дамона развернулась и двинулась по лестнице. Стертые деревянные ступеньки громко заскрипели под ее ногами. Скрип призрачно разносился по всему зданию. Дамона остановилась, некоторое время прислушивалась, потом на цыпочках покралась дальше. Она протянула руку к перилам, но тотчас отдернула, заметив на них золотистую паутину. Пальцы щипало, без всякого основания у не появилось ощущение чего-то знакомого, близкого.

Она громко вздохнула, взглянула вверх и пошла дальше. Узкий коридор, начинающийся от лестницы, тоже был покрыт тонким, неуловимым слоем пыли. Казалось, будто по пустому зданию пронесся смерч и рассыпал эту пыль. Она остановилась на лестничной клетке, нерешительно осмотрелась и повернула направо.

Было темно, но дверь в конце коридора оказалась приоткрытой. Узкая полоска серебристого лунного света падала на лестницу.

Дамона тихонько подошла к двери, остановилась и прислушалась. Единственное, что она услышала, было гулкое биение ее собственного сердца. Нерешительно, наполненная неопределенным страхом, она протянула руку и распахнула дверь.

Комната была пуста. Через большое окно на западной стене лился мягкий серебристый свет, придавая помещению

удивительно необычный вид. В комнате повсюду лежала серая пыль.

Дамона отбросила страх и решительно вошла внутрь. Ее глаза быстро привыкли к слабому освещению.

На полу у кровати стоял полупустой чемодан, телевизор работал с выключенным звуком, показывая игру музыкантов. Кровать была пуста, на ней лежала только пижама.

Сердце Дамоны, казалось, остановилось, когда она поняла, что произошло. Пижама была не просто положена на кровать, и телевизор работал потому, что человек из этой комнаты, лежа на кровати, смотрел передачу, но тело, находившееся в пижаме, превратилось в блестящую серую пыль.

Дамона в ужасе отпрянула назад. Внезапно она поняла, что означает пыль, лежащая повсюду. Пыль была ничем иным, как проявлением адской материи Теракиса, в которой она сама растворилась и из которой возродилась вновь.

Пыль...

Ужасное видение встало перед внутренним взором Дамоны. Она видела пустые улицы, мертвый город, голую равнину, над которой ветер несет серую пыль, смертоносные облака, которые все, чего касались, растворяли и увеличивались в той же мере, в какой изгоняли жизнь с поверхности Земли.

Дамона застонала. С большим трудом ей удалось прогнать ужасное видение, и она вышла из комнаты.

Теракис должен быть задержан, совершенно безразлично, какой ценой. Мысленное видение никогда не должно стать реальностью. Мурдор был ненасытен в своей жажде мести. Он не удовольствовался бы тем, что убил ее или Майка, а угрожал всей человеческой расе и был готов ее уничтожить.

Дамона быстро пошла к лестнице и, перепрыгивая через две ступеньки, спустилась вниз. Когда она преодолела половину лестницы, то услышала шум — тихие шаги, затрудненное дыхание, звуки, которые издает человек, старающийся идти бесшумно.

Над ней открылась дверь. В ярко-освещенном проеме появилась большая, ясно очерченная фигура.

— Дамона?!

Она услышала удивление в голосе Теракиса и, хотя его фигура была лишь плоской тенью над ней, почти физически ощутила его горячий, ненавидящий взгляд.

— Ну, вы меня действительно удивили, — произнес он, едва владея собой.

— Надеюсь на это, — ответствовала Дамона.

Внезапно в ней поднялся панический страх. Она пришла сюда для того, чтобы задержать Теракиса, понятия не имея, как это сделать.

— При случае вы должны рассказать мне, как вам удалось перехитрить моих стражей, — сказал Теракис. — Но это позднее, сейчас я очень занят. — Затем он добавил: — Пожалуй, ваше присутствие весьма кстати. Вы будете свидетельницей начала конца. Конца вашего мира, понимаете? — Он рассмеялся, отступил и приглашающе кивнул головой. — Идемте, Дамона.

Дамона подавила импульс мгновенного действия. Теракис не был сильным и, возможно, она бы даже справилась с ним, но ей ни к чему его убивать. Мурдор просто ускользнет в другое, более совершенное тело и продолжит свое черное дело. Нет, должна найтись другая возможность.

Дамона спокойно прошла в дверь. Эта комната была больше той, в которой она только что побывала. Здесь тоже повсюду лежала пыль — легкое, блестящее покрытие, как тонкая пленка, на мебели и коврах.

Теракис захлопнул за ней дверь и указал на открытую металлическую папку, лежащую на столе.

Рядом со столом валялся комок пустой одежды — все, что осталось от человека, жившего в этом номере.

— Чудовище, — тихо сказала Дамона. — Вы...

Теракис сделал предостерегающее движение головой.

— Не будьте так опрометчивы, Дамона. То, что здесь произошло, не моя вина. Этот человек открыл папку и умер от того, что находилось внутри. Я же сказал вам, что вы будете свидетельницей начала конца, не так ли? То, что вы видите, только... ну, скажем, исходный материал. Он давно потерял всякую опасность, иначе ни вас, ни тела, которым я пользуюсь, давно бы не было в живых. — Он засмеялся. — Но я располагаю нужными знаниями, чтобы снова его активизировать. — И он добавил со злой усмешкой: — А потом он распространится буквально с быстротой молнии.

Дамона нерешительно подошла к столу. Одежда зашуршала, когда она задела ее ногой. Дамона содрогнулась.

— Осмотритесь спокойно, Дамона, — сказал Теракис. — Сейчас здесь лишь начало, но это будет распространяться дальше. Возможно даже, вы сделаете мне и другим одолжение, если поможете разрушить наши тела. Ваш мир иной, не похожий на наш. Он слишком научно ориентирован, и так как едва ли кто здесь верит в магию, то вряд ли вас можно победить с ее помощью. Но можно средствами науки. — Он взял папку, перевернул и встряхнул. — Пыль, — усмехнулся он. — Ничего, кроме безобидной пыли. И все же...

— Вы не добьетесь успеха, — глухо сказала Дамона. — Вы не первый, кто пытается уничтожить человеческую расу, но все потерпели неудачу.

— Но я первый, кто имеет возможность сделать это, — невозмутимо сказал Теракис. Он взял горсть серой пыли и пропустил ее между пальцами. — Стоит только произнести маленькое заклинание, и из безобидной пыли она... — Он запнулся и взглянул на Дамону полными недоверия глазами. — Но как вы попали сюда? — спросил он, словно это лишь сейчас пришло ему в голову. — Охрана была запрограммирована на ваши телесные колебания. Она бы никогда вас не выпустила.

— Знаю, — сказала Дамона. — Она и не выпустила.

Теракис немного подумал.

— Потом... — начал он и снова запнулся. — Потом вы...

— Ваш охранник выполнил свое задание, — проговорила Дамона. — Но вы начали совершать смертельные ошибки. Вы должны были убедиться, что ваши создания действительно подчиняются вашей воле.

Теракис побледнел. Казалось, внезапно он понял истину, но было слишком поздно.

Дамона подняла руки. Из кончиков пальцев брызнул на серый от пыли ковер дождь светло-голубых искр. Протоматерия забурлила. Дрожь пробежала по помещению, на какие-то мгновения Дамона услышала стон чужеродной материи.

Теракис закричал. Мурдор тщетно пытался вернуть себе власть над протоматерией, но власть Дамоны в этот момент оказалась сильнее. Она боролась не только своими духовными силами, но и силами гигантского существа. Она была в нем, ее тело являлось составной частью этой невероятной штуки, в то время как Мурдор пытался повлиять на нее извне.

Серая пыль съежилась, как при обратной прокрутке фильма, в котором камень падает в воду и образуются круги. Ленивые серые волны пробежали по греческому ученому, подкатились к его голове и покатались вверх.

Теракис закричал. Отчаянным движением он попытался стряхнуть пыль, но мысленные приказы Дамоны бросали на него все больше смертоносной материи, пока Теракис не оказался как бы в центре причудливого тайфуна. Он зашатался. Тяжелый, еле слышимый стон вырвался из его горла. Слепой от боли и паники, он стал отмахиваться, споткнулся, но в последний момент устоял на ногах.

Тело его начало растворяться. У него еще оставались некоторые силы, невероятные силы Мурдора, но его сопротивление заметно ослабело, и протоматерия начала свою разрушительную работу. Кожа Теракиса посерела и начала трескаться. Тонкие языки пыли заструились из рукавов куртки. Он хотел закричать, но изо рта вырвалась лишь серая пыль. Его лицо разрушилось и стало плоским, на котором все кипело и бурлило.

Он покачнулся, шатаясь, двинулся через комнату и грохнулся об окно. Рама задрожала от удара. Выбитое стекло зазвенело и рассыпалось. Теракис потерял равновесие и беззвучно рухнул вниз.

Какое-то время Дамона стояла, как оглушенная. Прошло несколько секунд. Потом по комнате пробежало нечто вроде невидимой дрожи. Внутри у Дамоны что-то умерло. Серая пыль стала лишь пылью, и на короткое время Дамона ощутила острое чувство утраты.

Теракис был мертв, а вместе с ним умерла и протоматерия.

Дамона с трудом стряхнула оцепенение и подошла к окну. Двор находился на два этажа ниже, но с улицы и из соседних домов падало достаточно света, чтобы Дамона все рассмотрела.

Прямо под окном стоял высокий, толщиной с человека дуб. Теракис упал на его крону, попытался ухватиться за ветки, но сорвался. Его тело лежало в необычайно свободной позе у подножия ствола.

Дамона долго стояла у окна и глядела вниз. Человек, умерший там, внизу, меньше всех их сделал в этой борьбе. Он был только пешкой, беззащитной игрушкой в дуэли, которая началась миллионы лет назад и продолжается до сих пор.

Мурдоры живы. Они ослабели, но все еще опасны. Возможно, даже опаснее, чем раньше.

Борьба продолжается.

Дамона постояла еще несколько секунд, потом повернулась и взяла телефонную трубку.

ПЕСНЬ **ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

*

*Вот семь лет миновало с падения Трои,
А мы плыли под знойными звездами юга,
С берегами прощаясь любимой Италии...
Вергилий*

Я обнаружил, что маленькое приспособление может запоминать мои слова, а потом, благодаря механизму, устройство которого я не понимаю, повторять их. Недавно я установил, сколько оно может запомнить. Я говорил много часов подряд, и оно все запомнило слово в слово. Сейчас я стер все это, используя специальную кнопку, и начал сначала.

Я хочу оставить информацию о том, что со мной приключилось. Поэтому всякий, кто когда-либо придет сюда и обнаружит меня мертвого, все равно поймет все. Я чувствую, что кто-то обязательно придет, хотя и сам не знаю, зачем.

Я хочу, чтобы он знал...

Я не помню, как меня зовут. Люди, среди которых я нахожусь и которые до сих пор были добры ко мне, называют меня Подрезанное Горло. Это из-за того, что у меня от уха до уха тянется через все горло красная полоса.

Каждый день у меня будет пронумерован.

Это....

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Те люди выше меня. Мужчинам я едва достаю до плеча. Они говорят, что нашли меня на снегу спустя час после прохода Больших Саней, но что такое Большие Сани, я не смог узнать. Сначала я думал, что это какое-то явление природы, как, например, снежная буря, но они говорили, что видели такое впервые в жизни и спрятались от страха.

Они принесли меня в свой лагерь. Когда я немного поправился, то понял, что немного, совсем мало, понимаю их речь.

Они одевались в меха, дома их были из натянутых на молодые деревца звериных шкур, присыпанных потом снегом. На дворе все сильнее завывает ветер, наметая вокруг домов огромные кучи снега. Я лежу на меховой подстилке, тусклый свет льется с потолка, испускаемый подвешенными на кожаных ремнях фосфоресцирующими грибами.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Меня разбудила женщина, которая принесла каменную миску с чем-то вроде супа, что одновременно играло роль лекарства. Я спросил об этом, и она ответила, что это приготовлено из молодых побегов какого-то дерева. «Суп» был жидкий и довольно остро приправлен, на мой вкус, но, проглотив его, я сразу же почувствовал себя лучше. Я встал и вышел наружу. Женщина, идущая за мной, показала небольшой закрытый закуток в ста метрах от лагеря, где мужчины справляли нужду.

Когда я вернулся, мужчин в лагере уже не было. Они отправились на охоту, как объяснила мне женщина. Я сказал, что тоже хотел бы пойти, так как не желаю быть нахлебником и могу добыть больше мяса, чем съем. Женщины засмеялись, услышав это, и сказали, что я еще слишком молод и мал, чтобы охотиться с мужчинами. Говорили они это очень деликатно и мягко, стараясь не причинить мне боль и обиду. Просто они констатировали факт, и от этого, уже через несколько мгновений, я почувствовал, будто нахожусь на каком-то приеме, хотя какого-либо другого приема, кроме последней ночи, я не могу вспомнить. Дул ветер, сыпал снег, было очень холодно. Они

любезно смеялись также над моим комбинезоном, который так отличался от их меховых одежд.

Потом они сказали, что идут собирать еду, и я ответил, что помогу им. Это опять очень развеселило их, и они запели что-то вроде песни, в которой говорилось, что я буду отыскивать разные съедобные растения и еще задолго до полудня не смогу разогнуть спину. Однако, когда они вдоволь навеселились, Красная Клиу, которая, как мне кажется, была матерью вождя и потому самой важной в племени, вошла в хижину и через мгновение вышла, держа в руках оружие.

Она сказала, что я должен буду охранять их от нападения каких-то зверей. Каких — я не понял.

Это оружие у меня до сих пор. Оно состоит из деревянной рамы, трех плоских пружинистых кусочков кости, а может быть, рога и ременной тетивы. Этим оружием нужно было метать камни или куски льда, но специальным снарядом была выгнутая особым образом, утолщенная с двух сторон палка из тяжелой древесины, кое-где утыканная кусочками кости и обломками скалы.

Мы прошли около трех километров, все время бредя по снегу, который кое-где достигал колен. Мы шли один за другим, сменяя протаптывающего дорогу.

Женщины с помощью кожаных ремешков обмотали ступни шкурками, а у меня были теплые влагонепроницаемые ботинки из черной кожи.

Несколько раз мы проходили возле деревьев, поскольку Красная Клиу старалась при возможности выбирать дорогу, менее засыпанную снегом.

Могу ли я утверждать, что деревья оказались для меня полной неожиданностью?

До того, как я их увидел, ничто не было в состоянии удивить меня, поскольку я никак не мог прийти в себя и постоянно ловил себя на мысли, что думаю о своем прошлом и о том, как оказался среди этих людей. Хотя я ничего не могу вспомнить, но мне кажется, что где-то в подсознании у меня находится закодированное туманное понятие, касающееся того, что я пользовался когда-то какими-то предметами и знал некоторые вещи, которые невозможно было бы узнать в этом мире.

Я не знаю, как должны выглядеть деревья, и мне трудно описать, что мне понравилось в них. Они были зеленые или

бронзово-зеленые и обычно имели ствол, хотя встречались и такие, которые имели двойные или даже тройные стволы, соединившиеся вверху в один. Вверху же находились ветви, простые, кривые и гнутые в зависимости от вида. Иногда — чем толще ветвь, тем дальше она простирается — они связываются снова, чтобы опять разделиться и выпустить новые зеленые побеги. Некоторые деревья покрыты здесь растущими поодиночке и группами листьями, но на некоторых их не было совсем. Все деревья гибкие, гнущиеся под весом снега, а потом, когда сбрасывается непосильная тяжесть, они вдруг распрямляются и застывают сразу, без малейшей дрожи.

Наконец, мы добрались до цели своего путешествия — к ровному, наклоненному на юг склону с разбросанными большими камнями. Снег здесь достигал едва ли нескольких сантиметров глубины.

Женщины рассеялись по склону, разгребая снег и срывая небольшие, свободно растущие растения, для которых эти сложные условия существования были вполне естественны. Вначале я старался им помочь, но не имел понятия, какие растения годятся в пищу, и, кроме того, у меня не было сумки. Женщины все время смеялись надо мной, и в конце концов, я бросил это дело и занялся упражнениями в стрельбе.

Это было очень интересное оружие, не требовавшее особого умения — я успел в этом убедиться, — так как хорошо натянутая тетива и пружинистые зажимы метали палку не только в цель, находящуюся на линии полета, но и далеко в стороне.

Красная Клиу показала мне, как нужно класть камень на тетиву, и я стал тренироваться. Потом я вспомнил, что, кроме этого грозного оружия, у меня в кармане лежит складной нож — вместе с зажигалкой и некоторыми другими вещами, — поэтому я выстругал из дерева палку. Мне было жалко красивых, украшенных резьбой снарядов, лежащих в моем колчане.

Ничего интересного не происходило до того момента, когда солнце не оказалось почти за нашими спинами. Тогда и раздались первые отчаянные крики, доносившиеся из-за деревьев у подножия склона. Женщины мгновенно прервали сбор и замерли, словно пни. Они не отрывали взоров от той стороны, откуда доносились крики. Случилось так, что мое оружие было

заряжено и готово к пробному выстрелу. Я тоже замер, выставив этот самострел перед собой.

Крики все усиливались, и, наконец, из-за деревьев появилась какая-то фигура.

Сперва я подумал, что это девушка.

Потом, когда фигура побежала в нашу сторону, пользуясь как задними, так и передними конечностями, я понял, что это зверь. Когда же я услышал совсем невдалеке высокий жуткий вой и увидел длинную шею с острой, вытянутой вперед мордой, то подумал, что это птица. Женщины стояли, как вкопанные, до того момента, когда необычное существо заметило их и бросилось бежать опять к лесу.

Лишь тогда они ожили и, крича, бросились бежать следом, бросая камни. Я очень удивился тем, как они быстро бегут. Красная Клиу закричала, чтобы я стрелял, и, мгновение колебавшись, так как фигура очень напоминала мне человеческую, я выстрелил. К сожалению, снаряд был выструган мною и оказался очень легким. Беглец, пораженный в область поясницы, споткнулся, но не упал. Как можно быстрее я вытащил из колчана тяжелый круглый снаряд и побежал за остальными.

Я сказал, побежал, хотя, по правде говоря, я запрыгал большими прыжками. Я, конечно, хотел бежать, но каждый мой шаг превращался в прыжок пятиметровой длины, и за время, не превышающее нескольких ударов сердца, я преодолел четырехсотметровую дистанцию. Одновременно я заметил одну странную вещь: как женщины, так и преследуемая ими жертва бежали, не проваливаясь в снег даже там, где толщина покрова была больше полуметра.

Оказавшись достаточно близко, я приостановился возле большого камня и выстрелил тяжелым снарядом. Я целился в голову, но плохо рассчитал траекторию, и палка попала в колени, ломая обе ноги.

Теперь я уже не сомневался, что это женщина. Едва тело коснулось снега, как перед ней уже выросла Красная Клиу, а через мгновение и все остальные.

Я видел, как, умирая, она повернула к солнцу лицо, прекрасное и дивное, хотя и несколько странное, после чего ее глаза потеряли блеск и закатились, показывая белки.

Красная Клиу перерезала этому существу шейную артерию, и вместе с кровью из него вытекла жизнь.

— Кто это? — спросил я.

— Лана Денизе. Она еще молода.

Одна из женщин, Блестящая Ада, коснулась ног убитой.

— Мужчины наверняка ничего хорошего не принесут, а у нее мясо такое нежное, что сразу же сходит с костей.

— Вы хотите съесть ее?

— После того, как ты выберешь себе какую-нибудь часть, — ответила она и удивилась моему удивлению.

— Да, — подтвердила Красная Клиу, — ее убил Подрезанное Горло.

— Мы охотники! — закричала одна из женщин.

Красная Клиу дотронулась до подбородка.

Этот жест, как я начал уже понимать, означал «да». В этот момент с того направления, откуда несколькими минутами ранее выбежала Денизе, раздался мощный рык. На краю леса стояла женщина, такая высокая и такого мощного телосложения, что ее можно было легко посчитать великаншей. Она что-то пронзительно кричала.

Женщины тотчас ответили, размахивая руками. Великанша нервно забегала по опушке, не переставая кричать голосом более резким и сильным, чем мне когда-либо приходилось слышать даже у мужчин.

У нее были необычайно буйные, достигавшие пояса волосы, похожие на льняную паклю, и квадратное, сильное лицо, достаточно аристократическое и грубое одновременно, словно его обладательница была предводительницей каких-то разбойников.

Я попытался разузнать у женщин, кто она, но они создавали столько шума, что я не мог перекрыть их, поэтому занялся поисками большой кривой ветки на тот случай, если великанша надумает приблизиться к нам.

Но она не покидала опушки леса. Спустя какое-то время, после непрестанных криков, она повернулась и исчезла среди деревьев, позволив женщинам восторжествовать и отнести добычу в лагерь. На обратном пути я все же добился от Красной Клиу ответа на интересовавший меня вопрос.

— Кетинша, — ответила она.

— Но кто она?

— Просто Кетинша. Нам повезло, что с ней не было ее мужа.

— Где они живут?

— В лесу возле малого водопада. Знаешь, где это?

Я признался, что нет, и спросил, большое ли у них племя.

— Это не племя, — рассмеялась Красная Клиу. — Здесь у нас очень мало мяса. Тебе все же нужно было посмотреть на Кетинша. У них был сын, но он куда-то ушел отсюда.

Мне сделалось плохо от мысли, что я должен есть мясо девушки, хотя она мало напоминала человека. Однако, когда вернулись мужчины — так уж получилось, что они пришли с пустыми руками, — оказалось, что, отказавшись принять свою долю еды, я тем самым вызвал бы к себе общественное недовольство. Мне не оставалось ничего другого, как взять большой кусок мяса и сжевать его с самой приятной миной, какую я только мог скорчить.

В конце концов, я был страшно голоден, а мясо было таким мягким — как и предполагала Блестящая Ада, — что прямо таяло во рту, может быть, потому, что эти люди не употребляли соли и каких-либо других приправ. На завтрак, кроме Ланы, был подан зверек, пойманный охотниками, мясо у которого было твердое, но с более приятным вкусом, а также какая-то трава и корни, которые собрали женщины.

Когда мы сидели возле огня, я заметил, что мужчины как-то странно присматриваются ко мне, но только спустя какое-то время понял, в чем дело.

У меня начала отрастать щетина, а у моих спасителей, не считая редкого пушка над верхней губой, вообще не было никаких волос на теле. Когда я понял, что к чему, то извинился и тут отправился в «туалет». Среди предметов, что я нашел в карманах, была бритва, которой я и воспользовался.

Когда мое лицо стало достаточно гладким, я вернулся к огню.

Некоторые из присутствующих были удивлены изменениями в моем внешнем виде, но, очевидно, быстро пришли к мысли, что то, что они видели раньше, было просто игрой теней на моем лице. Во всяком случае, я надеялся на это.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Не знаю, должен ли я сначала рассказать о самом главном Или просто перечислять события в таком порядке, в каком они происходили.

Я подумал и решил, что надо начать с того, что, на мой взгляд, является наиважнейшим. Попытался и попал в ловушку бесконечных объяснений, перемежающихся информацией о случаях, которые имели со мной место.

Сегодня я пошел с мужчинами на охоту.

Красная Клиу рассказала им, как быстро я бегаю и без особого напряжения натягиваю тетиву оружия, поэтому они отнеслись ко мне сначала настороженно, даже враждебно. Однако через некоторое время успокоились.

Способ, каким они охотились, не требовал большого умения. Половину дня или даже больше мы продирались через лес, не встречая на пути ничего хорошего, кроме маленьких зверушек, одну из которых они принесли вчера с охоты. Зверьки имели пушистый хвост и были похожи своей ловкостью на обезьян. Их было здесь несколько видов, по крайней мере, я так считал, судя по внешности и поведению. Мужчины стреляли в них при малейшей возможности, используя толстые палки. Убитых зверьков зарывали в снег, чтобы за-

брать на обратном пути, а место отмечали сплетенными ветками.

Через четыре-пять часов такого хождения по лесу мы вышли на тропу, которая была проложена человеком большого роста, двигавшегося крупными шагами. Я вспомнил, что Красная Клиу говорила о Кетине, муже Кетинши, и у меня возникло нехорошее предчувствие. Мне не хотелось повстречать кого-нибудь из них в этом засыпанном снегом лесу. Мужчины, однако, имели на этот счет другое мнение, поскольку сразу же затащили какую-то песню и двинулись по тропе. После нескольких попыток когда бегом, а когда шагом, то быстрее, то медленнее, мне все же удалось совладать с новой для меня способностью. Из-за моего маленького роста, мне это было сделать легче, чем им.

Вождь племени, сын Красной Клиу, которого звали Длинным Ножом, заметив, что я испытываю затруднения, сказал, что обычно они бегут значительно легче, но сегодня снег исключительно неприятный.

— Потому что он глубже, чем обычно? — спросил я.

— Нет, — ответил вождь, — бывает еще глубже. Но если он полежит несколько дней и не выпадет новый, то поверхность снежного поля становится похожей на замерзшее озеро. Тогда мы охотимся по нему намного легче. Иногда, если выпадает слишком много снега, ходить вообще нельзя. Мы сидим в лагере и ждем, пока он смерзнется.

Ветер набрал силу и стал наметать новые сугробы. Я спросил, не помешает ли это нашему пути.

— Нет, — последовал ответ. — Снег сегодня не такой рассыпчатый. Хуже с ветром. Будет плохо стрелять.

— Значит, с обезьянками конец?

— Мы выследили нашвонка! — засмеялся он. — Хорошо, что он такой большой. Мы подойдем близко и будем стрелять по ветру. Тогда не промажем.

Ветер был таким холодным, что с каждым вздохом мне казалось, будто легкие замерзают.

Я бежал рядом с Длинным Ножом еще два-три километра, другие отстали.

Потом он спросил:

— В своих краях ты никогда не бегал по снегу?

Я ответил, что не помню, откуда я.

— Кто-то напустил на тебя чары. Ты должен пользоваться этим.

— Почему?

— Тебя нельзя убить. Когда погибает заколдованный зверь, чары ищут нового хозяина и переносятся на убийцу.

— Но я не зверь!

Он засмеялся, не сбиваясь с ритма бега.

— Все звери так говорят. Нашвонк тоже.

— Он не может нас услышать? Вы так громко поете...

— Мы хотим, чтобы он услышал нас. Он боится нас и будет убегать. Когда мы догоним его, он будет слишком усталым, чтобы хорошо защищаться. Он очень большой, чтобы бегать по снегу.

— Кетин тоже очень большой?

По выражению лица Длинного Ножа я понял, что лучше бы мне не упоминать этого имени.

— У Кетина очень легкий шаг, — наконец, ответил вождь.

Он увеличил темп и сразу обогнал меня метров на десять.

Это было настолько детское поведение, что стыдно вспомнить. Я тоже прибавил, и оказалось, как, впрочем, я и ожидал, что я могу бежать гораздо быстрее его. Я догнал Длинного Ножа, и какое-то время мы бежали плечом к плечу. Затем я опередил его большими прыжками и легко оставил позади. Чтобы подчеркнуть свое превосходство, я, не снижая темпа, бежал так чуть ли не десять минут.

Лес становился все гуще, и вскоре я вынужден был петлять между стволами и перепрыгивать через поваленные деревья.

Внезапно, прорвавшись через особенно густые заросли, я оказался на открытом пространстве. Ветер тем временем сменился снежной бурей, но несмотря на пургу, я увидел перед собой терявшийся вдали широкий, полузасыпанный снегом след. Он шел по склону небольшого возвышения, словно невероятная сила толкала впереди себя какую-то многотонную тяжесть.

Я мгновенно вспомнил о нашвонке, по следу которого недавно шел, и, двинувшись вперед, решил немного исследовать столь таинственное явление.

Взойдя на его вершину, я увидел нечто, сразу же заставившее меня отбросить всякую мысль о дальнейшем изучении

следов. Посреди широко утрамбованного тракта, в массивном кресле из черного дерева сидел человек, более громадный, чем можно было представить даже в самых фантастических допущениях. Его лицо было повернуто в мою сторону, словно он ожидал увидеть именно меня, хотя что-то в его грубых чертах говорило о том, что не так скоро.

— Ты один из них? — спросил он, легко кивнув головой, показывая, что имеет в виду членов племени, чья песня, приглушенная расстоянием и падавшим снегом, как раз донеслась до моего слуха.

— Нет, — покачал я головой. — Я их гость.

— Но ты охотишься с ними. — Великан улыбнулся, встал и довольно неуклюже обошел кресло, чтобы остановиться за его спинкой. Он был крепко скроен, массивен и очень высок, но, тем не менее, ноги его казались непропорционально короткими.

— Я не охочусь на тебя, — сказал я.

— Весьма мудро с твоей стороны.

— Почему? Я тебя не боюсь!

Это была ложь. Думаю, так она и прозвучала.

— Тогда почему ты здесь?

— Я не охочусь на людей. Я думал, что они ловят какого-то зверя.

Это была очевидная ложь, ведь я видел его следы, однако, о человеке подумал лишь тогда, когда начал с ним говорить.

— Ты нашвонк?

— Меня зовут убийцей людей! Вот так-то! Видишь?

Он, как пушинку, поднял кресло и направился в мою сторону. Концы ножек были заострены и имели более темный цвет, чем остальные части. Они походили на металлические.

Нашвонк пальцем, имевшем толщину моего предплечья, постучал о перекладину, стягивающую спинку кресла.

— Сухожилия, которыми оно связано, я вытащил из человеческих ног. А твоих приятелей я перебил уже около двух дюжин. Сейчас они хотят достать меня на глубоком снегу, по которому передвигаются, как мухи, но здесь, на пути Больших Саней, снег превратился в лед, и сомневаюсь, чтобы они оказались быстрее меня, даже наверняка не будут быстрее. Я убью их всех, а потом тебя. Кто их вождь? Длинный Нож? Спроси его, что приключилось с его отцом.

— Он уже здесь, — сказал я. — Можешь сам спросить его об этом.

Несколькими мощными движениями Длинный Нож оказался рядом со мной.

— Я вижу, ты нашел его. — Он тяжело дышал. — Я так и думал, что он будет ждать нас именно здесь. Иногда он утрамбовывает снег, чтобы облегчить себе дорогу, но мы и так поймаем его.

— Раз вам не удалось это раньше, почему ты считаешь, что сейчас будет по-другому?

Нашвонк устался на Длинного Ножа косыми глазами и молчал. Потом, ни на секунду не выпуская из рук свое кресло, медленно двинулся по дороге. Мы с Длинным Ножом, все время держась на краю глубокого снега, последовали за ним. Песня охотников становилась все слышнее.

— Не бойся, мы убьем его, — сказал вождь. — Сегодня будет много мяса. Мы уже убивали таких.

— Их много здесь?

— Не знаю. Нас это не интересует. Главное, что у них много мяса.

Ветер дул прямо в лицо, ослепляя снегом. Длинный Нож пошел быстрее и выбежал на утрамбованную дорогу метрах в пятидесяти впереди нашвонка.

Оружие было приготовлено к выстрелу, и я понял, что он хочет использовать силу ветра и попасть великану в голову.

Однако, нашвонк мгновенно пригнулся и, заслонившись креслом, бросился на врага.

Выстрел пропал бы даром, поэтому Длинный Нож рванул-ся назад, в глубокий снег. В это время подошли остальные охотники.

— А ты что? — закричал Длинный Нож, уставившись на меня. — Разве ты не будешь есть мясо?

Я сказал, что, наверное, не буду.

— Все равно поможешь нам. Иди на другую сторону. Мы окружим его и выстрелим все одновременно.

Выполняя приказание, я подошел к нашвонку слишком близко. Огромный, словно столетнее дерево, великан двинулся с креслом в мою сторону так быстро, что я едва успел избежать острой ножки. Он взмахнул креслом, и ножка прошла мимо моей головы в паре сантиметров.

Длинный Нож выстрелил, попав великану в руку, но палка не причинила ему видимого вреда. Нашвонк побежал за мной.

Его короткие ноги были длиннее меня всего, поэтому на утрамбованном снегу он мог развить большую скорость. Однако, я, к своему удивлению, превосходил его не только в ловкости, что было очевидно с первого взгляда, но и в скорости. Я понял, что могу убежать от него, если только не поскользнусь и не упаду. Не нужно напрягать фантазию, чтобы догадаться, что произойдет со мной в этом случае.

Вслед за нами побежали и остальные.

Через несколько минут нашвонк был окружен.

Удар заостренной палки рассек ему лоб, но из-за густых бровей кровь не заливала глаза. Кроме этого, насколько я мог сориентироваться, никакого вреда ему не причинили. Через какое-то время стало ясно, что следует изменить тактику. Те палки, которые после выстрелов падали на утрамбованный Большими Санями снег и находились вдалеке от великана, можно было еще раз пустить в дело, однако, очень многие из них, пролетая мимо цели, попадали в сугробы и терялись в снегу. По мере того, как метательные палки иссякали, а усталость великана усиливалась, круг становился все уже и уже.

Охотники, уже не имевшие, чем стрелять, повесили оружие через плечо и вытащили из-за пояса широкие ножи с кожаными рукоятками. Когда нашвонк повернулся к ним спиной, они подбежали к нему и стали резать сухожилия на его ногах.

Один из нападавших немного замешкался, и огромное кресло ударило его по голове.

Охотник пролетел несколько метров, а когда упал на землю, нашвонк был уже рядом, замахиваясь креслом и намереваясь пригвоздить его к земле. Несчастный попробовал откатиться в сторону и почти ускользнул от разъяренного гиганта, когда одна из ножек кресла вонзилась ему в бедро, пробила насквозь и вошла глубоко в снег. Нашвонк вновь поднял кресло, намереваясь сделать второй, завершающий удар, но в этот момент Длинный Нож одним прыжком взлетел великану на плечи и вонзил нож в горло.

Струей вылетела кровь, пульсируя в такт биению большого сердца. Великан выронил кресло и протянул к Длинному Ножу

ручищи, но тот, изловчившись, ударил его ножом по пальцам. Одновременно с этим другие охотники перерезали на ногах великана сухожилия, и великан, словно огромное дерево, рухнул на землю, заставив ее содрогнуться. Когда мы вытащили из его объятий едва дышавшего Длинного Ножа, гигант был уже мертв.

Часть охотников занялась раненым товарищем, а другая взялась свежевать тело.

Огромную голову с диким выражением глаз, руки, ступни и внутренности оставили на снегу, сердце и печень забрали, предварительно заморозив. Они были предназначены для вождя.

По его приказу почти половина охотников пошла к лесу, чтобы приготовить сани для транспортировки мяса. Они вернулись относительно быстро, даже разделка туловища еще не была закончена, таща за собой сани, изготовленные из небольших стволов деревьев. Концы двух длинных стволов были загнуты кверху и служили полозьями. Из-под меховой одежды Длинный Нож вытащил треугольное полотнище, сделанное из множества сшитых между собой, тщательно выделанных шкурок каких-то зверьков. Гладко отесанная жердь служила мачтой, а две другие были реями.

Я сказал вождю, что думал: придется тащить такую гору мяса на самодельных санях.

— Мы будем тащить только на самых тяжелых участках, — ответил он. — Парус сделает за нас все остальное. Ветер сильный, прямо в спину. Мы поедем по следу Больших Саней и немного вбок, когда приблизимся к лагерю.

— Если бы ветер был другой, мы бы не шли в эту сторону, — объяснил мне другой мужчина. — Хороший охотник всегда охотится под ветер или поперек его, потому что тогда можно вернуться, даже если добудешь много мяса. Кроме того, зверь не чувствует запаха приближающегося охотника.

— Да, — кивнул Длинный Нож. — Но если мы попадаем на след нашвонка, то идем туда, куда идет он.

Когда сани были загружены, мы уложили раненого на кучу замерзшего мяса, потом взгромоздились сами, кто где смог найти место. Длинный Нож стоял сзади на санях, крепко упершись унтами в то, что осталось от ног нашвонка, и управлял парусом и длинным румпелем.

Впервые мне пришла в голову мысль спросить, как выглядели Большие Сани.

Я и спросил прижавшегося ко мне охотника.

— Ты не знаешь? — удивился он. — Но ты же пришел от них.

— Ты в этом уверен?

— Ты одет так, как они, а нашли тебя вскоре после того, как Большие Сани прошли возле нашего лагеря.

— Я ничего не помню. Они оставили такой широкий след... Эти Сани длинные?

— Очень.

— На них были люди?

— Мужчины и женщины, одетые, как ты. Те Сани не были такими плоскими, как наши. На них был большой шалаш, а на шалаше множество маленьких. На Санях не было паруса, и никто их не тянул, когда они трогались в путь. Словно равнина наклонилась специально для них, и они запросто поехали под гору.

— Понятно, — кивнул я, хотя совершенно ничего не понимал. Несмотря на это, я задал следующий вопрос: — А с какой скоростью они двигались?

Мой сосед пожал плечами.

— Не быстрее охотника. Мы долго шли за ними, но Сидевшие в них не позвали нас забраться наверх, и мы вернулись назад. Тогда мы и нашли тебя.

Вечером возле огня я продолжал думать о Больших Санях и убийстве нашвонка. Я думал, что члены племени уже считали меня своим, ведь все-таки я умел прыгать и бегать лучше кого-либо из них, сам убил Лени Денизе и перерезал одно из сухожилий нашвонка, когда тот готовился задушить вожда. Однако, когда все уже спали, Длинный Нож пришел ко мне и сказал, что для меня будет лучше, если я покину лагерь.

Я возразил, что не думаю, будто они готовы так поступить.

— Ты знаешь Кровавую Нogu, того, кого ранил нашвонк?

— Да, но я считал, что его зовут Огненный Петух.

— Когда его раны заживут, он будет назван Кривая Нога. Хорошо было бы, если бы его убили и съели?

— Не знаю, не могу сказать.

— Это было бы нехорошо. Люди с Больших Саней считают иначе, но согласно нашим извечным законам, есть можно любое мясо, за исключением человеческого. Однако, если Кривая Нога не выздоровеет до следующей полосы голода, его наверняка убьют. Голод — наивысшее право! Кто его не преодолеет, тот гибнет. Если нарушается какой-то другой закон, можно наказать болезнью или отстранить от охоты. Иногда вину можно простить, иногда прощение можно купить, но...

— Понятно, — перебил его я.

— Ты не человек. На лице у тебя растут волосы, и ты вынужден удалять их. Я видел, как ты это делал, не отрицай! Думаю, у тебя с Кетином одна кровь.

— Я никогда не видел его.

— Ты ничего не помнишь, почему же должен помнить свое происхождение? Он тоже умеет далеко прыгать, хотя он такой большой, а ты маленький. И у него тоже есть волосы на лице.

— Что же мне делать?

— Уходи рано утром. Часть мяса нашвонка принадлежит тебе. Я отдаю ее тебе. Можешь также взять сани, которые мы смастерили. Они тебе пригодятся.

— Я мог бы взять парус?

— Нет, — покачал головой Длинный Нож. — Он слишком ценен.

— Я отдам за него свою порцию мяса.

— Тогда тебе не понадобятся сани, чтобы везти мясо, — рассмеялся Длинный Нож.

— Мясо я сам добуду. Значит, ты даешь мне парус, а я тебе свою долю мяса нашвонка.

— Согласен. — Он сунул руку за пазуху и вытащил сложенный парус. — Его нужно только привязать ремнями, как это делал я.

Когда он отошел, я засомневался, сколько в его словах было правды. Я даже было решил спать с ножом в руке, но тут же подумал, что сейчас у племени навалом мяса и непосредственная опасность мне не угрожает.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Рано утром я нашел на краю лагеря обещанные сани. Я пришел к шалашу Длинного Ножа, где он и Красная Клиу готовили ранний завтрак, и отдал ему оружие, которое дала мне его мать в первый день моего пребывания у них.

Я надеялся, что они великодушно оставят его мне, однако, этого не произошло, но меня все же пригласили на завтрак.

Потом я проведаль лежащего в своей хижине Кривую Ногу и пожелал ему скорейшего выздоровления. Во время нашего разговора я не выпускал из рук нож, так как допускал, что все сказанное Длинным Ножом было правдой. Мне бы пригодились оружие раненого, но он не мог отдать его.

Когда мы попрощались, дел у меня больше не нашлось. Я вернулся к саням, привязал парус и натянул шкот. Ветер немного ослабел, но все так же дул с запада, и это означало, что без хлопот я смогу добраться до следа, оставленного Большими Санями, хотя после этого мне придется тащить их за собой.

С таким маленьким грузом сани отлично двигались даже по мягкому снегу, и только два раза я толкал их, когда дорога становилась уж очень крутой.

Скольжение по следу оказалось очень интересным делом, и когда я освоился с управлением парусом, то смог хорошень-

ко разогнать сани. Меня начала беспокоить мысль об еде, но не было смысла задерживаться. Даже если бы мне и удалось выследить снежных обезьянок, убить их все равно было нечем. Моим шансом было как можно быстрее догнать Большие Сани, поскольку добыть пищу другим путем невозможно.

Из того, что мне удалось узнать, вытекало, что Большие Сани опередили меня на каких-то шестьдесят часов. Однако, двигались они медленно и большую часть дня проводили в каком-то племени. Так было, например, с племенем Длинного Ножа. Поэтому я был уверен, что если мне удастся сохранить скорость, то я смогу догнать их сегодня или наверняка завтра.

Достигнув дороги, я вытащил сани на вершину холма, который послужил мне наблюдательным пунктом во время первой встречи с нашвонком. С немалым удовольствием заняв место в санях, я помчался вниз.

Оказалось, что это так же приятно, как и скольжение под парусом. Несмотря на встречный ветер, мне удалось, двигаясь галсами по всей ширине дороги, взобраться на следующий холм без всяких усилий и значительно быстрее, чем если бы я толкал сани впереди себя.

Через час мне пришла в голову мысль, что, сбросив часть бревен, составляющих основание для перевозки массивной туши нашвонка, я смогу значительно уменьшить массу моего транспорта. Я тут же отвязал их, получив таким образом дополнительные ремни для лучшего крепления паруса, и стянул мачту с выгнутыми вверх полозьями.

Скорость, конечно же, сразу возросла.

Когда, спустя какое-то время, к моей великой радости ветер изменил направление на северный, я летел с такой скоростью, что уже с вершины каждого холма, на который взлетали мои сани, начал внимательно осматриваться в поисках своей цели.

Начало темнеть, однако, я продолжал мчаться вперед. Похолодало, и я стал замерзать, однако это не заставило меня прервать путь даже после захода солнца. В моем распоряжении был свет двух, а после только одной луны.

Однако, когда и эта закатилась за горизонт, я перестал видеть дорогу и мог легко повернуть не в ту сторону, не подозревая об этом, и потерять таким образом все, что наверстал за сегодня. Около полуночи я остановился и оттащил сани на

полкилометра в сторону. Оказавшись возле небольшой рощи, я вырыл яму в снегу и заполз в нее.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Когда я проснулся рано утром, оставалось совсем немного, чтобы я навеки не открыл глаза — ноги так замерзли, что я не чувствовал их и вынужден был долго растирать снегом, пока к ним не вернулась жизнь. Лицо я массировал еще дольше. Могу сказать, что жив я остался только благодаря удивительным свойствам моего комбинезона. Кроме того, я лег спать очень поздно и до рассвета прошло не так уж много времени. Теперь я знаю, что нужно иметь огонь, какое-нибудь убежище и нельзя ложиться прямо на снег.

Когда я вернул чувствительность полуотмороженным конечностям, то начал задумываться над тем, где раздобыть немного еды, хотя — странное дело — я совсем не чувствовал голода. Возможно, от Больших Саней меня отделяло лишь несколько километров. Однако, если это было не так, то без пищи я скоро ослабну настолько, что не увижу даже следующего утра. Поэтому я разжег костер и, вспомнив, как женщины собирали съедобные растения, взялся за поиски.

Вначале я искал среди деревьев, но ничего не нашел. Потом вспомнил, что женщины выбирали открытый, наклоненный к югу склон.

Я обнаружил похожее место и вскоре нашел несколько кустиков, которые, как мне показалось, ел в лагере Длинного Ножа. С охапкой веток и корней я вернулся к огню.

Красная Клиу и другие женщины готовили еду, опуская раскаленные камни в кожаный мешок с водой. У меня не было такого мешка, но после некоторых попыток я убедился, что могу обойтись и без него, выдолбив в замерзшей земле лунку. Завтрак, который я приготовил себе, был невкусный, но сытный. Конечно, мне хотелось мяса, но выбирать не приходилось.

Я закончил есть и уже приготовился двинуться в путь, когда услышал голоса, доносившиеся с того места, где я собирал растения.

Осторожно выглянув из-за кустов, я увидел на склоне больше дюжины человек — мужчин, женщин и детей. Одни изучали мои следы, другие искали еду. Меня поразили их низкий рост и крепкое телосложение, а также то, что бегавшие между взрослыми дети были разного возраста. Красная Клиу объясняла мне, что дети рождаются только в одно время года, когда есть возможность добывать для них еду, пока они не достигнут поры взросления, и только после этого рождается новое поколение.

Северный ветер подул в полную силу, пора было трогаться в дорогу, но незаметно воспользоваться саними, спрятанными в зарослях поблизости от этого места, не представлялось возможным. В какой-то момент равномерно дувший ветер сменился случайными порывами, делавшими из падающего снега подвижные, напоминавшие призраки колонны. Я подумал, как красиво выглядели бы они в солнечных лучах.

Однако, хмурое утро становилось еще темнее, поэтому я страстно надеялся проскользнуть незамеченным под покровом темноты к саним.

Однако я слишком долго выжидал. Когда я уже почти решил, вся группа людей внезапно неподвижно застыла, повернувшись в мою сторону, затем четверо мужчин, помахивая тяжелыми палками с короткими острыми зубьями на конце, двинулись к моему укрытию. Я убежден, что вполне мог бы убежать от них, но тогда пришлось бы бросить сани. Низкие, плотные мужчины двигались довольно быстро и не было никаких шансов на то, чтобы успеть поднять парус и отъехать, тем

более, что снег был сыпучий, а ветер все время менялся. Самым лучшим выходом из создавшегося положения было показать им свои мирные намерения.

Я вышел из-за кустов и вытянул вперед пустые руки, приготовившись, однако, мгновенно убежать, если они попытаются напасть на меня.

Это подействовало. Все четверо остановились метрах в пяти передо мной и, хотя продолжали держать наготове свои страшные палки, казались скорее удивленными, нежели воинственными.

Вид их был отталкивающий. У них были круглые, словно очерченные циркулем, маленькие глазки, спрятанные под нависшими надбровьями, маленькие, такие курносые носы, что ноздри казались колечками.

— Я ваш друг, — сказал я. — Я не хочу воевать с вами.

— Мы тоже, — ответил самый старший и самый высокий из них, с седыми волосами.

— Позвольте мне уехать.

— Нет. Мы хотим, чтобы ты научил нас своей мудрости.

Он подошел ко мне, подав рукояткой вперед свое оружие. Я взял его, пытаясь понять, что означает этот жест и, видя, что он продолжает стоять с протянутой рукой, отдал его обратно.

— Ты научишь нас твоей мудрости?

Внезапно я понял, что ветер стих. Снег падал все гуще.

— Сейчас не время трогаться в путь, — произнес вождь.

Я подумал, уж не читают ли они мои мысли.

— Похоже, что так.

— Тогда пойдем к нашим шаламам. Мы дадим тебе еды, ты сможешь отдохнуть. Когда снег перестанет падать, ты двинешься в путь.

Я немного поколебался, но весьма яркими были впечатления жуткого холода, который я пережил во время ночлега под открытым небом.

Я кивнул, соглашаясь, тут же все четверо заулыбались и явно успокоились. Когда они улыбались, лица у них становились не такими отталкивающими.

Минуту спустя, когда под падавшим снегом мы подошли к ожидавшим на склоне женщинам и детям, все окружили меня, удивляясь моей необычной одежде.

Одеты они были гораздо хуже, чем люди Длинного Ножа. Они ходили босиком по снегу, руки у многих были оголены до локтя.

Все без исключения дети бегали обнаженными, но тела их были покрыты пушистыми волосиками, которые, по мере роста, превращались в густую плотную шерсть.

Самый старший и высокий в племени отзывался на имя Искатель Гнезд. Он был почти на пол головы ниже меня, однако, бугры мышц выдавали недюжинную силу.

Искатель Гнезд и еще один мужчина возглавляли колонну, в середине шли женщины, дети и я, замыкали шествие еще двое мужчин.

Так мы дошли до их стойбища, где я сейчас и нахожусь.

Я немного волнуюсь о санях, тем более, что не снял парус, но, мне кажется, вряд ли у кого возникнет желание бродить в метель, которая разыгралась снаружи. Кроме того, снег уже, должно быть, давно засыпал сани. Шалаш построен из веток, и мне кажется, что лучше уж жить в вигваме, обтянутом шкурой. Ветки опираются на решетки, состоящие из двух деревьев и привязанной к ним семиметровой жерди.

Дыра в стене служит дверью, а дым от горящего в центре небольшого костра выходит наружу через отверстие, пробитое в покрывавшем весь шалаш снегу.

Пахнет дымом и крепким запахом потных человеческих тел.

Эти люди называют себя памигака. Когда мы вошли внутрь, женщины быстро разожгли костер и угостили меня блюдом, приготовленным из корней и листьев. Это был десерт. Потом я получил самого крупного зверька, который, судя по мордочке, был землеройным существом. Второго по величине получил Искатель Гнезд, а три других достались мужчинам. Остаток же разобрали их любимые женщины и дети.

Я заметил, что самая старая, покрытая лохмотьями женщина вообще ничего не получила. Ее звали Утреннее Кровавое Лицо, и она была, судя по всему, представительницей самой нижней ступеньки этого общества, чем-то вроде парии.

Со зверьков сняли шкуры, отдали женщинам, а затем стали жарить тушки на огне. Никогда я не ел ничего более вкусного, поэтому съел почти все, что до сих пор казалось мне несъедобным, оставив только лапки и внутренности. Темно-

та, царившая снаружи, и еда, выглядевшая ужином, говорили о том, что уже ночь, хотя в действительности было около полудня. Необычно густой снег закрывал солнечный свет.

— А сейчас ты будешь учить нас мудрости, — сказал Искатель Гнезд.

Я сказал им, что вряд ли у меня есть что-то, что может им пригодиться.

Искатель важно кивнул головой.

— Да, покорность — первый признак мудрости.

— Скорее всего, это я хотел бы узнать кое-что от вас. Вы видели Большие Сани?

Они закивали. Я заметил, что этот вопрос взволновал их.

— Давно они уехали?

— Они были здесь, потом день их не было, а потом появился ты. По одежде и лицу мы догадались, что ты с Больших Саней. Так же, как и они, ты похож на вигтиков, только ты не такой жестокий.

— Кто такие вигтики?

— Это охотники, которые быстро бегают и поют. Это они поймали зверьков. — Внезапно Искатель широко улыбнулся.

— Они охотятся для нас, а когда пробуют охотиться на нас, мы показываем, что с нами лучше не связываться.

— Не понимаю, как это они охотятся для вас?

— У них есть такой обычай: когда они убивают маленького зверька, то зарывают его в снег, чтобы забрать потом, когда будут возвращаться с охоты. Однако, того, самого лучшего, который достался тебе, мы убили сами, вытаскивая маленького Цумманжа из теплого домика под землей.

— Я, кажется, знаю этих вигтиков. Позавчера они убили нашвонка.

— О, это новость! Мы сами...

Со стороны входного отверстия раздался отчаянный крик. Пария, сидевшая там, на ощупь двигалась к середине.

Все вскочили на ноги, хватая друг друга в возбуждении, когда раздался новый голос, глубокий и басовитый, как гудение колокола или мощной виолончели.

— Привет, оборванцы! Это еще кого вы нашли на склоне?

У входа в шалаш стоял человек, размерами схожий с нашвонком, и заглядывал внутрь. У него был узкий подбородок, тонкие губы, острые скулы и большие зеленые глаза, такие

красивые, что не шли к мужскому лицу. От этого человека, несмотря на рост и явные признаки пола, веяло чем-то женственным или даже женоподобным. Большой, но довольно нежной рукой он держал вытесанную из ребра какого-то огромного животного палку, заканчивающуюся грозно выглядывшими колючками.

Мужчины и несколько подростков двинулись к нему, в то время как женщины сгрудились возле Утреннего Кровавого Лица, плечи которой были обезображены свежей кровавой раной, нанесенной ударом дубины великана.

Я присоединился к мужчинам, поскольку располагал складным ножом.

Искатель Гнезд поднял свое кривое оружие.

— Возьми меня, — крикнул он. — Вытащи меня отсюда, Миммунка, но помни, что, умирая, я вгоню тебе это в живот по самую рукоятку.

Смешок Миммунка напоминал шум, который издает небольшой водопад.

— Я не хочу тебя, старик. Твое мясо твердое, как корни, которые ты так любишь. Дай мне какого-нибудь маленького мягкого птенчика, который тебе не нужен, и я пойду себе.

— Чтобы вернуться утром?

— Нет, клянусь! Утром я поменяю охотничий район. Я ухожу на равнину над рекой. Болота замерзли, и я могу теперь хорошо охотиться. Помнишь, как я взял у тебя того маленького крикуна? Это было, когда луны сошлись на небе. Сколько дней прошло, прежде чем ты увидел меня? Не менее двадцати, если не больше.

— Мы все время следили за тобой в лесу.

— Да, где-то там я был, но не заметил вас. Да что об этом! Ты посмотри на тех, кто стоит за тобой! Разве они все нужны тебе?

— Наш закон гласит, что все соплеменники важны.

— Ха-ха! Еще одно из тех новшеств, которые вы переняли у людей Больших Саней?

— Нет, закон всегда был таким.

— Чему же вы еще научились от них? Одна болтовня, и только!

— Ты тоже мог бы переговорить с ними, как это сделали мы.

— О, да! — важно кивнул Миммунка. — Думаю, я мог бы многому их научить.

Казалось, он забыл, что явился сюда за очередной жертвой, но я заметил, что он медленно пододвигается к Искателю Гнезд.

— Ничему ты не сможешь их научить! Твоя жизнь заключается только в убийстве!

— Что ты об этом знаешь? Дай мне ту, в которую попала моя дубина.

Женщины зашептались, и, когда я повернулся к ним, они уже вытолкнули вперед Утреннее Кровавое Лицо.

— А это кто? — внезапно закричал Миммунка.

Он глядел прямо на меня.

Искатель Гнезд промолчал. В тот момент, когда великан отвел от него взгляд, он шагнул вперед и нацелился своим оружием в руку пришельца. Миммунка отшатнулся, но вождь, восстановив равновесие после первого сильного замаха, не сплеховал. Он снова напал, на этот раз целясь в голову гиганта.

То, что произошло потом, было так быстро, что я потерял ориентировку. Через мгновение Искатель Гнезд лежал на снегу у входа в шалаш, а Миммунка исчез.

Мужчины племени бросились за ним в погоню, выкрикивая угрозы и оскорбления.

Когда я подбежал к Искателю Гнезд, две женщины помогли ему встать и подвели к огню.

Я поинтересовался, словно идиот, как он себя чувствует.

— Вполне хорошо, если не считать, что Миммунка все-таки здорово поцарапал меня. Бывало и хуже.

Женщины сняли с него грязную кожаную рубашку, и я увидел, что его грудь покрыта множеством шрамов.

— Молодые побежали за великаном. Он не поубивает их?

— Наверняка нет, — покачал головой Искатель Гнезд. — Он будет бежать, если только им не удастся окружить его. Если бы это был Кетин или вигтики, тогда другое дело. Тогда бы я вернул их.

В хижину ворвался какой-то юноша и с порога закричал:

— Почему вы не сказали мне о погоне? Я обязательно последовал бы...

Искатель Гнезд громко засмеялся.

— И очень хорошо сделали, что не позвали тебя, Белое Яблоко! Даже Миммунка стал бы опасен, если бы ему захотелось отведать твоего мягкого мяса.

— Однако, я должен был идти со всеми!

— Пойдешь через год!

Один за другим возвращались молодые мужчины племени с яростными, разочарованными лицами.

Когда они расселись возле костра и раны вождя были перевязаны, я спросил, чему они научили людей с Больших Саней.

— Всему, что знали, — ответил Искатель Гнезд. Он лежал на спине возле огня, но свое старое, сморщенное годами лицо повернул ко мне. — Мы пели им песни, утверждающие наши законы, которые учили, как воевать и где находить еду, как строить шалаши и что дает дружба с другими племенами. Но ты ведь являешься одним из них, почему же тогда они тебе ничего не рассказали?

Я подумал, что лучше не признаваться, что потерял память.

— Я хотел бы еще раз услышать это от вас, — сказал я.

— Да, самая спокойная вода в середине! Такова мудрость. Мы учили их, а они учили нас.

— Ты мог бы повторить что-нибудь из того, чему они учили вас?

— Пускай это сделает кто-нибудь другой. Я все помню, но когда теряю много крови, то чувствую себя очень старым. Пусть говорит молодежь.

Некоторое время царила тишина. Наконец, слегка заикаясь от волнения, отозвался Белое Яблоко.

— Мир изменится, — сказал он. — Снег растает и никогда уже не вернется. Дети, которые родятся, не будут даже знать, что это такое, и станут удивляться, когда мы будем рассказывать им об этом.

— Когда это произойдет?

Белое Яблоко беспомощно пожал плечами.

— Наверное, скоро. Но что означает «скоро» для людей с Больших Саней? Кто это может знать?

— Быть может, это произойдет не при твоей жизни, — отозвался вождь, — а может быть, еще перед моей смертью.

— Вот именно, — кивнул юноша. — Люди с Больших Саней приносили большой камень. Когда я касался его, то чув-

ствовал, что он живой, словно в нем горел огонь. Тогда и была раскрыта завеса дней, и мы увидели мир таким, каким он станет, когда исчезнет снег. Солнце ярко светило, и везде были растения, много растений. Между ними ходили люди нашего племени, а вместе с ними Ленизес, его жена и дети.

— И что мы должны будем делать? — напомнил Искатель Гнезд.

— Нельзя будет есть некоторые виды растений, — произнес Белое Яблоко и улыбнулся. — Именно этого я и не понял. Ведь можно есть все, что отыщешь, нельзя есть только то, чего нет. Как можно есть то, чего нет?

— То, что встречается очень редко, не может быть съедено. Таков будет новый закон. Некоторые птицы, например... — Искатель Гнезд замолчал.

Поглядев в сторону уже заполненного темнотой входа, я заметил, что снег замел следы недавней стычки. Даже кровь, до этого ярко выделявшаяся на белом снегу, исчезла под свежим пушистым слоем. — Некоторые птицы будут устраивать гнезда на свисающих до земли ветках, — объяснил Белое Яблоко. — Когда станет тепло, они будут нести яйца. Их тоже нельзя будет есть.

Искатель Гнезд лежал с закрытыми глазами.

Белое Яблоко наклонился ко мне и закончил шепотом:

— Он когда-то нашел очень много таких гнезд и сейчас переживает из-за этого. Но когда это можно будет делать? Можно ли повернуть закон вспять?

Я покачал головой.

— Я думал, — неожиданно отозвался Искатель Гнезд, — что умру, защищая женщин и детей, а не возле костра.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Я прослушал то, что записал вчера, и пришел к выводу, что не должен так резко обрывать свой рассказ. Это не было преднамеренно, просто после бегства Миммунка больше ничего интересного не произошло.

Снег валил беспрестанно. Искатель Гнезд лежал возле костра и похрапывал во сне. Остаток вечера я провел в разговорах с членами племени, прислушивался к их разговорам между собой.

Когда я проснулся рано утром, Искатель Гнезд был уже мертв. Кажется, это событие ошеломило только меня, потому что соплеменники знали о приближавшейся смерти вождя по тем словам, которые тот говорил накануне вечером.

Разговоры шли только о поминках.

Я спросил о специально приготовленной для этого еде, но мне объяснили, что единственным блюдом на поминках будет лишь сам Искатель Гнезд. После этого я уже молчал, но, кажется, Белое Яблоко заметил выражение моего лица, потому что отозвал меня в сторону и заверил, что сам Искатель Гнезд часто принимал участие в таком обряде и что его дух только тогда обретет полный покой, когда тело вернется в племя, которому принадлежит. Жаль, вспомнил он, что нет

матери Искателя Гнезд, ведь во время поминок она имела право на сердце и глаза своего умершего сына.

Во время нашего разговора женщины уже начали раздевать тело. Я не хотел более оставаться здесь ни на мгновение.

Как можно быстрее я покинул лагерь и направился в сторону зарослей, где были спрятаны мои сани.

Снег еще немного порошил, я ощущал на лице слабые порывы ветерка.

Вскоре я убедился, как разумно снимать парус на ночь и держать его под одеждой. Оставленный мной на мачте, он замерз так, что расправить его было невозможно. Я разжег костер и только после этого, расправив парус, смог натянуть шкоты. Сани нужно было еще дотащить до дороги. Там на утрамбованном снегу я мог воспользоваться даже таким слабым ветерком, вот только ехал бы медленнее.

Тут я обнаружил, что и медленное скольжение имеет свои приятные стороны. Даже поставив парус прямо по ветру, я мог свободно двигаться в санях, не опасаясь внезапного поворота. Преодоление каждого подъема я воспринимал, как большой успех, который я мог еще больше развить на спусках.

В такие минуты парус хлопал по рее, мгновенно опять наполнялся ветром и, как мне казалось, с удвоенной силой тащил меня вперед.

Солнце уже прошло полдороги по небу, когда я заметил Лучистую Сим.

Она бежала впереди меня, сначала такая далекая, что казалась маленьким бронзово-красным пятнышком на белом фоне снега.

При таком ветре прошло много времени, прежде чем мне удалось поравняться с ней. Помню, какие-то полчаса я думал, что это мужчина, не только потому, что это казалось наиболее правдоподобным — одинокий путешественник может быть только мужчиной, — но также судя по высокому росту, скорости, с которой она двигалась и которую могла поддерживать, кажется, до бесконечности.

При виде ее я испытал какой-то непонятный страх. Она держалась южной стороны дороги, и если бы я ехал по северной, то в тот момент, когда обгонял эту женщину, нас разделяло бы не более ста метров. Она могла представлять для меня

опасность. Но если бы я проехал мимо нее без задержки, то потерял бы возможность получить информацию. С другой стороны, если бы я остановился, то потерял бы превосходство, которое давала мне скорость саней.

Когда расстояние между нами уменьшилось и я мог наблюдать за ее движениями, то пришел к выводу, что это должна быть женщина, хотя она бежала обычным длинным шагом хорошо тренированного мужчины-легкоатлета. Я также отметил, что у нее не было никакого оружия, кроме обычной палки, ненамного длиннее тех, которые применяли вигтики для своих метателей, с той лишь разницей, что у нее она была совсем простой по форме.

Я направил сани к ней. Она, должно быть, услышала скрип полозьев по замерзшему снегу, так как, не снижая темпа бега, повернула голову в мою сторону. Может, она и удивилась, но ее лицо не относилось к тем, по которым можно было читать чувства. Даже сейчас, после десяти часов, проведенных вместе, я не умею читать его выражение. Тогда же, когда я впервые увидел ее, то разглядел только темные глаза и высокие, выдающиеся скулы.

Нас все еще разделяло большое расстояние, поэтому мы могли общаться друг с другом только при помощи крика. Помогая себе жестами, я спросил ее, не хочет ли она сесть в сани. Она коснулась рукой подбородка, что означало согласие, после чего, не ожидая, пока я приторможу или остановлюсь, несколькими прыжками преодолела разделявшее нас расстояние и без усилий впрыгнула в сани, усевшись на рештовы, служившие платформой для транспортировки тела нашвонка.

— Ты хорошо бегаешь, — вместо приветствия сказал я.

— То, что у тебя, лучше. Если бы не ты, мне бы пришлось вскоре остановиться. Ты не можешь ехать быстрее?

— Нет, ветер слабый. Хотя, постой, сейчас мы начнем двигаться немного быстрее. Видишь, парус уже наполняется ветром.

В действительности я начал опасаться, как бы дополнительная тяжесть ее тела не повлияла на скорость нашего передвижения.

— Куда ты едешь?

Я сказал ей, что пытаюсь догнать Большие Сани.

— Они не подождали тебя? Почему? Ведь ты один из них.

— Если они и ждут, то я ничего об этом не знаю. А куда бежишь ты?

Она неожиданно улыбнулась, обнажив красивые белые зубы.

— Я тоже хочу догнать Большие Сани.

Вначале мне показалось, что это нечто вроде лести, означавшей, что она пойдет со мной повсюду — куда я, туда и она. Видимо, она догадалась об этом по выражению моего лица, поскольку тут же пояснила:

— Ты мне не веришь, но это правда. Ловец Рыб мертв, и поэтому Сани — единственное место, где мне хотелось бы находиться.

Я спросил, кто такой этот Ловец Рыб.

— Один из наших. Кто-то ударил его палкой в лицо. Он очень терпел, когда прибыли Большие Сани. Мы перенесли его тело на них. Его было так жаль...

Она замолчала, и я не очень был уверен в том, правильно ли будет продолжать расспрашивать ее дальше.

Мы доехали до длинного подъема, и я воспользовался паузой, чтобы спрыгнуть с саней и немного подтолкнуть их.

— Ты очень сильный для своего возраста, — заметила она.

Мы перевалили вершину и покатали вниз.

Я усмехнулся и ответил, что всю работу за меня делает ветер.

— Нет, ты сильный. Сани поехали быстрее, как только ты начал толкать их. Ведь перед вершиной парус совсем не был наполнен ветром.

— Мне кажется, когда-то я был тяжелее.

В знак непонимания она поднесла два пальца к глазу. Я не знал, как объяснить ей это, и, наконец, немного нескладно начал:

— Я думаю, что в другом мире я был больше, а значит, тяжелее, чем здесь.

— Да, я знаю, что существуют другие миры, хотя сама никогда не видела их. Никто мне не верил, пока не появились Большие Сани. Я убеждена, что они из другого мира. Существует множество миров, лучших и худших, чем наш. Из которого пришел ты?

— Не знаю.

— Мне знакомо это чувство, — кивнула она.

— Ты хочешь догнать Большие Сани, потому что сама из другого мира?

— Я уже сказала тебе.

Она сидела, повернувшись ко мне. Ее одежда была с широким воротником, который она подняла так, что мех укрывал ее короткие, медные волосы, словно капор.

— Это единственное место, где я хотела бы быть. Думаешь, мне позволят?

— Не знаю.

— Конечно, могут отказать. Но может быть, если я буду идти за ними достаточно долго, они сжалятся надо мной и позволят уехать с ними.

— Ты говорила, что вы отдали им Ловца Рыб. Как он умер?

— Его не убили, если ты это имеешь в виду. Знаешь, мне кажется, ты не из них. Наверное, так оно и есть.

Я почувствовал себя так, словно что-то тяжелое свалилось мне на голову. Это чувство не прошло даже сейчас, хотя прошло уже около десяти часов.

— Ты одеваешься так же, как и они, — продолжала она, — но у тебя другое лицо. С таким же успехом ты можешь быть одним из наших, надевшим их одежду.

— Чем отличается мое лицо?

— Выражением. Губы слишком широкие, и зубы, пожалуй, великоваты. Но может, я ошибаюсь? Может, все дело в выражении... Откуда у тебя эта одежда?

— Не знаю.

— Забрал у одного из них?

— Не знаю. Когда меня нашли вигтики, она была на мне. Я понятия не имею, откуда взялась эта одежда и откуда я сам.

— А что ты будешь делать, если мы догоним Большие Сани, а они скажут, что ты убил одного из них?

Я сказал, что никогда не задумывался над этим, и, чтобы сменить тему, спросил, как умер Ловец Рыб.

— Люди с Больших Саней его вылечили. Вначале они ничего не хотели делать, потому что не они ударили его, но потом сказали, что помогут ему, так как их присутствие дало мне надежду. Если бы они отказались помочь, то тем самым нанесли бы мне большую обиду. Они занялись им не потому, что он умирал, а потому, что плакал и дергал меня за волосы. Это

показалось мне странным, даже сейчас кажется. Вот скажи, разве не странны их поступки? Они забрали его, а когда вернули, он чувствовал себя хорошо и уже через час начал ходить без посторонней помощи. Он быстро набирал силу, а когда я еще раз ударила его, он умер. — Она показала на свою палку. — Теперь я хочу быть с ними. Я знаю, что буду выполнять самую грязную работу, хотя я самая старшая дочь своего отца. Но все же самая плохая работа лучше там, чем где-либо. Если понадобится, я буду потрошить для них дичь и съедать внутренности. Ты тоже чувствуешь что-то подобное?

— Я только чувствую, что должен быть там, что Большие Сани являются моим домом или, может, частью его...

— Ты счастливый. Я тоже хотела бы так говорить о себе.

— Могу я узнать, как тебя зовут?

— Лучистая Сим, — улыбнулась она. — Тебе нравится это имя?

Я дотронулся до подбородка.

— Отец хотел назвать меня Семь Снегов, потому что у нас так обычно называют девочек, но я родилась тогда, когда он был в лодке. Когда он вернулся, мать уже встала с постели и увидела напоминающую ясную звездочку Сим, прыгающую с бревна на бревно. Не дожидаясь отца, она дала мне ее имя.

Мы остановились передохнуть, когда солнце уже почти касалось горизонта. Суда по свежести следов, от Больших Саней нас отделяло несколько километров. На дороге не было почти никаких заносов, а снег был так утрамбован, что даже при слабом ветре, какой дул сегодня, можно было скользить с приличной скоростью. Думаю, если бы ветер был хоть чуть-чуть сильнее или если бы сани не были перегружены Сим, я бы уже сегодня закончил свой путь.

Мне хотелось продолжать путь, но, вспомнив предыдущую ночь, я остановился с тяжелым сердцем, чтобы мы могли до захода солнца сделать какое-нибудь укрытие.

Сим знала это дело несравненно лучше меня. Я хотел было сделать привал на открытом месте поближе к дороге, однако, она посоветовала направиться к маленькому оврагу, находившемуся от дороги в нескольких сотнях метров.

Здесь протекал ручей, и был сушняк для костра, а также несколько довольно толстых веток, из которых можно было сделать защиту от ветра.

Я сказал, что у меня нет с собой еды, однако, она лишь рассмеялась и приказала выдолбить прорубь во льду. Сим тут же спустила в воду свою палку, и через несколько минут, разломав ниже по течению лед, я вытащил несколько десятков снулых рыбешек. Мы съели сытный ужин, немного поговорили о том, о сем и постепенно задремали.

Сейчас Сим уже спит. Ветер набирает силу, и если Большие Сани задержатся ночью хотя бы на несколько часов, то наверняка у меня будут шансы догнать их перед завтрашним полуднем. Если это не удастся, нас ожидает очередной день погони.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Как обычно, я прослушал все, что рассказал вчера, и даже удивился, сколько событий произошло за один день. После записи я заснул.

Наше убежище имело стенки только с трех сторон, вместо четвертой мы разожгли костер.

Я разрешил Сим спать рядом с огнем, но не из-за того, что руководствовался какими-то глупыми предрассудками насчет «женской слабости», а так как был уверен, что мех ее одежды, хотя и красивый, но все же не такой теплый, как мой комбинезон.

Где-то среди ночи я проснулся и увидел, что костер почти погас. Сим дрожала во сне от холода, а я никак не мог найти приготовленные дрова для костра. Скорее всего, она уже побросала все запасы в огонь.

Мне стало стыдно, поэтому, осторожно переступив через нее, я отправился за дровами.

На небе светили обе луны. Их блеск отражался от восхитительно белого снега, на фоне которого узкие полоски чистой ото льда воды выглядели небрежно разбросанными обрывками черной тесьмы. Возле убежища мы собрали вечером все, что могло гореть, поэтому я отошел подальше, метров на двести

вниз по ручью, и вскоре вернулся к шалашу с охапкой веток. В первый момент я подумал, что галлюцинирую. Двойные лунные тени — как я сначала подумал, от деревьев, — казалось, были сгруппированы около нашего угасшего костра.

Одна из теней внезапно наклонилась и что-то подняла с земли. Когда тень повернулась, свет обеих лун упал на лицо Сим. Ее голова безвольно свешивалась вниз, щеки были белее снега.

Я бросил свой груз, за исключением длинного, толстого сука, и с криком ринулся на пришельцев. Это было глупо, в чем я убедился уже через мгновение. Незнакомцев было четверо, каждый, по крайней мере, трехметрового роста. Несмотря на это, я все же смог нанести удар. Когда один из них загородил дорогу к державшему на руках Сим, я коротко взмахнул и ударил палкой по чему-то издавшему металлический звон. В то же мгновение я почувствовал, что меня словно окатило жидким огнем. Я рухнул на спину, и то, что я ударил, склонилось надо мной. Я хочу сказать, что оно имело лицо, пришедшее из каких-то кошмарных снов. Но похоже, я был тогда уже в бреду и сейчас говорю это лишь потому, что боюсь заснуть и опять увидеть его.

Я пролежал на снегу несколько часов.

Боль сосредоточилась в правой стороне грудной клетки как раз над тем местом, где начинаются ребра. Однако, я знал, что ничего страшного не произошло, это было что-то вроде удара кнута или укуса шмеля. Поэтому я больше беспокоился, чтобы не замерзнуть, нежели о том, что они сделали со мной.

Наконец, когда боль немного утихла, я смог заставить руки двигаться и, расстегнув комбинезон, дотронулся до источника боли.

Когда я вынул руку, она была вся в крови.

Вскоре я смог встать, собрать разбросанные ветки и разжечь костер. Я бы много отдал за какую-нибудь жестянку, чтобы собрать снег и натопить воды для промывки ран, но ничего не было под рукой. Поэтому я вынужден был промыть рану ледяной водой из ручья и тотчас же вернулся к огню, так как холод был пронизывающий. Я разорвал парус на полосы и этим примитивным жгутом остановил кровь.

Затем я, как мог, перевязал рану и закрыл дыру в комбинезоне остатками паруса, чтобы не дать холодному ветру

продувать одежду насквозь. То, что ранило меня, осталось в теле, так как на спине не было выходного отверстия.

Возникла дилемма. Я до сих пор не знаю, правильно ли разрешил ее. Должен ли я преследовать похитителей Сим или продолжать погоню за Большими Санями, чтобы затем воспользоваться помощью экипажа, членом которого, как мне кажется, я раньше был?

Я решил сам преследовать похитителей, хотя — еще раз говорю — до сих пор не уверен, что это было правильное решение.

Однако, если бы я пошел за Большими Санями, то мог бы догнать их слишком поздно. Это немаловажный факт. Без паруса даже по дороге я двигался бы наверняка не быстрее, чем по следу существ, напавших на нас.

Кроме того, я опасался — и прекрасно знал об этом опасении — того, что мог бы узнать, догнав Большие Сани. Если бы пропал один из членов экипажа, они бы наверняка заметили это и изменили курс Саней или отправили бы спасательную экспедицию. Из того, что мне было известно, вытекало, что ничего такого не делалось. Точно так же могло оказаться, что я был оставлен за бортом за какой-то проступок или, как говорила Сим, присвоил себе эту одежду, а вместе с ней и личность, которая мне не принадлежала и на которую я не имел никаких прав.

Собственно, больше мне добавить нечего.

Я шел по их следам на север через все более холмистую местность, а поскольку был очень ослаблен ранением, то сомневаюсь, что смог преодолеть более десятка километров. В некоторых местах я наткнулся на свежие человеческие следы, но никого вокруг не видел.

У меня не было еды, но я взял с собой оружие Сим — магическую палку, выглядевшую куском простой жерди около полуметра длиной и сантиметров в десять диаметром. Рукоятка была ярко-медного цвета, как и в том оружии, которое давали мне вигтики, и не имела ременной петли для закрепления на кисти. Другой конец палки был черный, на нем было с десяток колючек, почти белых. Я еще не применял ее в деле. Вообще что-то говорило мне, что надо относиться к этому оружию очень осторожно.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Не знаю, сколько прошло времени. Здесь нет ни дня, ни ночи. Но что бы то ни было, я должен все-таки остановиться и немного отдохнуть. Расскажу о том, что произошло, поскольку, вероятнее всего, я буду скоро мертв и не успею закончить очередную запись.

Вчера я прервал преследование после полудня. Я приготовил убежище в зарослях и разжег костерок, которых потух, когда я еще не успел заснуть. Я был слишком слаб, чтобы делать что-либо, поэтому приготовился к тому, что ночью ко мне явится смерть.

Когда утром я все же проснулся, то первое, что увидел, была снежная обезьянка, приглядывавшаяся ко мне из зарослей в каких-то двадцати метрах. Я метнул в нее палку, ощутив при этом, как боль когтями впилась в бок. Мне несказанно повезло, поскольку удалось-таки попасть в зверька. Она подскочила и перелезла немного дальше по ветке.

Через несколько секунд я заметил, что она с трудом удерживает равновесие на дереве.

И тут она упала на землю. Она попыталась бежать, но не смогла и рухнула в снег. Когда я подошел к ней, она была еще жива. Она умоляюще смотрела на меня маленькими глазками,

потом взгляд затуманился, движения замедлились, губы раскрылись, обнажая мелкие зубки.

Так уж случилось, что зверек упал, а магическая палка — нет. Она заклинилась в развилке ветвей в шести-семи метрах надо мной, и мне пришлось бросить в нее с дюжину снежков, прежде чем я ее сбил.

Закусив мясом обезьянки, я разодрал оставшийся кусок паруса на узкие, длинные ленты и сплел из них веревку, конец которой просунул в петлю на рукоятке палки. Я надеялся, что это поможет мне избежать риска потерять такое оружие, хотя и не знал, насколько эффективно мое изобретение.

Обезьянка оказалась такой худой, что не было смысла оставлять что-либо на обед. Я все съел, после чего двинулся на поиски следов похитителей. Ночью ветер дул не очень сильно, так что больших хлопот с их обнаружением не было. Следы были отлично видны, как и накануне днем.

Помню, что, заставляя себя двигаться вперед, я говорил, что чувствую себя значительно лучше, чем вчера, поэтому смогу пройти большее расстояние, но это было неправдой. Я был даже слабее. Я не прошел и километра, когда понял, что очень устал и если не остановлюсь, то потом, оказавшись среди голых скал, открытых дыханию ледяного ветра, не смогу найти сил, чтобы двигаться дальше.

Я начал было подыскивать что-нибудь, что могло послужить убежищем, когда заметил, что следы существ, которых преследовал, исчезают в присмотренном мною месте — широкой щели в скалистом откосе. Я подумал, что незнакомцы провели здесь ночь, но когда заглянул в темноту, наполнявшую пространство между каменными стенами, то не увидел нигде никаких следов, говоривших о том, что здесь кто-то отдыхал.

Щель, которая, как я считал, не могла иметь более двух метров в глубину, на деле переходила в понижавшийся к югу коридор в скале.

Через двадцать шагов исчез всякий свет.

Я вытащил из кармана зажигалку, но тут же сунул обратно, опасаясь, что меня заметят.

В секундном блеске огня я все же успел увидеть высокий коридор метров двадцати в ширину, с потолка которого свиса-

ли сталактиты, а на полу валялось множество камней и стояли лужи воды.

Я долго шел вперед, но ничего не изменилось, за исключением, разве что, температуры воздуха, которая повысилась.

Я даже расстегнул воротник комбинезона.

Изменения, отсутствие постоянного, всеобъемлющего холода и дневного света привели к тому, что что-то случилось с моей психикой.

Я был полностью дезориентирован, но одновременно мне почему-то казалось, будто я неуклонно приближаюсь к Большим Саням. Создавалось впечатление, что, вторгнувшись в мир темноты, я каким-то образом вернулся к жизни, которую вел до тех пор, пока вигтики не нашли меня в снежном сугробе. Трудно описать это чувство. Мне казалось, что только здесь я, наконец, понял свои возможности — что смогу сделать, а перед чем буду бессилен. Теперь я был уверен, что рана в груди, хотя и ставшая болезненнее, чем прежде, не убьет меня, хотя эта уверенность противоречила всему тому, что подсказывал здравый смысл.

Одновременно еще сильнее, чем прежде, я стал побаиваться существ, что похитили Сим, зато гораздо меньше начал думать о смерти, которая перестала быть для меня тем, чем была раньше, наверху, то есть олицетворением всяческого зла.

Итак, я шел вперед в абсолютной темноте, касаясь рукой стены и осторожно пробуя землю ногой, прежде чем решиться на следующий шаг. Это было очень мучительно, поэтому спустя какое-то время я решил воспользоваться магической палкой в качестве тросточки слепца. После стольких часов, проведенных в полной темноте, я не был уверен, что свет, появившийся впереди, не является галлюцинацией, как те цветные пятна, что появляются, если нажать на закрытые веками глазные яблоки.

Однако, с каждый шагом становилось все светлее и, наконец, я увидел источник света. Но пока это произошло, во все еще густом мраке я встретил вампиров.

Во всяком случае, так я их назвал.

Это были нетопыри с человеческими лицами и голыми безволосыми телами. Размах их крыльев достигал метра, а может, и больше.

Первое нападение началось, когда я еще даже не успел рассмотреть их поподробнее.

В мгновение ока их фигуры заслонили видневшийся далеко впереди источник света.

Я защищался от них палкой. Они кричали от боли высокими пронзительными голосами, и я слышал, как, смертельно раненные, они ударяются о стены и падают на пол. Я ничего не видел и топтался на месте, рискуя быть укушенным. К счастью, мои сапоги оказались не по зубам тем, кто валялся на полу. Но им все же удалось разорвать внешний слой моего комбинезона.

Через каких-то сто метров стало настолько светло, что я смог хорошо рассмотреть нападавших.

Их лица были человеческими до такой степени, что не было проблемы с различием пола. Волосы были длинными и развевались в полете. У них была необычайно смуглая кожа. Пальцы были соединены тонкой, почти невидимой пленкой, плечи составляли скелет для кожистых крыльев.

Тела их были абсолютно голые, ноги, вопреки моим предположениям, очень длинные. Очевидно, у них не было проблем с передвижением по полу пещеры. Благодаря необычайно подвижным хватательным ступням, похожим на человеческие руки или птичьи лапы, они могли свободно держаться на гладкой поверхности свисавших с потолка сталактитов.

Если бы не торчавшие между губами, грозно выглядевшие острые зубы, можно было бы считать их маленькие личики с большими темно-голубыми глазами даже симпатичными. Я нашел неглубокую расщелину, втиснулся в нее и стал отдыхать, наблюдая, как эти таинственные существа ловят в быстрой воде слепых белых рыб. Делали они это оригинально: стоя на одной ноге в воде, они выжидали, пока подплывет рыбка, потом производили молниеносное движение второй ногой, — и вот уже добыча трепещет в воздухе. С помощью магической палки Сим я мог бы наловить много этих рыбешек, но, во-первых, они были очень маленькими, а во-вторых, не было огня, чтобы запечь их.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Наконец я смог заснуть. Через какое-то время я проснулся и решил позаботиться об еде, иначе начну с каждым днем слабеть и умру от голода, так и не выручив Лучистую Сим из беды. Минут через десять я увидел перед собой лежащий посреди пещеры город, увидел как бы с высоты птичьего или, сообразуясь с обстановкой, вампирьего полета.

Наверное, я находился на том же уровне, что и верхушки самых высоких башен города. Он выглядел кошмарным даже с такого расстояния, поскольку дома не имели ни стен, ни крыш, а состояли из металлических остовов, точно его строители считали, будто достаточно просто ставить один этаж над другим, а стены и потолок не нужны — пещера сама заменит их.

В результате это производило впечатление чего-то страшного, тем более, что часть строений разрушилась, кое-где были видны остатки едва державшихся металлических скелетов конструкций.

Справившись с ошеломлением, я медленно побрел к городу, надеясь, что там удастся раздобыть какое-нибудь топливо, разжечь костер и поджарить рыбки. Стало настолько светло, что я решил сойти с дороги, опасаясь быть замеченным.

Дно пещеры, по которому я шел, было усыпано гладкими, обкатанными водой камнями. Местами по полу были разбросаны оторвавшиеся от потолка каменные глыбы. Я старался держаться в их тени, но, по мере приближения к городу, лившийся из домов желтоватый и не очень яркий свет делался все более резким. Я начал чувствовать себя обнаженным, словно с ажурных башен за мной следили бесчисленные глаза, от которых невозможно укрыться.

Преодолев два-три километра, я подошел ближе и смог увидеть, что эти кошмарные строения заполнены стоявшими без движения машинами. Неизвестно почему, но я надеялся на окраинах города наткнуться на более маленькие дома и сейчас обнаружил, что надежды мои напрасны. Башни вырастали прямо из скалистой поверхности.

Однако, когда я подошел поближе, оказалось, что часть пещеры, в которой я находился, заполнена всякими обломками. Все это было погребено в глинистое дно. Разрушительное действие времени затронуло также небольшие строения, примыкающие к подножию огромных башен. От них остались только остовы фундаментов и небольшие озерца воды, стоявшей там, где когда-то были подвалы. Стен тоже не было, хотя они могли не существовать изначально.

Миновав миниатюрные озерца воды, я оказался у подножия первой башни. Свет стал безжалостно ярким, и, как мне казалось, я шел вперед лишь потому, что меня вел какой-то фатализм.

Я должен помочь Сим, должен найти еду.

Сим могла быть там, где и еда, а так как здесь никогда не темнело, любое время одинаково годилось для вылазки.

Я допускаю, что, несмотря ни на что, меня никто не заметил. У входа в город не было охраны, а если и была, то их тела должны были рассыпаться в прах, по крайней мере, тысячу лет назад. Меня окружали широкие улицы, а также ровные, вздымающиеся вверх скелеты домов.

Улицы казались чересчур открытыми, обнаженными и плохо сохранившимися.

Самый первый уровень ближайшего строения поднимался передо мной почти на метр над улицей. Я вошел внутрь.

Нет смысла рассказывать о том, что я увидел, так как всех подробностей я все равно не помню. Назначение решитель-

ного большинства нагроможденных в доме машин понять я не смог.. Однако, любому было бы ясно, что все они очень старые. У некоторых были стеклянные окошечки, но в них не горел ни один огонек. Часть собранных здесь машин напоминала формой людей, часть — каких-то странных животных с необычными, гнувшимися в разных местах телами.

Собственно, я не собирался рассказывать о моем приключении с одной из напоминавших людей машиной, но, может быть, это окажется достаточно важным в конечном итоге.

Кроме всего прочего, хотя я и поступил опрометчиво, это не повлекло за собой никаких неприятностей.

Я вышел из дома, пересек улицу, желая попасть в странное здание напротив. Машина стояла в затемненной нише одного из боковых коридоров. Если все остальные машины были уже полностью выведены из строя, то эта, стоявшая в укрытии, могла еще кое-как функционировать.

В первый момент я подумал, что это человек, и направился в ту сторону. Вблизи сходство исчезло, и стали различимы многочисленные детали. У нее были длинные руки, заканчивающиеся крюками и гофрированными клещами, не было глаз — то, что я вначале принял за них, оказалось просто двумя огоньками, — а вместо ног были два колеса. То, что она стояла вертикально, и обратило мое внимание. Среди куч мертвого металла она выглядела, как живое существо.

Как только я приблизился к ней, она заговорила.

Не думаю, что когда-нибудь забуду эту минуту. Это было так, словно внезапно заговорил камень. Но все же впервые после похищения Сим я был не один. Голос ее был резким, но дружелюбным, и хотя она пользовалась тем же языком, что и я, некоторые выражения произносила очень странно. Я был так изумлен, что сперва не мог даже понять, о чем она говорит. Через какое-то время она повторила:

— Жду приказаний.

Только после этого мне удалось выдавить из себя:

— У меня нет для тебя никаких приказаний.

Она ничего не ответила. Хотя моим первым побуждением было бежать отсюда без оглядки, а вторым — спрятаться где-нибудь, в целом я не был так уж шокирован тем, что могу разговаривать с машиной, хотя такой, как Длинный Нож —

чтобы далеко не ходить за примером — наверняка был бы сильно испуган этим и вообще бы не понял, что происходит.

Через некоторое время, когда машина продолжала хранить молчание и ниоткуда не доносилось никаких подозрительных звуков, я набрался храбрости и задал мучивший меня вопрос:

- Давно ты здесь стоишь?
- У меня нет механизма, регистрирующего время.
- Но ты знаешь, что время движется?
- Знаю, и другие имеют такой механизм.
- Где можно найти еду?
- В тележке.

Один из вампиров, привлеченный, видимо, нашими голосами, влетел в дом и стал кружить над стоящими без движения механизмами. Я испугался, что их может появиться больше, но несмотря на это, все же задал резонный вопрос:

- Где это?
- Там.

Одна из рук-клешней медленно поднялась, указывая направление. Думаю, с того времени, как она двигалась в последний раз, прошли сотни, если не тысячи лет. Достигнув горизонтального положения, рука медленно задрожала, словно какой-то ее механизм еще не проснулся, но потом дрожь исчезла, и она опустилась обратно так плавно, словно была сделана только вчера.

Направление, которое она показала, было противоположным тому, откуда я пришел. Я не мог бы найти то место — существовало ли оно вообще? — поэтому спросил, не могла бы она проводить меня.

- Да, — услышал я в ответ.

Схватив своими мощными ручищами, она перенесла меня на верх того, что я считал головой. Там оказалось что-то вроде седла, окруженного небольшим ограждением, что обеспечивало возможность сидеть, не падая вниз.

Если бы не петля, я наверняка потерял бы магическую палку Сим. В тот момент, когда я потянул ее за «веревку», машина сделала свой первый шаг — за сколько лет?

Вампир благоразумно покинул помещение, вереща от страха. Вначале мы свернули в левый коридор, потом, пройдя с километр, повернули направо. Я уже успел потерять ориентировку, так как путь наш лежал вглубь огромного строения.

Наконец, мы остановились в месте, которое, по крайней мере для меня, ничем не отличалось от любого другого. Я не успел ничего спросить, как меня плавно опустили на пол рядом с каким-то таинственным предметом, в котором я не обнаружил ни колес, ни чего-либо другого, служащего для передвижения. С одного бока этого устройства была дверца без ручки. Я осторожно прикоснулся к гладкому металлу, потом попытался открыть, ковыряя пальцем в узкой щели, однако, все мои попытки окончились ничем.

— Он должен впустить тебя, — сказала сзади машина.

Внезапно мне показалось, что этот таинственный, напоминавший колоссальный сундук механизм распознал во мне чужака и сейчас закричит об этом, но ничего не произошло. Машина протянула над моей головой свою стальную руку и схватила дверцу за край. Что-то треснуло, и дверца открылась.

— Ты сломала ее, — сказал я.

— Она и так была сломана, — раздалось в ответ.

— Почему?

— Она должна была впустить тебя.

Я вошел внутрь. «Тележка», может, и была когда-то набита продуктами, но значительное большинство их сгнило так давно, что не осталось ни следа, ни запаха, и даже покрывавшая пол серая пыль больше напоминала труху, чем остатки пищи. Спустя минут двадцать напряженных поисков я обнаружил металлическую коробочку, полную белых твердых кубиков, не тронутых временем. Я лизнул один — он имел приятный кисловатый привкус, и я почему-то сразу же догадался, что они предназначены для растворения в воде. Положив коробочку в карман, я вышел наружу и попросил машину, терпеливо ждавшую меня у входа, отнести меня на старое место.

Я оставил машину в нише, а сам вернулся к расщелине, в которой провел предыдущую ночь. Высыпав из коробки кубики, я набрал в нее воды из реки и бросил один кубик. Получился очень вкусный и сытный напиток, не напоминавший ничего, что я пробовал до сих пор.

Когда все было выпито, ощущение голода исчезло. Я тщательно протер коробку и положил обратно оставшиеся кубики.

Чувствуя себя немного непривычно на дне пещеры, я поднялся повыше и устроился на ночлег.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Вместе с тремя машинами мы вышли наружу. Я попросил одну, чтобы мы остановились на ночлег в таком месте, где можно было бы укрыться от ветра. Мы находились уже километрах в трех от входа в пещеру.

Завтра с утра мы двинемся на поиски Больших Саней.

Рана на боку поджила, хотя ни на минуту не давала забыть о себе, а время от времени отзывалась сильной болью.

Сегодня утром, проснувшись, я сошел на дно пещеры и двинулся к городу с решительным намерением отыскать Лучистую Сим.

Я прошел мимо здания, где нашел первую живую машину, названную мною «колесником», и через два квартала чуть не столкнулся нос к носу с одним из тех существ, которые похитили Сим. Оглядываясь назад, это происшествие может показаться смешным, так как я изо всех сил старался сохранить максимальную осторожность. Однако, в то мгновение мне было не до смеха.

Он вышел из-за угла прямо на меня.

Помня об его оружии, которое три дня назад ранило меня, я не бросился бежать — не знаю, что бы случилось, если бы яд так поступил, — а только сделал шаг назад для лучшего замаха

магической палкой и бросил ее, но попал в левое металлическое плечо. Он ринулся на меня, но я успел поднырнуть под его вытянутые руки, подтянуть к себе палку и, пока он разворачивался, повторить удар. Я метил в лицо, но снова попал в защищенное место. Однако, на этот раз я не потерял палку и, ударив в третий, попал в щеку. Этого вполне хватило. Потекла тонкая струйка крови. Его левый глаз перестал двигаться. Он упал на колени — в таком положении он был чуть выше меня, — и я смотрел, как умирает та его часть, которая еще не забыла, что когда-то принадлежала человеку.

Думаю, больше половины его мозга было искусственной, поскольку прошло много времени, прежде чем жизнь покинула его тело.

Еще несколько минут спустя после смерти тела руки существа вытягивались ко мне и даже пытались подтянуть тело. Однако, он не мог держаться на ногах, и это спасло меня. Видимо, его вестибулярный аппарат был еще человеческим и когда отключился, пораженный мгновенно действующим ядом, существо не могло встать на ноги.

Какое-то время я выжидал, пока умрет его механическая часть, но она была очень крепко привязана к жизни или тому, что двигало им.

Уворачиваясь от могучих рук, я ударил его по голове, но звук, похожий на гром большого гонга, прокатившийся по пустынным улицам многократным эхом, заставил меня прекратить это занятие. Оставив его, все еще дергающегося и конвульсивно ползущего в одному ему известном направлении, я двинулся дальше. В комбинезоне стало жарко, и я было подумал снять его и понести в руках, но это сковало бы движения, а бросить его было невозможно. В нем все же было обогревательное устройство, а также зажигалка, бритва, нож и еще кое-какие вещи, назначение которых я не мог вспомнить. Поэтому я решил расстегнуть верх и завязать рукава на поясе. В результате получилась одежда, не только не стеснявшая моих движений, но и отлично подходившая к температуре в пещере.

Не думаю, что когда-либо смогу забыть путешествие через город. Улицы были необычайно широкие — я старался держаться под стенами домов, но все же иногда, сокращая путь, приходилось переходить улицу, — кое-где поднимав-

шиеся вверх и расходившиеся прямыми стрелами во все стороны. Архитекторам города, видимо, удалось найти абсолютно надежную систему освещения, так как все было залито ярким светом.

Через несколько километров я заметил изменения. Вначале было не очень заметно, в чем они заключались. Я старался вспомнить вид улиц, по которым шел до сих пор и, хотя с этим не было проблем — особенно с местом моего сражения с таинственным существом, механическая часть которого упрямо не хотела умирать, — все же прошло достаточно времени, прежде чем я понял, в чем дело. Каменный тротуар был здесь более темным. Я наклонился и коснулся его. На пальцах осталась влага.

Беря в расчет микроклимат, царивший в пещере, такое казалось совершенно невозможным.

Скалистый выступ, на котором я провел последнюю ночь, был совершенно сухим, как и пол пещеры между ее стенами и границами города. Я был уверен, что там, где я сражался с человеком-машиной, тротуар тоже был сухой. Дотронувшись до стены дома, я подумал о подземной разновидности дождя, но на стене не оказалось ни капли влаги. Через несколько сот метров улица уже выглядела облитой водой.

Именно тогда я и увидел цветок Клиу.

Он лежал на противоположной стороне улицы в углу, образованном отщербленным фундаментом дома, четко оттенявшийся на темной серости тротуара и более светлого металлического скелета дома.

Сначала я подумал, что это какая-то ловушка, но все было тихо. Я простоял на месте около пяти минут, внимательно оглядываясь.

Это был просто красный цветок Клиу со стеблем в несколько сантиметров и парой листьев.

Подняв его с земли, я убедился, что цветок не настоящий. Он был сделан из тоненьких, выкрашенных красным каменных лепестков, вытесанных, скорее всего, из легкодоступных сталактитов.

Листья были сделаны из того же материала, только более тонкие и выкрашенные зеленой краской. Стеблем служила естественно созданная природой каменная трубка. Посреди сталактитовых лепестков блестел благородный камень.

Внимательно посмотрев вокруг, я заметил множество красных, желтых, белых и голубых цветков, лежавших то тут, то там, словно внезапный порыв ветра разбросал их по улице, что было совершенно нереально, так как они не выдержали бы ни малейшего толчка.

Я заметил, что чем дальше продвигался по улице, тем чаще они попадались. Внезапно, повинуясь какому-то импульсу, я зашел в дом и, пройдя длинным темным коридором вдоль шенг неподвижных машин, вышел на соседнюю улицу.

Она была совершенно сухой, и на ней не валялось ни одного цветка.

После короткого отдыха — боль снова отозвалась в боку — я вернулся на улицу с цветами. Возможно — и это было вполне правдоподобно, — кто-то знал о моем присутствии в городе. Если это так, то не стоит надеяться, что мне удастся обмануть соглядатаев, все время метаясь по улицам. С другой стороны, нельзя исключать вероятность, что цветы не имеют ко мне никакого отношения. Они могли лежать здесь сотни, если не тысячи лет, и таинственная влага никоим образом не была связана с ними. Если это так, в конце улицы могло находиться что-то интересное. Возможно, во мне опять проснулся фатализм, но несмотря на это, я без колебаний двинулся вперед, сначала держась поближе к скелетам домов, потом перешел на середину улицы, поскольку цветы лежали по обеим ее сторонам толстым слоем, и было очень трудно идти по нему.

Вскоре я снова увидел живое существо.

Одно из высоких,двигающихся каким-то подпрыгивающим шагом существ, которые похитили Сим, выбежало на улицу в нескольких сотнях метров передо мной. На середине улицы оно поставило что-то напоминавшее высокую палку с гибкими усами на конце и тут же исчезло в тени дома, из которого появилось.

Я приготовил оружие Сим и для уверенности проверил, не запуталась ли где веревка. Я взмахнул им пару раз и, в любую секунду ожидая нападения, осторожно пошел вперед.

Ничего не произошло. Я был уверен, что за мной все время наблюдают, однако, пока хозяева ничего не предпринимали.

Когда я подошел к рогатой палке, то увидел, что она не из дерева, как я вначале считал, а из какого-то черного, матового металла, покрытого замысловатой резьбой.

Узор состоял из переплетающихся геометрических линий с изображением человеческих лиц.

Вблизи гибкие усы были немного похожи на выгнутые антенны какого-то огромного насекомого.

Они казались абсолютно гладкими, но, когда я присмотрелся к ним повнимательнее, оказалось, что они покрыты такими мелкими буквами, что их попросту невозможно было прочесть.

Совершенно непроизвольно я дотронулся до этих безобидных усов и почувствовал, что схватил змею. Мои глаза говорили, что ничего не произошло, что палка осталась палкой, металлической палкой с торчащими вверх глазами антенн, однако, пальцы чувствовали живое существо, холодное и напрягшееся, готовое к броску. Я едва не отбросил его со страху и теперь думаю, что, сделав это, был бы убит на месте. Однако, поскольку, кроме впечатления об этой палке, как о живом существе, я понял, что оно послушно мне так же, как послушны конечности, я не выпустил ее из руки и, поскольку оно было легким, вскинул на плечо.

Улица внезапно ожила. Существа, которые забрали с собой Сим — как я позже узнал, их звали мин, — выбегали из окрестных домов и даже выпрыгивали с нижних этажей, с треском и шумом давя разбросанные на тротуаре цветы. Я приготовился бежать, однако, они пали передо мной ниц.

Видя, какой оборот принимает дело, я задержался, надеясь, что кто-то из них заговорит. Когда ничего такого не произошло, уверенный, что мне ничего не угрожает, я наклонился и дотронулся до одного. Они тут же встали на колени, делая какие-то жесты широко разведенными в стороны руками.

Я недоуменно пожал плечами и принялся выжидать. Через некоторое время они поднялись на ноги. Некоторые подошли ко мне и, осторожно взяв под руки, провели по покрытой цветами улицы до того места, куда сбегались все улицы города. Там находилось гигантское сооружение со стенами, балконами и башенками, одним словом, так не похожее на остальные дома в городе, что даже трудно представить. До полного завершения не хватало многого. Валявшийся вокруг материал выглядел украденным из ажурных башен.

Мы вошли внутрь через отверстие, напоминавшее низкое, широкое окно. До сих пор я не был уверен, могут ли сопро-

вождавшие меня существа говорить, однако, теперь услышал шум приглушенных голосов.

Хотя я не мог уловить смысл доносившихся до меня слов, мне показалось, что я узнал язык, на котором говорили виггики и другие племена, с которыми я уже сталкивался. Я обратился к одному из моих необычайных спутников и спросил, куда меня ведут.

— Перед троном место суда.

— Для очищения, — добавил другой.

— Почему именно туда?

— Потому что ты целый и полный, ты совершенен.

— А вы нет?

Они остановились и посмотрели на меня.

Только сейчас я разглядел, что лица их были не только ужасными, но и могли в какой-то степени выражать чувства.

Что-то вроде отчаяния выражалось на их металло-пластиковых лицах.

— Мы такие, как ты видишь! — ответил один из них.

— Простите, — сказал я, — но мне кажется, что в своем облики вы весьма совершенны.

— А в твоём?

По выражению моего лица он прочел, что я не понял, о чем идет речь, поэтому повторил:

— Если бы мы принадлежали к твоему роду, как бы ты нас тогда оценил?

— Но вы же не принадлежите к нему, — возразил я. — Так ведь?

Но я уже догадался, кто они такие, поскольку больше не касался этой темы.

Мы двинулись дальше.

— Ты мужчина, — сказал один из них, не то утверждая, не то спрашивая.

Я кивнул.

— Зачем ты здесь?

— Вы похитили Лучистую Сим. Она была моей спутницей.

— Она не человек.

— А мне показалось наоборот.

— Ты ошибался.

Во время этого разговора мы шли по длинному коридору со множеством поворотов. Вначале мы проходили мимо окон, но вскоре оказались в глубине здания, поэтому единственным источником света являлись вмонтированные в стены светильники, такие же, как я видел на улицах.

— Теперь их будет двое, — услышал я за спиной.

В этот момент мы вошли в огромное, погруженное в полумрак помещение, пол которого был устлан алым атласом. На тянувшемся вдоль стен возвышении стояли кресла, пустые, за исключением одного напротив входа. В этом кресле сидел человек, державший в руке такую же рогатую палку, как и у меня. Сим была прикована цепью к его креслу. Когда он встал и сделал несколько шагов ко мне, я увидел, что это карлик, к тому же очень толстый.

Существа, сопровождавшие меня, пали ниц.

Опершись о свой жезл, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Ты ранен?

— Да.

— Почему вы не помогли ему? — закричал он сопровождавшим меня существам. — Он ранен! Вы что, не знаете, что он может от этого умереть?

— Но ведь он ходит, — поднял голову один из полулюдей. — Если за ним будет хороший уход, он выживет.

— Умрет... — заворчал карлик.

Сим бросила на меня отчаянный взгляд. Видимо, они действительно не считали ее за человека, поскольку цепь, удерживавшая ее возле кресла, туго сжимала ей шею.

— Возьмите его, — приказал карлик, — позаботьтесь о нем и сообщите мне, умрет он или выживет.

Я сказал, что если должен куда-то идти, то мне нужно взять с собой Сим. Вначале он не соглашался, и я уже было подумал, что карлик не уступит, когда он внезапно повернулся и дотронулся до ошейника Сим.

Цепь распалась, Сим подбежала ко мне, обняла и прижалась к моей груди. Я спросил, что они ей делали.

— Ничего, — ответила она, — но они отобрали мою одежду. Нужно найти ее, иначе я замерзну. Ты ранен? Чем?

— Не знаю. Это произошло во время твоего похищения.

— Идем! — приказал один из полулюдей. — Мы позаботимся о тебе. Ты выздоровеешь.

Я поинтересовался, что они намерены делать.

— Мы починим твоё тело. Некоторые его части повреждены. Одно легкое ни на что не годится. Мы дадим тебе новое, лучше и прочнее.

— И когда вы замените все это, я буду выглядеть так же, как вы? Почему же тогда вы радовались и уважали мою целостность и полноту?

Странное лицо искривилось в каком-то подобии ухмылки.

— Ты думаешь, именно таким образом мы стали теми, чем являемся сейчас? Ничего подобного!

— Я слушала, как они разговаривали, — вмешалась Сим. — Раньше их было очень мало, поэтому они поделили свои тела и заменили недостающие части металлом.

— Интересная мысль. Но это тоже неверно.

— Вы ничего не знаете! — крикнул карлик. Он с ногами уселся в кресло. — Вы напоминаете мне детей, которые пришли в театр за минуту до окончания спектакля. Вы видите людей, слышите музыку, являетесь свидетелями событий, которые не понимаете, и совершенно не представляете себе, является представление комедией или трагедией, и кто эти люди — публика или, быть может, актеры?

Когда он заговорил, все существа, за исключением того, что разговаривало с ним перед этим, пали ниц на пол. Наш собеседник кивнул нам, и мы двинулись за ним. Я поинтересовался, почему все оказывают такие почести карлику.

— Он человек! — ответило существо. — До твоего прихода мы считали, что он последний.

— В таком случае, вы должны поинтересоваться, откуда я пришел. Может, там еще много таких, как я, мужчин, женщин и детей, живущих где-то далеко от вас.

— Это правда?

— Нет, — вынужден был признать я и сразу же почувствовал себя очень глупо.

— Почему же тогда это должно интересовать нас? Откуда ты пришел, если не от других людей?

— Не знаю. Не помню. Несколько дней назад вигтики нашли меня без памяти на снегу. Я знаю только это.

Получеловек удивленно поглядел на меня.

— Я ничего не помню, — продолжал я. — Однако, что-то осталось во мне. Я знаю названия многих предметов, которых никогда даже не видел, начинаю вдруг о чем-то думать, что-то ищу, а потом сознаю, что никогда ничем таким не обладал, что какие-то «полки», «шкафчики» или «ящички», которые непонятно как появились в моей памяти, вообще не существуют. Иногда я думаю о других людях, но они тоже не существуют.

— Так ты не знаешь, откуда произошел? — спросил получеловек. — Могу объяснить тебе это. Где-то далеко отсюда среди гор лежит долина. Там ты родился среди людей, которые помнили прошлые годы и то могущество, коим обладал человек. Там ты воспитывался, но однажды другие куда-то исчезли, и в какой-то момент ты понял, что остался один. Можно представить, что ты был единственный ребенок в той колонии, и когда постепенно начали умирать взрослые, ты уже знал, что, когда уйдет последний из них, останешься один среди зверей, копающихся в земле в поисках корней или жадно пьющих теплую кровь. Когда же настал этот день, разум отказался повиноваться тебе и вышел из-под контроля. И ты пошел как можно дальше от погасшего очага. Вскоре тебя нашли вигтики, и сейчас ты счастлив, поскольку не улавливаешь разницы между собой и животными. Но мы вылечим тебя, ты снова станешь собой.

— Я знаю, что вы не вигтики, не памигаки и не соплеменники Сим. Однако...

— Они стоят не больше, чем пыль на твоих сапогах. Посмотри на существо, которое стоит рядом с тобой. Если бы я захотел убить ее, то мог бы сделать это просто так, ради удовольствия.

— Возможно, — согласился я. — Конечно, мог бы. Но ути, у меня есть кое-что, принадлежащее ей.

С этими словами я распутал петлю и отдал Сим магическую палку.

— Я говорил о моральном праве, а не о реальных возможностях!

Мы свернули в узкий темный коридор и спустились по ступенькам.

— Если бы ты или Владыка захотели уничтожить ее, в этом не было бы ничего плохого. Ты знаешь, как пользовать-

ся палкой, которую несешь? Малейшее прикосновение к рогам — и смерть.

— Если ты надеешься таким образом убить Сим, тебя ждет сильное разочарование.

* * *

— Это вообще не похоже на место, где лечат, — заметила Сим.

Я вынужден был согласиться с этим.

Светильники едва тлели и были подвешены так далеко друг от друга, что я видел лишь серые пятна на лице Сим и фосфоресцирующий блеск существа, которое вело нас.

— Есть разные способы лечения, — ответил наш проводник. — Физические, мысленные, духовные...

Внезапно он сделал шаг назад, я услышал скрип открывающейся, потом внезапно захлопнувшейся двери.

В этот момент вспыхнул яркий свет. Судя по размерам и форме, помещение, в котором нас заперли, находилось непосредственно под тронным залом карлика. Единственное различие заключалось в том, что здесь не было возвышения, не было полированных кресел и пол ничем не отличался от улиц города.

Раздался приглушенный стук, словно кто-то щелкнул дверной задвижкой. Сим прижалась ко мне.

— Они послали кого-то убить нас, — прошептала она.

Одна из трех дверей, находившихся на противоположной стороне, широко распахнулась.

Мужчина, который вошел в зал, может, был не такой большой, как нашвонк, но все же был вынужден низко наклониться, чтобы не удариться головой о косяк. У него была спутанная желтая борода и всклокоченные волосы, торчавшие во все стороны, создавая впечатление, будто голова настолько велика, что едва держится на плечах, хотя они были вдвое шире моих.

Но не это прежде всего привлекло мое внимание. Глаза его были огромны и желты, как куски золота. Потом я обратил внимание на его движения. Сим очень хорошенькая, и все ее движения грациозны, но рядом с ним она выглядит гротескной.

Я понял, кто это, еще до того, как она произнесла его имя.

— Кетин! — Сим подняла оружие и отступила, заняв позицию для нанесения удара, упираясь спиной в стену.

— Да, я — Кетин! — ответил бородач.

Голос его напоминал рокот дальней бури. Он схватился за ручку закрытой двери, находившейся рядом с той, через которую он вошел, и дернул несколько раз.

Мускулы, которые напряглись у него на спине, напомнили мне выглаженные ветром скалы.

Конечно же, я боялся, но в определенном смысле не испытывал страха. Просто сильнее, чем до сих пор, я ощущал свою физическую слабость и знал, что Кетин был бы для меня смертельно опасным противником, одновременно чувствуя, что Сим ошибалась, говоря: «Кто-то пришел убить нас».

— Бесполезно, приятель, — сказал я. — Я уверен, что мы хорошо заперты.

— И я так думаю, — сказал Кетин и повернулся ко мне. — Ты знаешь это место?

— Нет, но кое-что понимаю.

Это удивило его. Я заметил, как по его лицу промелькнула тень сомнения.

— Кто ты? — спросил он, и сам же ответил: — Это ты ищешь Большие Сани.

— Я преследую их.

— Я узнал о тебе перед тем, как меня поймали. Мой приятель — он был у меня вот так, под рукой, пока я не убил его, предварительно пощекотав, чтобы узнать, что нового слышно на свете — признался мне, что видел тебя однажды ночью в лагере своих подданных. Я могу убить тебя так же, как убил его, если ты сразу расскажешь мне, как выбраться отсюда. Иначе я буду долго играть с тобой, пока не надоест.

— Ты не можешь убить меня, Кетин.

Он улыбнулся и направился к нам.

— Подожди минутку и выслушай меня. Нас заперли здесь именно для того, чтобы убить тебя. Конечно, в честном, открытом бою я никогда бы не смог этого сделать, но палка, что ты видишь у меня, имеет опасное свойство, которого даже я не понимаю. Если ты нападешь на меня, я буду вынужден обороняться. Я убью тебя и должен буду ощутить гордость, начать думать о таких, как ты или Сим, как о чем-то худшем, низшем, чем я.

— Да, у тебя было бы право гордиться, если бы тебе удалось убить меня, — кивнул Кетин.

— Но не больше, чем я горжусь сейчас тем, что не буду драться с тобой. Мне кажется, я знаю, как убежать отсюда. Посмотри наверх. Потолок в полумраке, но я думаю, у тебя более зоркие глаза. Что ты там видишь?

— Балку, поддерживающую потолок.

— Там должна быть дверь, которая открывается вниз.

— Не вижу. — Кетин немного передвинулся с задранной вверх головой. — Где она?

— Почему ты думаешь, что там должна быть дверь? — спросила Сим. Она тоже смотрела вверх.

— Должна быть. Помещение находится непосредственно под тронным залом. Тот, кто придумал все это, должен обеспечить себе какой-нибудь простой и быстрый способ сбрасывать сюда своих врагов. А здесь их уже поджидал Кетин. В конце концов, это как раз свойственно дворцу, построенному, скорее всего, без всяких планов, из материалов, собранных в полуразвалившихся башнях.

— Но почему же тогда нас не сбросили сюда?

— Этого я пока не знаю. Механизм открывания двери на-верняка вмонтирован в подлокотники кресла карлика. Все это создано по его приказанию, но мы-то оказались здесь, скорее всего, не по его воле. Он ведь отлично знал, что этим жезлом я могу прикончить Кетина. Кстати, карлик был очень жесток к тебе?

— Иногда, — пожала плечами Сим. — Но не так, как я думала, и не так, как это делал Ловец Рыб...

— Вон! — внезапно загремел Кетин, взметнув вверх руку.

Он подошел ко мне и, хотя я увидел, что он даже больше, чем мне показалось сначала, страха во мне не было.

— Я вижу, — сказал он.

Изловчившись, он подпрыгнул, повиснув на поддерживающей потолок балке.

— А я и не заметила ее, — призналась Сим, — хотя каждый должен ее заметить, расположенную почти в самом центре потолка.

— Да, она должна находиться именно там. Карлику нужно избавляться от людей, стоящих прямо перед его троном. Он ведь отлично знал, что такие, как ты, Кетин или вигтики в закрытых помещениях всегда жмутся к стенам. Вспомни, как устраиваются погони, как двигаются люди различных племен

по дороге, проложенной Большими Санями. Они держатся края, стараются все видеть и вместе с тем быть невидимыми. Они хотят обязательно иметь возле себя стенку, о которую можно опереться во время нападения.

— Однако, ты всегда выходишь на середину! — возразила Сим. — Это меня очень беспокоит. Поведением тыходишь на карлика Мантра, а не на нас. Все время, что он держал меня возле себя, я не раз замечала, что он никогда не становится у стены.

Вверху раздался треск, дверь раскрылась, и Кетин, не смотря на свои внушительные размеры, молниеносно пролез в отверстие.

Тут же раздался чей-то вопль.

— Мы не сможем взобраться туда, — сказала Сим и поглядела на льющийся из раскрытой двери свет. — Сомневаюсь, что Кетин вернется за нами.

Если бы не рана в боку, не было бы никаких проблем. Однако сейчас, хотя я старался изо всех сил, мне едва удалось ухватиться за край руками, затем раскататься и перебросить одну ногу, но втянуть все тело я никак не мог. Я чувствовал, что рана начала кровоточить. Постепенно нарастала боль.

В этот момент появился Кетин и, схватив меня за пояс комбинезона, одним махом втащил к себе.

Помещение было пустым, только на полу хаотичными, конвульсивными движениями пытались ползать четыре каких-то крабоподобных существа. Приглядевшись внимательнее, я понял, что это остатки двух минов, разорванных Кетином пополам. В их механических телах все еще сохранялась жизнь.

Великан метался по залу, словно надеялся отыскать кого-то, спрятавшегося за креслами. Когда мне удалось набрать воздуха в легкие, я сказал ему, что помню дорогу, по которой нас привели в помещение, расположенное внизу, поэтому намерен сейчас отправиться туда, чтобы вывести Сим.

— Не нужно, — махнул рукой Кетин и скрылся в двери в полу.

Через мгновение он снова показался из люка с зажатой под мышкой Сим.

Она выглядела сильно испуганной, но все равно сжимала свою палку и мой рогатый жезл.

— Теперь можем идти, — сообщил Кетин.

— Нам нужна одежда, — возразила Сим. — Мы должны отыскать ее.

— Без одежды она будет неважно чувствовать себя наверху, — обратился я к Кетину. — Она может замерзнуть.

— Я тоже, — ухмыльнулся великан.

Только сейчас я обратил внимание, что гигант был почти обнажен.

Я, правда, не знал, во что он был одет, но, насколько помнил, на его жене были какие-то засаленные меха.

Свернув в первый от края коридор, но не пройдя и двадцати метров, мы выдержали первую атаку.

Какой-то предмет, очевидно, такой же, что ранил меня, пролетел между моей головой и Кетином и с треском вонзился в стену. Не обращая на него никакого внимания, великан хотел идти дальше, но я удержал его, предупредив, что он может быть убит.

— Я никого здесь не боюсь! — гордо произнес Кетин.

— Отлично, — поддержал его я, — но я боюсь за себя и Сим. В конце концов, они убьют нас, если тебя не станет. К тому же, какая им разница, боимся мы или нет? Возвращаемся!

— Но как же наша одежда? — запротестовала Сим. — Мы не можем выйти наружу. Это будет верная смерть!

— За стенами этого дворца целый город. Там тепло, и мы наверняка сможем найти что-нибудь из одежды.

Мне удалось убедить их, и мы опять оказались в тронном зале.

На этот раз мы двинулись по коридору, по которому меня недавно привели сюда.

В какой-то момент я стал опасаться, что ошибся в направлении, но вскоре почувствовал на лице свежий ветерок, и вот мы уже стояли среди гордо возвышавшихся скелетов башен.

Мины не преследовали нас.

Несколько часов мы шли вдоль шеренги неподвижных механизмов.

Я уже устал задавать себе вопрос: где же строители этого города?

Где-то же должны быть комфортабельные жилища, комнаты для еды, для сна и развлечений. Мы же видели только ряды металлических чудовищ.

Наконец, я понял, что этот «город» — буду называть это место так, как уже привык — был ничем иным, как огромным складским комплексом, спрятанным под землей с целью защитить ценных роботов от влияния погоды.

Строители, кем бы они ни были, жили на поверхности и погибли много лет назад.

Приспособление, к которому привел меня колесник, должно было обеспечивать продуктами строивших город рабочих... нет, вернее, хозяев, поскольку рабочими были их машины.

Я осмыслил все это вблизи того места, где встретил колесника.

Сказав Кетину и Сим, чтобы они следовали за мной, я пошел туда.

Колесник стоял так же, как я оставил его.

Может, он и узнал меня, поскольку его голова повернулась в нашу сторону и через мгновение мне показалось, что в его слепых глазах, направленных на меня и бывших только горящими огоньками, я увидел что-то вроде радости от новой встречи, но, ясное дело, это было только иллюзией.

Когда я спросил, сделает ли он то, о чем я попрошу, он дотронулся своей огромной металлической лапой до подбородка.

Я попросил его поискать в городе другие действующие машины.

Он отыскал две.

У одной не было ни рук, ни ног — только длинное гибкое тело и трехметровые челюсти.

Она двигалась, как змея, и я назвал ее Драконом.

У другой было шесть ног, при ходьбе она поочередно передвигала сразу по три.

Еще у нее было четыре руки — две побольше, а две совсем маленькие.

Я назвал ее Жуком.

Все вместе мы вернулись во дворец карлика.

Я надеялся застать там готовых к бою минов, но мои надежды не оправдались.

Объяснив машинам, что такое одежда, я приказал им найти теплые вещи Сим и Кетина, начав разрушать дворец до тех пор, пока они не отыщутся.

Я думал, что машины будут действовать независимо, однако, они начали сотрудничать, словно каким-то невероятным образом могли общаться друг с другом.

Дракон стаскивал своей огромной пастью вниз части постройки. Колесник отволакивал их в сторону, а Жук уносил куски камня и металла, увеличивая или уменьшая длину своих рук в зависимости от потребности.

В воздухе носилась пыль, которую я впервые увидел с момента моего пребывания в пещере. Вместе с ней воздух наполнился каким-то странным кислым запахом.

Когда четверть постройки уже лежала в руинах, появились мины.

Некоторые были вооружены, но не стреляли ни по машинам, ни по нам.

Какое-то время они просто стояли и смотрели, как разрушается их обиталище, наконец, один из них не выдержал — это был тот, что провожал меня и Сим в помещение под тронным залом — и подошел к нам.

Когда расстояние между нами сократилось до пяти метров, он остановился и, положив на землю напоминающее вилы оружие, произнес:

— Останови их, человек.

Я ответил, чтобы он сам остановил их, если сможет.

— Нет, этого мы не можем. Мы уже говорили им, но они не слышат нас. Если же мы попытаемся помешать им, они ответят огнем. Почему ты не остановишь их? Что тебе нужно?

— Наша одежда, — ответила за меня Сим. — Как только вы отдадите ее нам, мы сможем уйти наверх, в наш мир, а вы останетесь в этом склепе, который является вашим миром.

— Ты получишь их одежду, человек. Прикажи машинам остановиться.

Сим взглянула на меня, но я промолчал.

— Сделай это! Они сейчас же должны остановиться! — повысил голос получеловек-полумашина.

— А когда мы оставим в покое ваши развалины, вы снова попытаетесь убить нас?

— Зачем нам вас убивать, если вы и так уйдете? Кроме того, вы всегда успеете опять запустить их. Я оставляю свое оружие в знак наших мирных намерений, остальные положат свое на пол.

Я приказал Кетину уничтожить оружие, что тот и сделал, сломав его резким движением рук.

— Я отправляюсь за вашей одеждой, — сказал мин, — а потом вы остановите машины.

Он ушел, не дожидаясь моего ответа.

Вскоре он вернулся.

Он бежал, как машина, но в его блестящих, лишенных выражения глазах я прочитал, что этими, идеально ровно отмерявшими расстояние ногами управляет человек.

Он опять остановился в пяти метрах от меня и бросил на пол кучу мехов, словно они жгли ему руки.

Сим и Кетин тотчас начали одеваться.

— Теперь твой черед. Останови машины, — потребовал мин.

Я покачал головой.

— Но ты же обещал!

Я объяснил ему, что ничего подобного не говорил.

Тогда он указал на Сим.

— Она так сказала! Я отдал вашу одежду, остановите машины и возвращайтесь к себе наверх!

— Она не человек, а зверь! — рассмеялся я. — Ее слова ничто для нее самой, а для меня тем более.

Он повернулся и вместе с остальными исчез в глубине дворца.

— Ты обманул их?

Я кивнул головой.

— Не думаю, что Мантра позволит тебе это, — сказала она.

Она оказалась права.

Не прошло и трех минут, как я увидел карлика, шедшего через руины, поддерживаемого тремя минами.

Колесник двинулся прямо к нему.

Я подумал, что Мантра испугается, но он что-то крикнул, чего я не расслышал в шуме, создаваемом Драконом и Жуком, и Колесник тут же остановился, бросив на землю тяжелый камень, который держал в лапах.

Карлик опять крикнул, и остановился Жук, а голова Дракона бессильно повисла.

Я не представлял, как пользоваться своим оружием, но все же вышел ему навстречу.

— Остались только мы двое! — крикнул он, увидев меня.
— Ты не должен разрушать этот дом!

— Не нужно было пытаться убить меня в нем.

— Ты имеешь в виду безмозглого великана? Это все мой советник, а не я. Кроме того, ты легко мог справиться с ним, и мы считали, что ты так и поступишь. Поэтому ни о каком убийстве не может быть и речи.

— То, что случилось, случилось.

— Не произошло ничего такого, чего нельзя было бы исправить. Отошли своих зверей назад. Пускай отправляются наверх. Мои слуги и эти машины легко восстановят разрушенную часть и, может, тогда... — Его голос сорвался.

На толстом, косоглазом лице трудно было различить чувства, отражавшие его мысли.

Это могла быть и надежда, и отчаяние.

— Тогда? — переспросил я. — Что тогда должно произойти?

— Может, когда-нибудь мои слуги найдут, наконец, для меня — а значит, и для тебя, — настоящую женщину. Для этого я и посылаю их наверх. Но звери становятся все более похожими на нас, поэтому слуги ошибаются, чего могли бы и не делать, имея возможность сравнивать мозговое излучение этих существ с моим.

— Мне кажется, ты не только это хотел сказать, — ответил я.

Не знаю, откуда пришла эта уверенность, но это было правдой.

Его толстое, широкое лицо стало жестоким.

— Я убью тебя, если ты будешь насмехаться надо мной, — взвизгнул он.

— Я уже давно вообще не смеюсь.

— Когда-нибудь люди вернутся в этот мир и найдут нас. Но перед этим мы уничтожим всех зверей, как уже было когда-то, и построим новые, достигающие звезд города.

— Понятно, — кивнул я. — Но позволь нам уйти отсюда. — Улыбнувшись, я добавил: — Мы предоставляем тебе право самому участвовать в этом.

Не знаю, что ударило ему в голову, во всяком случае, я был поражен тем, что он все-таки решился напасть. Может быть, он не верил в исполнение своих мечтаний, но мне ка-

жется, сильное влияние на его решение оказало то, что я, сняв верхнюю часть комбинезона, завязал рукава на поясе.

Очевидно, он решил, что я, как представитель людей с Больших Саней, представитель тех, кого он так ждал, хочу оставить его здесь одного, что мы отказываемся от него, не желая претворять в жизнь его мечты.

Какова бы ни была причина, резким движением он ткнул рогатый жезл в меня. Я непроизвольно заслонился своим оружием, чувствуя, как оно оживает в руке.

Я снова ощутил, что держу в руке тонкое, мускулистое тело какого-то существа.

Оно обвилося вокруг жезла карлика, и они стали вместе расти, бодаясь при этом вытянутыми рогами.

Я уже говорил, что жезл был холодным, теперь он стал еще холоднее, гораздо холоднее льда, однако, я понял, что дело не в температуре, а в чем-то другом: оттенок энергии, эффект которого можно различить по пронзительному холоду.

Жезл карлика, возможно, потому что был длиннее — начал загибаться назад.

Я посмотрел в лицо Мантры и увидел, что оно кривится, словно от боли. Он обеими руками сжимал свое оружие, пот капал с его толстого подбородка, но жезл все сильнее гнулся в его сторону.

Одновременно я ощущал, что сил у меня остается все меньше.

Казалось, моя жизненная энергия быстрым потоком перетекает через руки в рогатый жезл.

Вскоре антенны оружия были возле лица карлика.

Внезапно рогатая голова моего жезла отклонилась назад и тут же изо всей силы ударила карлика. Тонкие антенны пробили его тело насквозь.

Когда он умирал, я почувствовал огромное удовлетворение и секундный прилив какой-то энергии.

Тем не менее, я едва держался на ногах от слабости.

Я не обсуждал поединок с Сим и Кетином, но вечером, когда мы остановились на ночлег, они первые заговорили о поединке.

Оказалось, они видели другое, совсем не то, что я.

Оба утверждали, что он попросту направил свой жезл на меня, а я свой — на него, и через мгновение он упал мертвый.

Не знаю, что и подумать об этом, хотя даже во время сражения мне казалось, что оно ведется вне окружающего нас мира.

Мы покинули город сразу же после гибели карлика.

Мин, которого карлик считал своим советником, пришел ко мне и спросил, намерены ли мы уничтожить дворец полностью.

У меня не было сил выдать из себя хотя бы слово, поэтому ему ответила Сим, что таких намерений нет.

— Собственно, это уже не имеет особого значения, — пожал плечами мин. — Из того, что осталось, мы соорудим мавзолей для Мантры.

Кетин хотел как можно скорее выйти на поверхность и пристал ко мне, чтобы я показал дорогу.

Однако, первым делом я решил заняться машинами.

Когда мы двинулись в путь, они последовали за нами.

Я протащился с полкилометра, и силы окончательно покинули мое ослабевшее тело.

Колесник взял меня в огромные лапы и посадил наверх, как тогда, когда я попросил его проводить меня к тележке с едой.

Здесь разместились бы и Кетин с Сим, но они были очень напуганы и не могли решиться на столь смелый поступок.

За короткое время мы подошли к границе города.

В какой-то момент дома и освещавшие их огни остались за нашей спиной и мы очутились на дне пещеры.

Машины громко ревели, взбираясь на кучи обломков.

Кетин и Сим карабкались следом, едва поспевая за нами.

Стальные спины машин срезали с потолка густой лес сталактитов, и наше продвижение сопровождалось многократным эхо от грохота и треска ломавшихся кристаллов.

Внезапно стало очень холодно, и с первым порывом свежего воздуха я почувствовал характерный запах снега.

Пришлось натянуть комбинезон.

Мы миновали еще поворот и увидели отверстие, а за ним белое пространство.

Я опасался, что мы выйдем наружу ночью, но, к счастью, время было около полудня.

Сим и Кетин стремились как можно скорее уйти от пещеры, но я убедил их, что нужно немного задержаться, чтобы дать время машинам завалить вход.

Спустя несколько минут отверстие исчезло, заваленное тоннами камня и обломков скал. Зная энергию и умение минов, я был уверен, что рано или поздно им все же удастся выбраться наружу, но какое-то время они не смогут беспокоить нас.

Когда все было закончено, солнце оставило за собой три четверти отмеренного дневного пути.

Я сказал Сим и Кетину, что намерен и дальше преследовать Большие Сани.

Я старался объяснить им, что это мое собственное решение, касающееся только меня одного, что они совершенно не обязаны сопровождать меня.

Сим тут же ответила, что последует за мной, куда бы я ни пошел. Кетин же заявил, что у него другие планы, но он останется с нами до тех пор, пока ему не удастся раздобыть для нас какой-нибудь еды.

Я показал белые питательные кубики, которые нашел в пещере, но он, кажется, не понял, для чего они служат.

Это все, что произошло за сегодня.

Это самый длинный день, о которых я до сих пор рассказывал.

Не буду прослушивать сказанное, поскольку опасаясь, что исчерпается энергия моего устройства.

Сегодня мне удалось, наконец, понять, для чего оно служит — не только для запоминания моих слов и их повторения.

Я знаю, что вы, на Больших Санях, слышите меня сейчас!

Когда становится тихо и не слышно ничего, кроме треска сгоревших поленьев, ровного дыхания Сим и тяжелых вздохов Кетина, мне кажется, что я слышу вас.

Я не знаю, почему вы не хотите говорить со мной, но отлично знаю, что вы существуете!

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Э то был плохой день, хотя, может, и не совсем. Начался он с того, что ночью мне приснилось, будто Сим опять похитили. Может быть, потому что я спал на морозе?

Во сне мины опять пришли, и их снарядик попал мне в то же самое место, что и в первый раз, однако, боль была еще сильнее.

Я лежал на снегу и думал, что все начинается сначала, и теперь Большие Сани еще больше удалятся от меня.

Но это был только сон.

Утром перестал двигаться Жук. Скорее всего, его убил холод.

Колесник сказал, что его можно спасти, если накормить какой-то энергией, но что это такое — я не понял.

Я впервые увидел, как плачет Сим.

Колесник объяснил ей, что Жук не умер, что его можно поправить, что он опять сможет двигаться, как только проснется, но она ему не поверила. Откровенно говоря, она была права, потому что кто появится здесь с инструментами, чтобы исправить его?

Дальше мы продолжали путь с Колесником и Драконом.

Я ехал на Колеснике, но его металлическая поверхность была такая холодная, что пришлось остановиться и насобирать веток, чтобы подложить их под зад.

Через несколько часов мы вышли на след Больших Саней.

Он был припорошен снегом, но все еще хорошо виден.

Машины пошли быстрее, чем когда мы были вынуждены форсировать снежную целину.

Кетин покинул нас, заявив, что уходит на охоту и если мы будем идти по следу, то он легко отыщет нас.

Он вернулся только вечером, притащив тело молодой женщины неизвестного мне племени.

Она выше нас, со смуглой кожей и, должно быть, была очень красива, пока Кетин не свернул ей шею.

Кетин не захотел ее есть, говоря, что она предназначена для нас, а поскольку мы с Сим уже поужинали, тело привязали к спине Дракона.

Кетин объявил, что покинет нас завтра утром.

На этом я заканчиваю, добавив, что порванный вампирами комбинезон доставляет мне большие неудобства. Холод, проникающий в дыры, охлаждает все тело.

Я обмотал рваные места остатками паруса с саней Рваного Ножа, но это не очень-то помогло. Может, поэтому рана в боку болит еще сильнее.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Собственно, рассказывать не о чем.

Весь день двигались по дороге.

След Саней не очень свежий.

Кетин ушел еще с утра.

Я очень устал, но заставил себя пройти несколько сот метров, чтобы согреться.

Около полудня я услышал песнь вигтиков.

Наверняка, это какое-то другое племя, но песнь та же самая.

Она напомнила мне об охоте на нашвонка, и я решил проверить, смогу ли бежать по снегу, не проваливаясь.

Не смог, так как не набрал нужную скорость.

Может, когда-нибудь это и удастся.

Вечером Колесник наломал веток для костра. Сим взяла мой нож и отрезала кусок бедра женщины, которую добыл для нас Кетин, но я только выпил немного воды с растворенным в ней кубиком из пещеры.

Сим была в восторге от моего ножа — как легко он режет замороженное мясо!

Она думает, что я, наверное, расстроен, и старается развеселить меня, но я просто очень устал.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

На протяжении нескольких часов мы потеряли и Колесника, и Дракона.

Первым остановился Колесник, а через несколько минут Дракон.

Уже некому было сказать нам, что можно сделать.

Мы перепробовали все, что делали раньше для Жука, но все напрасно.

Колесник был хорошим товарищем, и нам будет очень его не хватать.

Мы вырезали лучшие куски мяса со спины убитой Кетинном женщины и двинулись дальше пешком.

Это мясо для Сим, поскольку никакие силы не смогут заставить меня проглотить хоть кусок.

В сумерках, когда мы решали, идти дальше или остановиться, к нам вышел памигак.

Вначале я не узнал его, а потом оказалось, что это Белое Яблоко.

Он болтал, как сумасшедший, и я было подумал, он радуется, что наконец-то ему удалось найти людей, так как несколько последних ночей он провел совершенно один, что было крайне неприятно.

Он говорил, что слышал о нас.

Оказывается, нас видела масса народа, но они боялись подойти поближе.

Идут слухи, что с нами жуткие чудовища.

Я спросил Белое Яблоко, видел ли он их.

Памигак рассмеялся и сказал, что нет, потом начал хвалиться, что не верит в такие байки.

Он должен был пройти мимо засыпанных снегом Колесника и Дракона, даже не подозревая, что там, в сугробах.

Сомневаюсь, что он мог бы представить себе что-то такое, если бы увидел их в движении.

Я спросил, что ему нужно так далеко от племени.

Он ответил, что хочет кое о чем расспросить людей с Больших Саней.

Сейчас оба уже заснули.

Белое Яблоко тихонько храпит, но я все равно услышу, если кто-то появится за пределами круга, освещенного нашим костром.

Все время я держу под рукой рогатый жезл.

Я слышу и ваше дыхание, хотя вы далеко на Больших Санях.

Я начинаю подозревать, почему вы молчите.

Может, это какое-то испытание?

Может, если я выдержу его, вы тогда отзоветесь?

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Не знаю, почему отсчет дней должен иметь для меня какое-то особенное значение, но это именно так.

Меня преследуют жуткие сны.

Я убил одного из минов магической палкой Сим, и они объявили меня своим королем.

Я убивал этого мина раз за разом, яд с колючек смешивался с его кровью, однако, он упрямо не хотел умирать, повторяя, что хочет стать моим рабом и выполнять все мои приказы.

Меня охватило какое-то странное возбуждение и одновременно стыд из-за того, что я убил кого-то лишь потому, что он захотел стать моим товарищем.

Одновременно я желал, чтобы он умер как можно быстрее и никто бы не узнал, что я виновник его смерти.

Проснулся я весь в поту, и на сильном морозе было неприятно ощущать, как на спине образовывается тоненькая корочка льда.

Больше заснуть не удалось.

Когда рассвело, я отправился на поиски следов существа, которое шумело ночью.

Метрах в пятнадцати от костра я наткнулся на следы.

Они принадлежали человеку, который по неизвестной причине делал шаги разной длины.

Сегодня мы прошли немного.

Я был очень слаб.

Хорошо, если километров десять, но боюсь, что гораздо меньше.

Ваш след становится все более неразличимым, значит, вы двигаетесь гораздо быстрее нас.

Вечером я сказал Сим и Белому Яблоку, чтобы дальше они шли без меня, однако, они и слышать об этом не хотят.

Вчера Белое Яблоко съел почти весь запас мяса, но сегодня собрал много съедобных растений, и я добавил их в ужин, состоящий из бульона из кубика.

* * *

Ты думаешь, что я сплю, но это не так. Я слышу все, что ты говоришь.

Я знаю, что ты говоришь в черное ухо и оно потом повторяет твои слова.

Сейчас ты спишь, и я скажу тебе кое-что. Когда ты проснешься и не найдешь меня, то может, прослушаешь мои слова или ухо само заговорит с тобой моим голосом.

Я люблю тебя, но не могу любить, как мужа, поэтому должна уйти. Если бы твое сердце билось в груди Ловца Рыбы, мы могли бы счастливо жить на берегу реки.

Я знаю, ты хочешь догнать Большие Сани. Когда-то ты пригласил меня с собой — помнишь ли ты еще это? — но мне казалось, что мне это больше нужно, чем тебе. Тогда мне казалось, что погоня займет не больше, чем один-два дня.

Теперь я знаю, что наши шансы невелики, так как след становится все более незаметным. Вскоре мы достигнем совершенно чужих земель, а когда след за нами исчезнет, я не смогу вернуться к озерам и рекам, которые знаю.

Поэтому я уйду. Если бы я была уверена, что ты пойдешь со мной, то выжидала бы до твоего выздоровления, но я знаю, что это невозможно. Я люблю тебя и не могу больше оставаться. Я бы очень хотела, чтобы мы могли всегда быть вместе.

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Сим ушла. Сперва я подумал, что ее опять украли, но на снегу не было других следов, кроме ее собственных. Мы шли по ним примерно с полкилометра, потом обнаружили, что их пересек след человека, который все время крутился возле нашего лагеря.

Да, забыл сказать! Сим забрала с собой свою магическую палку.

Прощай, Сим!

Мне снова приснилось, что я убил Мантру.

До сих пор я думал, что моя слабость вызвана раной и холодом, но теперь мне кажется, что это не так. Мне не хватает сил, что отнял у меня рогатый жезл.

Мантра пользовался своим с детства и поэтому остался карликом. Я, конечно, уже не стану маленьким, но, пожалуй, мне больше не удастся распрямить плечи и выпятить грудь.

Уже поздно, далеко за полночь. Мы проговорили весь вечер, строя планы на будущее.

Белое Яблоко уже спал, а я все еще что-то шептал вам в черное ухо, когда внезапно в кругу света оказался Кривая Нога. На удивление, появление его щуплой фигуры принесло огромную радость, словно я лишь вчера покинул лагерь виг-

гиков. Я почувствовал себя так, словно вернулся домой, или, точнее, часть дома пришла ко мне, хотя я никогда не был достаточно близок с Кривой Ногой.

Когда я вспоминаю прошлое, мне кажется, что дорогими для меня были только Красная Клиу и ее сын Длинный Нож. На Кривую Ногу я обратил внимание только тогда, когда его едва не убил нашвонк.

Сейчас он с нами. Он говорит, что преследует большие Сани уже с неделю. Когда он увидел нас, то сначала стеснялся присоединиться, но теперь преодолел стыд. Он ходит вокруг костра две ночи.

Он видел, как уходила Сим, но не посмел задержать ее. Он говорит, что она плакала. Надеюсь, он не врет.

У Кривой Ноги есть сани. Он знал, что я уехал на санях, поэтому построил себе такие же, чтобы догнать меня. Они больше тех, что я купил у Длинного Ножа за мясо нашвонка, и у них хороший парус.

Мы должны начать двигаться быстрее.

Завтра рано утром мы начнем наш путь, и никто не сомневается в том, что мы догоним Большие Сани в течение четырех-пяти последующих дней.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Этот день, пожалуй, был самым счастливым днем в моей жизни. Мы выехали еще до рассвета и ехали быстро. Вскатывать и подталкивать сани приходилось не чаще, чем один раз в час. Поскольку дорога завалена большими сугробами, ехать пришлось не по обледеневшей ровной поверхности, а по снежным волнам.

Кривая Нога сидел на руле, натягивая парус, и пел Песнь Преследования, отдавая порой приказы Белому Яблоку, чтобы тот подтолкнул сани. На вид памигак маленький и толстый, но в его теле дремлет огромное количество энергии. Я лежу на носу саней и довольствуюсь приятной ролью пассажира. Иногда приходят мысли, что мне так не хватает Колесника, но через мгновение я вынуждаю себя признаться, что такое скольжение гораздо приятнее, чем езда у него на голове. Вокруг тишина, прерываемая только скрипом полозьев. Мы все время ускоряемся или притормаживаем, и я обычно загадываю, как ведомые твердой рукой Кривой Ноги сани будут преодолевать очередной сугроб.

Должен сказать, что наши сани довольно комфортабельны. На них установлена небольшая кожаная палатка, кото-

рая со всех сторон обсыпана снегом, и теперь, когда внутри горит огонь, в ней довольно тепло.

Перед тем, как закончить рассказ, я должен добавить еще кое-что. Целый день я колебался, рассказать или нет, что я сделал со своим рогатых жезлом? И вот, наконец, пришел к единственному решению — рассказать правду. Я специально оставил его где-то там, в снегу. У Кривой Ноги есть оружие, и мой жезл уже не пригодится. Это была последняя вещь, которую я вынес из пещеры, за исключением металлической коробки с белыми кубиками. Теперь их осталось только три.

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

Он самый теплый из всех, до сих пор прошедших. Кривая Нога и Белое Яблоко твердят, что такого они не видели.

К полудню снег начал таять, но когда мы стали уже опасаться, что дальше сани не пойдут, температура упала, и спустя какое-то время образовалась прочная корочка льда, по которой мы могли развить большую скорость.

Вечером пришлось разделить белые кубики, хотя Кривая Нога и Белое Яблоко вначале противились этому.

Но после нам повезло. Белое Яблоко насобирал растений, а Кривая Нога подбил снежную обезьянку, поэтому в итоге мы устроили роскошный пир.

НЕМНОГО ПОЗЖЕ:

Не могу спать, поэтому выбрался наружу. Было очень светло. Когда я увидел ослепительно сверкающий снег, то даже удивился, что так светло от двух лун, и оказался прав. На небе было что-то, напоминающее серебристое облако, раскинувшееся от горизонта до горизонта, которое своим блеском затмило все звезды.

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Когда мы проснулись рано утром, температура воздуха поднялась на несколько градусов выше нуля и росла весь день.

Сначала мы тащили сани за собой, но в конце концов, решили их бросить. Я посоветовал Кривой Ноге взять с собой парус, что тот и сделал. Двигались мы медленнее, чем на сани, и, казалось, должны были расстроиться от сознания этого факта, но в целом было не так. Поскольку сани не могли двигаться по растаявшему снегу, тем более этого не могли и Большие Сани, которые значительно тяжелее наших, и тащить их за собой не было никакой возможности.

Поэтому, несмотря на то, что мы шли пешком, Большие Сани уже не удалялись от нас.

Идти по раскисшей земле становилось все тяжелее. Похоже, больше всего достается сейчас Кривой Ноге. Пот заливал ему глаза, он хрипло дышит, привлекая искалеченную ногу. Он начал рассказывать мне, что с тех пор, как стал калек, не мог смотреть прямо в глаза своим соплеменникам. Ему вечно казалось, что за его спиной их лица приобретают звериный оскал, только и жаждущий его крови.

Он не мог больше оставаться среди них. Больная нога еще не зажила до конца, но он уже мог достаточно быстро ходить и даже немного бегать.

Сегодня весь день мы шли туда, откуда доносился шум воды. Мои спутники говорят, что уже бывало время, когда снег таял, но это никогда не приходило так внезапно.

Весь день меня преследовала мысль о таинственном серебряном облаке. Я был очарован этой загадкой, так как ничего подобного мне еще не приходилось видеть.

Где-то под вечер на обрывистом берегу kloкотавшей талыми водами реки мы обнаружили развалины. Мало что сохранилось от двух некогда, наверное, высоких башен, но помещения первого этажа одной из них еще кое-как держались. Когда-то все это было погребено под снегом, но теперь явилось на свет божий. Что это такое — «свет божий»? Это слово только что само пришло мне на ум. Я не знаю, что оно означает.

Я еле уговорил спутников подойти к развалинам. Еще одна загадка этого мира.

Мы побродили немного по огромным пустым залам с горами векового мусора на полу, но ничего интересного не нашли. Стал накрапывать дождь, и мы решили спрятаться, а заодно и переночевать в одной из комнат, где еще сохранился потолок.

Правда, местами в нем сияли огромные дыры, но это даже к лучшему, поскольку мы отнюдь не собирались задохнуться от дыма костра. Практически все, что мы могли собрать в качестве топлива, было мокрым.

Постелив на полу кожаную палатку, мы молча уселись возле дымного костра, погруженные каждый в свои мысли. Внезапно — свет еще всюду лился из большого пролома в потолке — я увидел на противоположной стене какие-то блеклые пятна. Подойдя, я провел ладонью по стене, с удивлением обнаруживая под вековым слоем кое-где окаменевшей пыли какое-то мозаичное панно. От неожиданности я растерялся, но уже через мгновение, подхватив с пола кучу листьев, насыпавшихся через дыру в потолке, ожесточенно тер стену, пытаясь рассмотреть, что же там изображено. Посыпавшиеся куски мозаики заставили меня продолжать работу более осторожно.

Через несколько десятков минут, закончив и вытерев стену мокрыми листьями, собранными снаружи, я смог разли-

чить кое-какие фрагменты некогда, наверное, довольно красочных картин.

На одной из них был изображен человек, похожий на меня, стоящий в обнимку с крылатым существом. Нет, это был не вампир из пещеры, а такой же человек, как и я.

На другой мозаике эти же люди смотрели в окно, сидя за громоздким, странным столом, на котором светились разнообразные лампочки. Я сразу подумал, что это лампочки — что означает это слово? — хотя на мозаике это были просто кусочки разноцветного стекла. Из окна открывался вид на черную поверхность, по которой кое-где были разбросаны белые точки. И наконец, на третьей, хуже всего сохранившейся, можно было различить на том же черном фоне серебристый круг и на некотором удалении от него два маленьких кружка. Ничего больше разобрать мне не удалось. Стало темно.

Мои спутники улеглись спать, словно ничего не произошло, я же никак не мог уснуть, мой разум, потревоженный увиденным, отказывался уходить на покой.

Я вышел наружу и стал смотреть на небо. Серебристое облако продолжало заливать каким-то нереальным светом пытающуюся уснуть землю. Внезапно мне пришло в голову, что над ночной стороной планеты рассеяно облако металлической пыли, представлявшееся мне сейчас серебристым облаком. Это ложное солнце было отражением настоящего, лучи которого падали на частички пыли, а потом на землю, заставляя таять снега.

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Весь день мы с трудом продвигались вперед. Я совсем выбился из сил. Больше ничего интересного не произошло.

Вечером я показал Кривой Ноге и Белому Яблоку серебристое облако и постарался объяснить, что это такое. Они были напуганы и изумлены, но не думаю, что хоть что-то из этого поняли.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

Я остался один. Я попытался было утром идти с ними, но уже через несколько часов понял, что не в силах выдерживать такой темп. Я сказал им, чтобы дальше они шли без меня. Белое Яблоко хотел понести меня, но я оказался слишком тяжелым для него. Вместе с Кривой Ногой они сделали из двух жердей и паруса что-то вроде носилок, но через несколько десятков метров оказалось, что покалеченная нога Кривой Ноги не выдерживает длительных нагрузок.

Тогда они решили остаться со мной, пока я не выздоровею.

Единственное, что мне оставалось, имитировать страх перед ними, ведь вигтики убивают своих больных. Конечно, они могли это сделать безо всяких проблем. У меня совершенно не было сил обороняться, и они хорошо знали это.

Я прикинулся, что очень боюсь этого, и им ничего не оставалось делать, как покинуть меня.

Я чувствую себя очень одиноким, но что делать! Не хочу, чтобы из-за меня они потеряли возможность догнать Большие Сани.

Я ведь не так глуп, чтобы поверить, что когда-нибудь выздоровею. Может быть, если им удастся догнать Большие Сани, они расскажут экипажу обо мне. Так, по крайней мере,

я надеюсь. Сейчас, когда сам я уже наверняка не доберусь туда, это было бы самое прекрасное, чего можно ожидать.

Я убедился, что могу идти не более пяти минут, а потом вынужден долго отдыхать. Иногда я ложусь навзничь и долго наблюдаю отраженное фальшивое солнце.

Озаренный необычным светом мир выглядит очень странно и наполнен звуками, издаваемыми тающим снегом. Маленькие ночные животные, о существовании которых я даже не подозревал, нерешительно крутятся на раскисшем снегу.

Одно несколько минут назад пробежало возле меня. У него большие глаза и почти человеческое лицо. Оно напомнило мне небольшого медвежонка, хотя, если подумать, я не знаю, как, собственно, выглядят настоящие медвежата.

След от Больших Саней идет прямо на запад. Кажется, он не имеет конца.

Внезапно я увидел какое-то движение на востоке, там, откуда пришел. Сначала я подумал, что это какие-то сани, но они ведь не могут двигаться по раскисшей земле!

Что бы это ни было, оно двигалось очень быстро и было очень большое для саней.

Может, тепло оживило Колесника?

Нет, это было больше его. Оно напоминало движущуюся гору, а наверху я заметил человеческие фигуры.

Этого мне достаточно. Я знаю, кто вы.

Эта маленькая планетка имеет форму шара, и вы объехали ее вокруг, заставляя меня прекращать свой рассказ маленькому устройству. Теперь я смогу встретиться с вами лицом к лицу. Кто вон тот высокий человек? Мне кажется, или он в самом деле имеет... крылья?

МАРИОНЕТКИ

За восемь часов до посадки на планету Сарг в пластиковую клетку размером два на четыре метра, игравшую во время путешествия роль кают-компания, подбросили листовку.

В ней было сказано, что с посадкой на Сарг мы попадаем в совершенно иной мир.

Я выбросил листовку в мусорную корзину.

Конечно же, посадка на Сарг означала возможность окунуться в совершенно иной мир.

Можно было ожидать каких-нибудь необычных световых, звуковых эффектов, новых запахов, но на Сарге все по-другому. Дневной свет был смешан в желтый спектр, поэтому все выглядело старым и походило на матовое золото. Воздух был чистым и прозрачным. Здесь не было фабрик и заводов, и не существовало местных форм жизни, которые были бы опасны для колонистов. С Земли, к тому же, сюда завезли привычные для глаз растения.

Я заметил калифорнийские сосны, среди которых было бесчисленное количество одичавших экземпляров «Глории» и «Чайной».

Стромболи — человек, на встречу с которым я прилетел — прислал за мной легкую повозку с возницей. Если вы не хотите иметь промышленность, то необходимо примириться

с отсутствием некоторых вещей — я бы даже сказал, очень многих, — поэтому я имел счастье присмотреться к поросшим травой холмам и вьющимся по скалам растениям. Кажется, я сказал что-то насчет цветов, потому что возница поинтересовался:

— Синьор занимается искусством?

— О, нет. Я кукловод. Но я сам делаю и раскрашиваю свои куклы. Если, конечно, это можно назвать искусством, то может быть, хотя я стараюсь, чтобы это было именно так.

— Это я и имел в виду. Почти все, кто приезжает к хозяину, занимаются куклами. Ящик, который вы везете с собой, пульт управления, синьор?

— Да. — Я приоткрыл упаковку и показал ему рычажки и регуляторы.

— У хозяина тоже есть такие, — кивнул возница. — Ну, может, не в точности, но очень похожие. Не могли бы вы, синьор... — Он взглянул на футляр, где хранилась Харита. — Время пройдет незаметно.

По моему приказу она открыла глаза и села рядом с нами, потом запела чистым, звонким голосом. Харита на голову выше меня, у нее светлые волосы, длинные ноги и тонкая талия.

Благодаря этому она была, как я думал, немного гротескной пародией на милую девушку.

Я приказал ей поцеловать возницу.

— Вы настоящий артист, синьор. Весьма неплохо.

— Я забыл сказать, что ее зовут Харита, поскольку именно этого ожидает от нас публика.

— О, да, синьор, вам это удалось!

Я приказал Харите протанцевать по дороге, потом забраться в футляр и закрыть глаза.

— О, синьор! Это настоящее мастерство. Какие прыжки! Каждый умеет прыгнуть пару раз, но так долго, да вдобавок еще на столь неровном грунте и так быстро... Я знаю, как это сложно. Это достойно уважения.

— У меня получается так же, как и у вашего хозяина? — спросил я.

— Нет, — покачал головой возница, — хозяин это делает лучше. Я видел многих. Они приезжали к хозяину. Но среди всех он самый лучший. Думаю, он будет доволен, увидев ваше искусство.

Дом в итальянском стиле был гораздо меньше, чем я ожидал. Однако, он был окружен большим, слегка запущенным садом. Возница заверил, передавая меня синьоре Стромболи, которую я заметил наблюдающей из окна, когда мы были еще на дороге, что займется моим багажом. Волосы этой дамы были седыми, но гладкая оливковая кожа лица и прекрасные черные глаза напоминали о былой красоте.

— Здравствуйте. — Она протянула руку. — Я рада, что вы приехали к нам.

Я ответил, что это большая честь для меня.

— Нужно большое мужество, чтобы путешествовать среди звезд. Когда-то в молодости мой муж отправился в космос, чтобы немного заработать, а я осталась дома, так как полет стоил больших денег, и он полетел один со своими куклами. Я ждала несколько лет, но в конце концов, он вернулся.

— Вы были тогда очень одиноки, — заметил я.

— Естественно. Сейчас, когда мы осели здесь, не многие могут позволить себе посетить нас. Здесь красиво, правда? Но пусто. Мы с мужем здесь совершенно одиноки. Но это хорошо. Вы, наверное, хотите умыться с дороги? Потом я проведу вас к нему.

Я поблагодарил ее.

— Мой муж будет любезен с вами. Он любит молодых, которые владеют столь древним искусством. Но прошу вас, не задумывайтесь над тем, что он вам покажет. И не советую спрашивать, как он это делает. Он сам, если захочет, покажет и, наверняка, очень многое.

Все так и оказалось.

Я даже подумать не мог, что возможно такое счастье. Он был очень великодушен, однако пополудни отправился на тренировку, которую проводил в одиночестве в комнате с зеркальными стенами. Спустя какое-то время я знал уже все, о чем когда-либо слышал, за исключением знаменитого забавного клоуна Занни. Стромболи показал мне, как держать в движении сразу пять кукол, как быстро осуществлять движение каждой в отдельности, создавая при этом ощущение, что ими управляют пять разных операторов. Насколько мне удалось запомнить, я никак не мог отделаться от мысли, что у него есть где-то еще один оператор.

— Когда-то это были маленькие куколки, — сказал Стромболи. — Вы что-нибудь читали об этом? Самые большие едва достигали метра и двигались при помощи шнурков. В те времена никто не мог управлять более, чем четырьмя куклами. Представляете, синьор? Сейчас такие, как мы с вами, можем управлять большим количеством. Скоро можно будет держать под контролем одновременно шесть кукол. Да, это вполне возможно. На мой гроб будут бросать цветы, повторяя: «Он мог управлять шестью одновременно!»

Я сказал, что был бы счастлив, если бы управился хотя бы с тремя.

— Я научу вас, синьор. Уже сейчас вы способны делать довольно сложные трюки. Но только с одной куклой. А чтобы освоить движения тремя одновременно, нужно иметь три куклы и постоянно тренировать пальцы. Вы освоили женский голос, можете говорить и петь. С этим как раз вся загвоздка. Я уже стар, мой голос не так глубок, как когда-то. Но когда я был в вашем возрасте, то говорил настоящим басом и использовал специальную аппаратуру, создавая женский голос. И даже сейчас... Послушайте.

Три его девушки — Джулия, Лючия и Рафаэла — вышли вперед. Какое-то время они просто хихикали, потом, после перешептывания, запели арию Роситы из «Севильского цирюльника». Джулия пела колоратурным сопрано, Лючия — контральто, а Рафаэла — меццо-сопрано.

— Вы можете использовать запись, — предупредил меня Стромболи. — Это очень просто — записать что-то, а потом обманывать. Правда, хорошая публика сразу же распознает это и попросит продемонстрировать что-нибудь еще. И что тогда? Так что я не советую вам делать подобное. Вы знаете, как я научился этому фокусу?

Я выразил заинтересованность.

— В самом начале, когда я еще не был женат, мне приходилось имитировать только мужчин. Иногда, правда, удавалось воспроизводить фальцет, дававший приблизительное подобие женского голоса. Потом я женился, и Мария стала помогать мне. Я не всегда работал один. Жена часто управляла простыми движениями и создавала женские голоса.

Я понимающе кивал.

— Как я мог научиться. Когда я говорил: «Мария, сегодня ты будешь сидеть в зрительном зале», она отвечала: «Нет, этим займусь я, у меня получается лучше». Так что же делать? Я собрался и надолго отправился в межзвездное турне. Мария же осталась дома. Когда я вернулся, то уже мог делать то, что вы видели сегодня.

Джулия, Лючия и Рафаэла поклонились до земли.

С синьором Стромболи мы распрощались накануне моего отлета с Сарга. Мой корабль улетает после полудня, а тренировки знаменитого кукловода были священным ритуалом, нарушить который невозможно. Поэтому прощальный обед был дан вечером накануне моего отъезда. Мы пили итальянское вино, пели песни. Кроме нас троих, никого больше не было. Когда рано утром я собрался упаковывать свои вещи, то не мог найти пару туфель. После долгих безуспешных поисков я послал их ко всем чертям и вручил багаж слуге, еще раз попрощался с синьорой Стромболи и вышел во двор, ожидая повозку в вознице.

Прошло пять минут, потом десять. У меня была масса времени, несколько часов, но я заволновался. «Что же могло задержать его?» — подумал я, но тут раздался стук копыт, грохот колес и из-за угла дома появился экипаж. Однако, возница был другой, вернее, была: темноволосая девушка в розовом платье, которую я видел в этом доме впервые. Она остановила повозку возле меня, легким движением руки указала на багаж, сложенный возле моих ног, и произнесла:

— Садитесь. Антонио внезапно заболел, и синьор приказал мне отвезти вас. Меня зовут Лили. Вы слышали обо мне?

Я сел рядом с ней и ответил, что не слышал.

— Вы приехали к синьору Стромболи и ничего не слышали обо мне? Ах, какой ужасной может быть слава! Когда-то все только обо мне и говорили, именно поэтому он отрекся от меня. Сейчас он живет со своей женой и хочет, чтобы все считали его преданным и любящим мужем... Хотя мой домик так близко отсюда.

Я заметил, что по-соседству не видел ни единого строения.

— Достаточно сделать несколько шагов, чтобы увидеть его! — Она взмахнула кнутом, и мы тронулись в путь. — Мария не знает этого, но для ее мужа он в нескольких шагах. Дурак, разве что старый. Вы думаете, что и я старая?

Она откинулась назад, повернув голову так, чтобы я мог разглядеть ее в профиль: курносый носик и полные карминовые губы.

— Грудь у меня еще в полном порядке. Может, я немного прибавила в талии и бедрах, но это неплохо.

— Вы очень красивая, — сказал я.

Это было именно так, хотя под слоем макияжа можно было разглядеть сеточку морщин.

— Красивая, но выгляжу старше своих лет.

— Года на два.

— О, нет, значительно больше, — рассмеялась она. — Я нравлюсь вам?

— Вы бы понравились любому.

— Понимаете, я не являюсь девушкой для постели. Конечно, с синьором Стромболи я была близка, но с другими мужчинами очень редко и никогда не продавалась ни за какие деньги.

Колеса стучали по каменной мостовой.

— Неподалеку есть одно местечко, — немного помолчав, сказала она. — Полянка с цветами и травкой, рядом журчит ручей...

— Я должен успеть на звездолет.

— У вас еще два часа до старта. Второй час вы проведете в кресле в здании космопорта, отдыхая перед полетом и вспоминая обо мне.

Я покачал головой.

— Вы сказали, что синьор многому научил вас. Меня тоже.

Ее нога коснулась моей.

— Мне жаль, — сказал я, — но есть еще кто-то.

Это была неправда, но в таком положении, как мне казалось, она была лучшим выходом из положения.

— Кто-то, кому я не могу изменить, если хочу сохранить душевный покой.

Девушка промолчала.

* * *

Лили подвезла меня к входу в космопорт и помогла перенести багаж на транспортную ленту. Когда мои чемоданы уехали в здание космопорта, она легко вскочила в экипаж, стегнула

лошадь кнутом и через минуту грохочущая повозка скрылась в облаке пыли.

У входа в космопорт робот-уборщик почистил от этой пыли мою одежду рычагами-щетками.

Как я и надеялся, в запасе оставалось около двух часов. Я провел их, листая журналы и разглядывая горы, которые вынужден буду вскоре покинуть.

— Внимание! Пассажирам, вылетающим в систему Сол и Вега, просьба пройти к стойке номер пять! До отлета остается пятнадцать минут!

Я не спеша поднялся и направился к пятой стойке, но вдруг остановился, как вкопанный. Ко мне двигалась знакомая по фотографиям фигура.

— Сэр!

Это звучало раскатисто: «Сэээээrrrrr!», с интонацией, наводившей на мысль о звуке, который мог бы издать хоботом пьяный слон.

— Сэр!

Большой живот был обтянут камзолом с гранатовым поясом шириной в мою ладонь.

— Сэр! Ваши туфли! Они у меня!

Это был Занни, совершенное творение Стромболи. В его огромной ладони мои туфли выглядели так, что я тут же почувствовал свою ничтожность. Люди смотрели на нас, споря друг с другом, правда ли, что это Занни, или нет.

— Мой хозяин очень беспокоился, — кричал Занни. — Можете мне не поверить, но я бежал всю дорогу.

— Спасибо, — пробормотал я.

Я взял туфли и одновременно оглянулся по сторонам, ища взглядом Стромболи. Он должен быть где-то здесь.

— Мой хозяин, — продолжал Занни театральным шепотом, который, однако, был отлично слышен, по крайней мере, на первых двух этажах здания, — знает о вашем разговоре с Лили. Как вам известно, сэр, нашу планету иногда называют Планетой Таинственных Роз. Поэтому он просил бы вас сохранить услышанное в тайне.

Я кивнул и, наконец, заметил Стромболи. Он стоял в дальнем углу космопорта с ничего не выражавшим лицом, и только пальцы бегали по переносному пульту управления.

— Джорури! — удовлетворенно кивнул я.

— Джорури, сэр? — переспросил Занни.

— Японский театр кукол. — Я усмехнулся. — Кукловоды там видны, но публика делает вид, что не замечает их.

— О, тут я полный профан, сэр. В этом разбирается мой хозяин. Но, может, так и должно быть?

— Может... Ну все, я должен идти, чтобы не опоздать на корабль.

— То же самое вы говорили и Лили. Мой хозяин просил передать вам, что он был когда-то таким же молодым, как и вы. Он надеется, вы твердо знаете, кому останетесь верны, хотя сам он этого никогда не знал.

Я подумал о морщинках на лице Лили, которые заметил под слоем грима, потом о лице Хариты — розовом, пышущем здоровьем.

С туфлями в руке я поднялся на борт звездолета и спрятался в свою пластиковую коробку.

100

101

102

103

104

105

106

107

СОДЕРЖАНИЕ

Дамона Кинг — победительница тьмы	
Часть первая. Кукольный мастер.....	7
Часть вторая. Кукла-чудовище.....	101
Часть третья. Серая смерть.....	197
Песнь преследования.....	283
Марионетки.....	371

Сдано в набор 03.11.92. Подписано в печать 9.04.93. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч-изд. л. 25,5. Физ. п. л. 12. Тираж 100.000. Заказ № 1216. С—5.

Амбер Лтд., 665830, г. Ангарск, 76-9

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**Книготорговый отдел
издательства "СИГМА — ПРЕСС"
предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

**Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.**

**Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.**

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

**Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 1700 пачек.**

МЫ ЖДЕМ ВАС !

АМБЕР ЛТД.

**ДАМОНА КИНГ —
ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА ТЬМЫ
ПЕСНЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
МАРИОНЕТКИ**